СЕРИЯ «ЗВОНОК ИЗ БУДУЩЕГО». КНИГА ВТОРАЯ
КАК МЫ НАШЛИ ТЕБЯ
ДЖ.Т. ЛОУРЕНС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Пожертвуете ли вы сыном, чтобы спасти дочь?

Четырехлетний сын Кейт — необычный мальчик. Он появился на свет неестественным путем. Теперь жестокий культ хочет его смерти, и Кейт сделает все, чтобы защитить малыша… пока они же не похищают ее дочь.

Кейт преследует тяжелое прошлое. Она пытается наладить жизнь, которая кажется экспериментом в виртуальной реальности, и паранойя готова поглотить девушку. Но, когда кто-то пытается похитить Мэлли, она понимает, что боялась не зря.

За несколько часов до того, как пророчество культа исполнится, Кейт и Сет встречаются с опасностью, которую не могли себе представить, пока отчаянно пытаются защитить ребенка. Однако харизматичный лидер культа считает иначе, отчего Кейт оказывается в безвыходной ситуации. Кого она спасет, а кем ей придется пожертвовать?

•

Название: Как мы нашли тебя
Серия: Звонок из будущего № 2
Автор: Дж. Т. Лоуренс
Переводчик: Arctic_penguin
Редактор и оформитель: Маргарита
Переведено для группы Dark Eternity of Translations | Натали Беннетт, 2022

Любое копирование фрагментов без указания переводчика и ссылки на группу
и использование в коммерческих целях ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд! Все права принадлежат автору.

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.

Глава 1
Они никогда не найдут тела
Йоханнесбург, 2024

Кейт поднимает взгляд от своего голоэкрана и усиленно моргает. Сколько времени она провела в сети? Девушка лишь хотела посмотреть рецепт быстрого ужина, но упала в кроличью нору, заполненную перекрестными ссылками. Открытая вкладка занимает все ее внимание. Анимированное 4D изображение в гиперцвете плывет перед ее глазами — или как Сет называет это: радужные таблицы.

Близнецы слишком притихли. Должно быть, затеяли что-то. Пачкают стены шоколадными блестками? Запекают свой пирог из «Лего» в настоящей духовке? Кейт вздыхает, потирает глаза и обхватывает шею сзади теплыми руками. Она представляет, как разноцветные пластиковые блоки стекают через металлическую решетку. Карамелизированная лава из «лего». Она надеется, что запах горелого пластика — это лишь проделки ее синестезии.

— Сильвер? — зовет она. — Мэлли?

Нет ответа.

— Сильвер?

Часть ее хочет сделать вид, что не замечает тишины. Спокойствие трудно обрести, когда ты мать-одиночка, растящая четырехлетних близнецов. Ну, не совсем одиночка и не совсем близнецов. Да и пока не совсем четырех лет, но такова жизнь: серия «не совсем» и полуразрушенных мечтаний.

Тишина обволакивает ее, как свежее белое облако (Лишенное цвета Блаженство).

— Мэлли?

Она убирает ноги с педалей и выкарабкивается из-за своего велостола *(прим.: конструкция оборудована ортопедическим креслом, рамой, педалями и столешницей)*. Голографическое изображение исчезает, отчего тишина кажется громче. Она зовет детей снова.

— Сильвер?

Может быть, они смотрят что-то с наушниками в ушах. Девушка проверяет игровую комнату. На киностене беззвучно воспроизводится анимированный фильм, но его никто не смотрит. Пол спальни представляет собой полосу препятствий из разбросанных игрушек и одежды. Она поднимает Альбу, Сильвер постоянно ходит в обнимку с этим кроликом, и аккуратно кладет на подушку. Качели-качалки пусты, хоть слегка покачиваются, словно кто-то только что задел их мимоходом. Кейт останавливает их рукой.

Из угла доносится хныканье. Она разворачивается кругом, ее желудок сводит от страха. Еще один грустный плач доносится из груды плюшевых мишек и машинок. Кейт на цыпочках подкрадывается к хныкающей кучке и принимается ее разбирать. Она находит пупса-робота Сильвера. Поняв, что его взяли на руки, пупс-робот перестает плакать и моргает, глядя на нее.

— Мама, — произносит он. — Мама.

Силиконовые конечности младенца теплые на ощупь. Его рот открывается и закрывается в поисках соски. Кейт никогда не любила мягкие роботизированные куклы. Не по вине игрушек, что-то в ней просто испытывало отвращение к схожести с ними. «Эффект зловещей долины» — так это называют, когда робот, выглядящий и действующий как человек, вызывает отвращение и неприязнь у людей-наблюдателей.

— Мама, — произносит он снова, а затем опять ищет, что пососать.

Кейт переворачивает игрушку, расстегивает хлопковый комбинезон и приподнимает ткань, чтобы обнажить выключатель на спине. Желтый адреналин выстреливает в ее кровь. Игрушка уже выключена.

— Мама.

Девушка почти роняет ее из рук. Она дергает выключатель вперед-назад, снова разворачивает игрушку. Игрушка подмигивает ей в ответ.

Короткое замыкание. Ее сердце бешено стучит. Она делает шаг, и ее ногу пронзают кобальтовые звезды. Она опускает взгляд и видит, что встала на игрушку «Волантер».

Теперь она зовет громче тоном, который совсем ей не принадлежит.

— Сильвер?

«По крайней мере, мы находимся в высотке. Красивая безопасная квартира вместо дома у дороги, откуда детей легко увести обещанием приключения». Опять же, в этом доме живут десятки людей, а, по ее опыту, они намного опаснее дорог.

Кейт спешит к входной двери и проверяет замки. Сет пообещал ей, что его новая «Сейфгард», современная система безопасности, железобетонная, но она заставила его установить несколько старомодных замков просто на всякий случай. Она не доверяет сканеру сетчатки. Технологии замечательны до тех пор, пока не перестают работать. Девушка не станет довольствоваться меньше, чем старомодной цепочкой на двери, ригелем и дверным затвором, открывающимся при нажатии. Ее синестезия интерпретирует звуки запирающихся механизмов, как успокаивающие кирпичики серого цвета, которые выстраиваются

друг над другом. *Щелк, щелк, щелк.* Не то чтобы это помогало ей спать по ночам.

— Дети? Где вы?

Она обводит взглядом гостиную, кухню, кабинет, спальню детей.

— Не паникуй, — говорит она, но в ее крови снова горит неоново-желтый адреналин.

Девушка проверяет комнату Сета, свою спальню, ванную комнату. Дверь душа закрыта. Она ее закрыла? За замутненным стеклом что-то есть? Тень? У нее перехватывает дыхание, сердце подскакивает к горлу. Кейт тянется к кнопке, открывающей дверь, но колеблется. Ее протянутая рука дрожит.

«Они так и не нашли тела».

«Заткнись. Просто заткнись».

Она может достать пистолет из шкафа в спальне, но решает этого не делать. Кейт нажимает на кнопку, и перегородка из суперстекла уезжает в стену, открывая пустую кабинку из керамогранита.

Всплеск облегчения, что в душе никого нет. Ужас, что близнецов здесь тоже нет.

Запах миндального мыла переплетен с лентами страха. Кейт атакует рой плохих мыслей. Она пытается не поддаваться им, но их слишком много: в ее голове и в горле. Они угрожают перекрыть ей кислород.

«Это снова произошло, — говорят голоса в ее голове. — *Ты же знала, что так и будет».*

— Заткнитесь.

По ее коже ползет холодный туман страха.

«Они пропали. Их забрали».

Глава 2

Заразительный страх

Кейт, застывшая от испуга, слышит стук во входную дверь. Этого достаточно, чтобы вывести ее из оцепенения. Еще один стук, приглушенный голос брата называет ее по имени. Ее пальцы, сбитые с толку лихорадочными мыслями, возятся с замками.

— Кейт? Что случилось? Ты в порядке?

Наконец ей удается открыть дверь. Сет делает шаг назад, когда видит ее побледневшее лицо.

— Воу. Что произошло?

— Близнецы! — кричит Кейт. — Я звоню в «Сейфгард». И в полицию.

Лицо Сета превращается в мраморную маску, подбородок напрягается, а губы поджимаются в жесткую белую линию. Страх

заразителен.

— О чем ты? Где они?

— Они исчезли!

— Дети не могли просто «исчезнуть», — он показывает на пеструю коллекцию замков на двери. — Даже выйти не могли. Они где-то здесь.

— Я искала их повсюду.

Сет начинает поиски. Кейт ходит за ним, почти наступая ему на пятки. Вторя ей, он раз за разом зовет детей по именам. Заворачивает за угол в своей комнате, и они оба подскакивают от визга. Бигль Бетти-Барбары смотрит на них с болью в глазах.

— Прости, старая девочка, — говорит Сет. — Я тебя не заметил.

Кейт начинает чувствовать, что вот-вот упадет в обморок. Ее зрение затуманивают снежные помехи.

— Я там искала, — говорит она. — Искала повсюду.

— Сильвер? — зовет Сет.

Тишина.

— Я звоню в службу спасения.

Кейт прикасается к «Патчу» у нее за ухом.

— Подожди.

Сет прижимает палец к губам, а затем издает свист: чистую, ясную мелодию, разрывающую напряженную тишину.

Из соседней комнаты доносится электронный писк. Они бросаются в спальню детей, заваленную робо-рыбками и резиновыми уточками, и Сет свистит снова. Корзина для белья издает веселый писк. Медленно, очень медленно, мужчина приподнимает крышку корзины, открывая виду две светловолосые головки. Мэлли верещит от радости, Сильвер хихикает.

— Ты нас нашел! — выкрикивает Мэлли.

Мальчик поднимает вверх руку с часами, мигающими огнями. Кажется, он не возражает против того, что приложение «ФайндМи» выдало его место для пряток.

К лицу Кейт приливает теплая кровь, но сердцебиение все еще отдает в ушах.

Сет вытаскивает Мэлли из корзины, притягивает его ближе, а затем делает вид, что кусает за живот.

— Негодники. Маленькие шалопаи.

— Я не шалопайка, — говорит Сильвер.

Кейт поднимает ее на руки и обнимает. Мягкие ножки девочки обвиваются вокруг ее талии. Кейт нюхает ее кожу, волосы. Прижимает крепче.

— Ай, мам. Не так сильно.

Сет делает серьезное лицо.

— Вы ребята очень сильно напугали маму. Больше так не делайте.

К щекам ее брата тоже начали возвращаться краски.

— Мы лишь играли. В прятки.

— Мне не нравится эта игра, — произносит Кейт.

— Но я хорошо в нее играю, — говорит маленький мальчик.

— Мне все равно.

В голосе Кейт слышится надлом. Она не хочет снова расплакаться перед детьми.

— Но… — говорит Мэлли.

— Мне все равно, — повторяет она. — Не хочу, чтобы вы в нее снова играли.

На лицах детей отражается потрясение. Кейт ставит Сильвер на пол и покидает ванную комнату.

Глава 3

Черный шепот в ее голове

— Что не так с мамой? — слышит Кейт, как спрашивает Мэлли. — Это моя вина?

— Нет, — говорит Сет. — Не твоя.

— Это потому что мы играли, — говорит Сильвер.

— Потому что мама напугалась. Она не могла вас найти и забеспокоилась.

— Потому что я хорошо играю в эту игру, — говорит Мэлли.

— Это потому что она вас очень любит.

— Очень? — спрашивает Сильвер.

Сет нажимает на иконку с ванной, и в нее устремляется теплая серая вода: четыре пальца мути. Дети прыгают вокруг и сбрасывают одежду. Они не возражают против непрозрачной жидкости, ибо не знали воды лучше.

Кейт слышит всплески, когда близнецы залезают в ванную, и начинает плакать. Облегчение, гнев, и еще не покинувший ее страх образуют жаркий вихрь в груди. Девушка должна быть счастлива. Дети в безопасности. Но она рыдает.

Подходит Сет и видит, что она плачет. Он опускает руки по бокам.

— Эй, — мягко произносит он. — Они в порядке. Все хорошо.

— Не хорошо, — говорит Кейт, вытирая свои опухшие глаза. — Ты знаешь, что нехорошо.

— У нас просто сложное время.

Он пытается обнять ее, но сестра отталкивает его. Сегодня она не принимала душ.

— Где ты был? — сердито спрашивает она.

— Что ты имеешь в виду, спрашивая, где я был? Я был на

работе.

— Ты должен был быть дома час назад.

Сет смотрит на Кейт, прищурив глаза.

— Не знал, что у нас комендантский час.

— Не вредничай.

— Я тут не единственный, кто вредничает.

Кейт продолжает плакать и сморкается.

— Ну же, — говорит он. — Ты испугалась. Давай я сделаю тебе чай.

— Я не хочу чай.

Сет включает чайник, вода булькает и исходит паром. Он все равно сделает чай. Большую чашку для нее, стакан с двойными стенками для него.

— Ты все еще в своей пижаме, — замечает он.

— В ней удобно.

Не так давно она не хотела надевать ничего из своей обычной одежды. Не могла в своем шкафу найти ничего, что не имело бы раздражающих швов и колючих текстур. Не слишком цветастого. Не слишком тесного. Это так же тяжело, как дышать.

— Это не критика, — Сет улыбается ей. — Ты нравишься мне в пижаме.

— Заткнись, — говорит она, но ей лучше.

Он передает ей чашку. В ней специальная сделанная на заказ смесь: красная крапива и ройбуш, или что-то вроде того. Она выливает половину в раковину, достает из шкафа бутылку виски и доливает в чашку, а затем предлагает Сету. Он колеблется, но затем делает то же. Они чокаются своими напитками, пока слушают, как дети болтают, как обезьянки, в ванной.

Позже, как только близнецов укладывают спать, Кейт падает на диван перед домашним экраном. Она собирается его включить, но Сет перехватывает ее за запястье и забирает у нее пульт.

— Нам нужно поговорить.

Брат садится на диван рядом с ней.

— Ах, ох, — произносит Кейт. — Ты не можешь порвать со мной, знаешь ли. Я твоя сестра.

— Я не хочу с тобой рвать.

Бигль Бетти-Барбары похрапывает на другой стороне гостиной.

— Я знаю, что ты скажешь.

— Нет, не знаешь.

— С тебя хватит детей. И меня. Ты хочешь, чтобы мы съехали.

— Нет, Кейт. Нет.

Теплая волна облегчения вызывает еще больше слез.

— Я бы не любил этих детей больше, будь они моими. Ты это

знаешь.

— Ты такой хороший. Такой замечательный с ними.

Дети любят Сета так же, как и друг друга.

— Я бы сказала, что они любят тебя, как отца, но мы оба знаем, что это ничего не значит.

Приемные отцы Кейт и Сета были холодными людьми. Когда они наконец встретили своего биологического отца, им обоим уже было за тридцать с половиной лет. Брат с сестрой были слишком взрослыми, чтобы испытать эту всепоглощающую любовь, которую дети обычно получают от своих любящих родителей. Это было частью их трагедии.

— Мне нужно уехать, — произносит Сет.

— Ты нас покидаешь?

— Всего на время.

Кейт внутреннее умерла от страха.

— Я без тебя не справлюсь.

— Справишься.

— Не справлюсь.

— Кирстен…

Ее отчаянье растет.

— Не называй меня так!

— Извини.

— Ненавижу, когда ты меня так называешь.

— Я не специально.

— Я оставила все это позади.

Они оба знают, что это неправда.

— Кейт. Ты самая сильная женщина, которую я знаю. Самый сильный человек, которого я знаю.

— Я не сильная. У меня голова идет кругом. Я чертова катастрофа, — она дергает пижаму. — Ты не видишь?

— Ты же знаешь, я бы не уехал, если бы это не было важно. Я буду отсутствовать недолго.

— Пожалуйста, не уезжай. У меня предчувствие.

— У тебя есть Себенгайл. Я уже спросил ее, может ли она взять больше часов. Она будет одевать близнецов по утрам, отвозить в школу. И по вечерам она тоже может работать. Готовить детям ужин. Она сказала, что все в порядке. Это может даже разгрузить тебя. У тебя будет время для себя.

Последнее, чего хотела Кейт, так это времени для себя. Быть оставленной наедине со своими мыслями — опасная штука.

— Может быть, ты сможешь… не знаю… взять с собой на день свою старую фотокамеру. Снова заняться фотографированием. Как-то ты говорила, что хотела бы…

— Что, если тебя не будет, когда мне понадобится твоя

помощь?

— Я же сказал тебе, что здесь будет няня.

— Нет, я имела в виду…

— Что?

— Что, если кто-то придет забрать детей?

Сет садится к ней ближе, берет ее за руки.

— Кейт, — говорит он, глядя ей в глаза. — Никто не собирается забирать детей.

Она снова начинает плакать. Не может остановиться. Слезы ее смущают, заставляют чувствовать себя слабой.

— Все кончено, — говорит он. — То, что произошло с нами, было ужасным, но теперь все кончено. Это было четыре года назад. Тебе нужно жить дальше.

— Я знаю, — плачет она. — То есть, я знаю. Но у меня это… ощущение.

— Они мертвы, Кейт. Ван дер Хивер. Маутон…

— Они так и не нашли тела, — замечает она.

Эта мысль кружится и кружится в ее голове, когда у нее случаются панические атаки. Черный шепот в ее голове.

— Конечно, они не нашли тела. Их разорвало на кусочки.

— Мы не можем быть уверены, — возражает Кейт.

— Конечно же, можем. Мы там были. Они умерли до того, как здание взлетело на воздух.

Глава 4

Кожа цвета горькой карамели

Кекелетсо сильно ерзает на своем месте. Постукивает ногой. Она не привыкла долго сидеть. Большую часть дней ее работа в качестве фриланс-журналиста требует много беготни. Девушка думает обо всех материалах, которые упускает, и у нее пересыхает во рту. Кеке тянется к стакану воды банкира, сидящего рядом с ней.

По крайней мере, она думает, что он банкир. Он может быть продавцом. Бизнесменом. Сутенером. Он успешен. Девушка почти ощущает от него запах денег. Что у него за история? Этот эффектный костюм может скрывать, что угодно.

Мужчина наливает ей стакан из запотевшей бутылки «С-Лейк», стоящей на столешнице перед ними. Их пальцы соприкасаются, когда он передает ей стакан. После короткого благодарственного кивка, она приподнимает маску и делает глоток, не проверяя напиток, и это хороший знак. Значит, что она стала меньшим параноиком по поводу «Всей-Этой-Истории-С-Водой». «Фонтус». «Генезис», который почти убил ее. Истории, которая так прославила ее, что она годами не сможет куда-нибудь пойти, не надев маски.

Эти маски поначалу были обузой, нежеланным аксессуаром, но Кеке так привыкла их носить, что они присоединились к ее фирменной старой кожаной куртке, как часть образа. Как тонированные стекла и солнечные очки, лицевые маски предоставили ей определенную степень уединения от безумного места, которым стал ее мир.

После того, как американские ученые наконец поняли, как победить СуперБактерию — используя соединение, найденное в антарктической морской губке — люди с радостью повыбрасывали свои маски, но Кеке сохранила. Бизнес по производству дизайнерских масок переместился в Китай, и она была в состоянии купить что-то из того, что осталось, почти задаром. Добавьте к этому ее замысловатые косички, белое кружевное тату на плече и контактные линзы ледяного синего цвета, бросающиеся в глаза на контрасте с ее кожей цвета горькой карамели. Неудивительно, что странные банкиры на нее пялились. Она снимает маску и засовывает ее в карман.

— Что? — одними губами спрашивает она банкира.

Он, извиняясь, качает головой. Мужчина даже не понимал, что пялится.

— Внимательнее будь, — шепчет она, притворяясь, что сердится на него, и показывает на переднюю часть зала суда.

Костюм криво ей улыбается. Кеке мгновение разглядывает его руки — у него красивые руки, он умеет ими пользоваться? — а затем переводит внимание на судебное слушание.

Она не впервые находится в зале суда. Как журналист она следила за множеством дел. Но девушка впервые оказалась на скамье присяжных. Она думала попытаться уклониться от этой обязанности, но что-то подсказывало ей, что через это нужно пройти. Может быть, чувство гражданской ответственности или, может быть, что это будет интересная история. Так или иначе, она не жалеет о принятом решении.

Обвиняемому — отцу жертвы — велели встать за свидетельское место. Он спотыкается, направляясь к скамье, и почти падает, а женщина рядом с Кеке резко вздыхает и непроизвольно подскакивает с места, словно чтобы предотвратить его падение. Кеке не винит ее за желание помочь. Он лишь тень человека. Что бы ему ни пришлось пережить, оно было сравнимо со сдиранием кожи заживо. Ужасно потерять собственного ребенка, особенно такого маленького. Нет ничего хуже, уверена она, за исключением того, чтобы быть обвиненным в его убийстве.

Подсудимый в итоге садится. Он потирает переносицу, старая привычка со времен, когда он носил очки, предполагает Кеке.

Мало кто носит очки теперь, когда биолинзы стали такими доступными. Ее собственные стоили целое состояние, но это потому, что выделяют лекарственный препарат. Они отслеживают уровень сахара в ее крови через слезную жидкость и при необходимости выделяют инсулин. Голубой оттенок просто для веселья.

Мужчина на свидетельском месте дрожит. Он не нервничает, его лицо бледное и расслабленное. Кеке бросает взгляд на его жену, которая пытается привлечь его внимание, может быть, чтобы приободрить его, но его голова опущена. Жена выглядит отчаявшейся в своем костюме цвета слоновой кости, подходящим под ее лицо того же оттенка, и со свежевымытыми волосами. Ей сказали вымыть голову, уверена Кеке. Она наблюдала, как волосы женщины становятся все более сальными от слушания к слушанию. Кто может ее винить? В ее положении, мытье волос должно казаться чем-то абсолютно малозначительным, но сейчас они приближаются к концу судебного разбирательства, и очень важно поддерживать внешний вид. Дорогая одежда, напудренное лицо: может быть, если она сыграет роль хорошей жены и матери, а не сумбура, в который превратилась, и мнение жюри присяжных склонится в пользу ее мужа. Они подумают о них, как о респектабельной семье. А может быть, и нет. Может, грязные волосы выиграют ей больше сочувствия.

Невозможно сказать, как все повернется — чистые волосы или нет — невозможно узнать, о чем думают товарищи Кеке по жюри присяжных. Костюм считает, что мужчина виновен, женщина справа уверена, что невиновен. Кеке не уверена. Ей нужно больше информации. И тут обвинитель начинает свой последний допрос.

Глава 5

Д — дядел

Сет бросает свой рюкзак в такси и осторожно лезет вслед за ним, чтобы не пролить купленный им на улице кофейный фризо *(прим.: ледяной напиток)*.

— Привет, Кэбби, — произносит он.

Автомобиль несколько секунд считывает пэтч Сета.

— Доброе утро, мистер Деникер.

Двигатель с мурлыканьем оживает, а система подстраивает кондиционирование воздуха и степень затонированности стекол под предпочтения Сета.

— Пожалуйста, выберите место назначения.

Этот конкретный голос такси напоминает ему тот, что звучал в его квартире до того, как туда въехала Кейт. Городской, сексуальный, почти лишенный акцента. Ее звали Сэнди, и она так

хорошо его знала. Она напоминала ему выпить электролитов перед сном после ночи, проведенной в «Томми Нокерс», а затем приглушала искусственный рассвет следующим утром.

— Аэропорт, — называет он. — Лансерия.

Он поправляет волосы, смотрясь в зеркало. Они иссиня-черные, недавно покрашены, идеально сочетаются с тенями на его веках.

— Вычисляю путь в Ленасия.

— Не Ленасия. Лансерия. Аэропорт.

— Вычисляю путь в Ленасия.

— О, Бога ради, — произносит Сет, наклоняясь вперед.

Он переключает зеркало заднего вида в режим смартскрина. Он набирает «АЭРОПОРТ ЛАНСЕРИЯ» и ударяет по кнопке «Ввести».

— Вычисляю путь в «Лансерия».

— Спасибо, — бормочет Сет себе под нос.

— Всегда пожалуйста, — отвечает автомобиль и набирает скорость чуть быстрее обычного, отчего Сета вжимает спиной в сидение.

— А ты раздражительная штучка, — замечает он.

— Простите. Я не поняла. Не могли бы вы, пожалуйста, повторить?

— Не бери в голову, — говорит Сет, оттирая кофейную изморозь со своих джинсов. К счастью, они отталкивают грязь, иначе бы ему пришлось идти на свою новую работу в запятнанных штанах.

Корпус «Соларплейн» изготовлен из бесшовного суперстекла, предоставляя пассажирам почти 360-градусный обзор в воздухе. В задней части есть специальный салон для тех, кто боится летать, который изобилует белым шумом, легкими парашютными комбинезонами и наборами виртуальной реальности, которые позволяют им верить, что они находятся в безопасности на земле. Люди могут выбрать между настройками виртуальных тропиков, города или Альп, и даже завтракать в процессе, если заказали еду заранее. В стандартную комплектацию входит только успокоительный чай.

Сет ест венские вафли на пахте с темными вишнями и кремом с семенами чиа. Он собирался выбрать здоровый завтрак — омлет с тофу и мелко нарезанным луком — но чувствует потребность в небольшом утешении. Либо поэтому, либо потому что на нем сказывается привычка Кейт есть всякую дрянь.

До их воссоединения жизнь была проще. Он жил один в квартире в стиле хай-тек, у него была интересная ночная жизнь и столько женщин, сколько он хотел. Конечно, такое существование

было пустым и легкомысленным, но он тщательно его выстраивал. Она была отточенной и идеально ему подходила. Перенесемся на четыре года вперед, и его жизнь уже не узнать. Дни рекреационных наркотиков, теневых шотов и незащищенного секса давно позади. На их место пришли шумные 4D мультики и съедобные восковые мелки. Алфавитные каракули на его подстраивающихся под климат стенах: Я — яблоко, яб-яб-яблоко. Пятна от арахисового масла на дизайнерских кушетках из белой сосны, мультипликационные наклейки на его кроссовках «Пунани», хрустящие хлопья под ногами.

Его место, ранее красивое и утонченное холостяцкое логово, теперь напоминает детский зоопарк.

Конечно, он не хотел бы вернуться к тому, что было. Его нынешняя жизнь со всем ее хаосом стала более стоящей. Он обрел некий смысл — глубокую привязанность, которой у него никогда не было. Дети многому его учат. В некотором смысле, малыши знают больше, чем взрослые. Все же, отдохнуть от них неплохо, как ему кажется, и он вытягивает ноги. Он позаботился о том, чтобы выбрать рейс без детей.

По проходу бесшумно снует стюарт-бот. Он собирает пустые подносы и раздает исходящие паром горячие полотенца. Сет уверен, что робот эффективнее, чем сотрудник человек, но скучает по празднику для глаз, днях, когда красотки с губами, накрашенными красной помадой, задевали тебя дыханием, подавая розовый джин с тоником. По стройным рукам и дерзко торчащим грудям. Будто, чтобы попасть в стюардессы, нужно было, по меньшей мере, занять второе место на тех странных соревнованиях, которые раньше устраивали. Как их называли? Конкурсы красоты. До того, как мир понял, что парад женщин в бикини и на высоких каблуках, борющихся за атласные пояса, херня. Несбыточные мечты о «мире во всем мире»: что за дерьмо! Тем не менее, как он считает, выпивая свой витаминный напиток, приятно находиться в окружении красоты, неважно, если даже пустой. В мире недостаточно красоты. Недостаточно, чтобы компенсировать все неприглядные вещи.

Он потирает лицо, отклоняется назад в откидном кресле. Скоро они приземлятся.

Эта поездка будет ему на пользу. Конечно же, он едет тяжело потрудиться, но эта работа интересная. Каждый раз, как он оказывается вдали от Мэлли и Сильвер, то чувствует себя будто на каникулах. Сет закрывает глаза. Может быть, он немного подремлет. Пытается очистить разум, но одна въедливая мысль отказывается уходить, как бы сильно он ни старался ее игнорировать. Мужчина делает глубокий вдох, а затем

представляет, что сидит в заднем салоне, с одетым шлемом виртуальной реальности, лежит на пляже и слушает рокот волн. Ветер шелестит листьями пальм. Но эта мысль все равно не уходит.

Ему нужна передышка не от близнецов, дети не представляют проблемы.

Молодой мужчина в ряду Д принимает горячее полотенце и ударяет им бота стюарда. Это тот же самый тип, который пытался сделать роботу подножку, когда тот ранее раздавал булочки. Д — Долб*еб. Дятел. Дебилоид.

— Я не хочу, — говорит тип.

На миг полотенце повисает на голове бота сбоку, а затем падает на пол. Мужчина смеется, те, кто с ним, тоже. Студенты. Сет замечает их спортивную одежду и ленивый язык тела. Слишком много тестостерона и выпитого пива. В растерянности робот поднимает ткань и убирает в отделение на спине. Он достает новое полотенце и снова пытается вручить его спортсмену.

— Я сказал, что не хочу его, — говорит тип, в этот раз с гневом.

Код робота, очевидно, не учитывает недалеких пассажиров. Сет качает головой. Явная ошибка. Когда стюард бот не уходит, спортсмен пинает его. Голова робота тревожно прокручивается вокруг. Банда смеется снова. Сет расстегивает ремень безопасности.

Некоторые пассажиры хмуро смотрят на студента, цокают языками, чтобы выразить свое неодобрение, словно тот пнул щенка. Спортсмен готовится пнуть робота снова, когда Сет встает и подходит к ним. Бот или нет, Сет не выносит издевок.

— Оставь его, — говорит он.

Спортсмен все еще улыбается. Он оглядывается на друзей ради поддержки, но они отворачиваются, так что его нахальство ослабевает. Сет может читать его мысли лишь по лицу. Он гадает, стоит ли вступать в конфликт. Думает, что может навалять Сету, но стоит ли это того, чтобы быть арестованным в аэропорту? Пропустить отдых с друзьями? Попасть в Крим Колонию?

Робот по проходу убирается восвояси.

— Ладно, мужик, — говорит спортсмен, вскидывает руки, шутливо сдаваясь.

Загорается иконка над головами, на которой Квинбот пристегивается. Сет возвращается на свое место как раз вовремя, так как самолет начинает приземление.

Глава 6
Четыре пальца

Кейт идет по аллее, которая пахнет мочой и пеплом. Солнце только заходит, окрашивая грязные городские стены оттенками сладкого кроваво-оранжевого цвета. Дрон жужжит над головой. Кейт хочет, чтобы он улетел прочь. Она хочет быть гигантской женщиной с кинопостеров пятидесятых годов. «Нападение гигантской женщины». Отмахиваться от этого дрона, как от мухи, сминать машины и крушить здания. А еще в процессе всего этого издавать рев.

Но она не гигант, а малютка. Муравей под ногами. Небоскребы нависают над ней, словно заявляя о своем превосходстве из бетона, металла и стекла. Здания — частые пики и гудящие неоновые огни — толпятся вокруг нее, как школьные задиры.

Сейчас она торопится. Она чует опасность в сумерках, но не знает от чего бежит. Неважно сколько раз она пытается свернуть, заваленная мусором улица, кажется, вьется змеей все глубже и глубже в черное сердце города.

У нее нет выбора, кроме как пойти по ней. Кто-то ее преследует. Он думает, что хорошо прячется, но она слышит его шаги позади, ощущает его глаза на своем теле. Представляет его дыхание на своей шее. Когда она оглядывается назад, то видит грязную, пустынную дорогу. Эта угроза лишь игра ее воображения? Она знает, каким параноиком стала, но это не останавливает красные флажки, взрывающиеся в ее голове. Воображаемая опасность или нет, ей нужно продолжать движение. Сейчас небо полностью стемнело. Неоновые уличные огни зажигаются и гаснут. Она должна куда-нибудь дойти, пока не поздно. Это Кеке? Она больна? Кейт не уверена. Она слышит рычание и смех гиен. Затем она вспоминает, почему торопится. Близнецы. Она где-то их оставила. Как она могла оставить их одних в этом ужасном месте? Они будут так напуганы. Вне себя от страха. Будут плакать и звать ее. Что она наделала? Чувство вины пронзает ее словно панга *(прим.: большой нож с широким лезвием)*, вскрывая ее, позволяя крови вытекать и смешиваться с чернильной темнотой ночи.

Она бежит, ее подошвы стучат по гудроновому покрытию, она минует стены с граффити, но не может никуда попасть. Как будто она застряла на какой-то монохромной ленте Мебиуса. В анимированной картине Эшера. У нее перехватывает дыхание, тело покидает энергия. Она ненадолго останавливается, пытается отдышаться, уперев ладони в колени.

Это ошибка.

Незнакомец хватает ее сзади. Две горячие руки: одна на ее животе, другая на горле. Она кричит и пытается вырваться из его

рук. Он перемещает руку, чтобы зажать ей рот, чтобы заглушить ее крики.

— Ш-ш-ш, — говорит он. — Тише, или они тебя услышат.

Кейт кричит и бьется в его руках, пытается стряхнуть его.

— Котенок, ш-ш-ш, — снова произносит он.

В воздухе ощущается куркума. Она взметает руку к ладони, закрывающей рот. Хочет оторвать ее от своих губ, хочет закричать и позвать на помощь. Кожа на ладони нападающего гладкая — слишком гладкая — блестящая и крапчатая. Она была обожжена. Женщина испытывает отвращение и позывы к рвоте. На руке всего четыре пальца.

Кейт просыпается с криком и с руками у горла. Перед ее глазами мельтешат звезды, а белые хлопковые простыни мокрые от пота. В непроглядно черной комнате, она нащупывает переключатель «Санрайз» и ударяет по нему. Шторы разъезжаются, и красивый розовато-желтый свет падает на стены. Звуковая система воспроизводит звуки порхания и щебета птиц.

«Все хорошо, — говорит она себе. — *Все хорошо. Ты в порядке. Это был лишь сон».*

Блокирующие жалюзи все еще на месте. Искусственный рассвет прохладный и нежный, а не такой, как настоящий африканский рассвет, от которого покрываешься потом уже в восемь утра. При окнах от пола до потолка, если она откроет жалюзи, комнату зальет белый свет, и она раскалится за секунды. Она пытается замедлить свой быстрый пульс, пытается выровнять дыхание. Минута уходит на то, чтобы полностью вернуться в реальность. Она дома. Она в безопасности. Дети в безопасности.

Дети в безопасности?

— Мэлли? — зовет она.

Не дожидаясь ответа, выпрыгивает из постели. Ей нужно увидеть близнецов. Прикоснуться к их пахнущей сном коже. Обнять их маленькие тельца. Кейт необходимо ощутить реальность их теплых тел, чтобы успокоить свой взбудораженный ум.

— Сильвер?

Записка на кухонном столе останавливает ее от того, чтобы пойти в их комнату. Записка написана почерком Себенгайл и гласит, что она повела детей в школу. Кейт даже не знала, что сегодня школьный день. Это значит, что няня разбудила, накормила, одела близнецов и повела их в школу до того, как Кейт вообще проснулась. А еще она прибралась в квартире. Здесь было чисто за исключением нескольких наполовину съеденных яблок и чашек с хлопьями на столе.

Тут зловеще тихо. Кейт постукивает по столешнице в

неуверенности, что делать дальше. Она выталкивает прочь воспоминание о кошмаре и думает о детях. Они будут дома через пару часов, и все станет хорошо. По ее спине пробегают мурашки, отчего женщина содрогается всем телом. Она винит в этом свою влажную пижаму, в которой ей стало прохладно, стягивает ее и идет в душ.

Глава 7

Зерна попкорна и секс

Марко в своей мужской берлоге. По крайней мере, так ее называет Кеке. Это его дом-офис — место, где он чувствует себя счастливым и хранит всю свою электронику. Тут темно, за исключением различных светодиодных экранов и мигающих лампочек. Киностена, несмотря на то, что является самой лучшей на рынке, по большей части включается редко, за исключением фильмов с участием Хеди Ламарр *(прим.: австрийская и американская киноактриса и изобретательница, чья популярность пришлась на 1930—1940-е годы)*, которые они вместе смотрят каждую неделю. Комната всегда пахнет зернами попкорна и вчерашним сексом.

Он никогда и не думал, что съедет из дома матери, где в его распоряжении был весь нулевой этаж и всегда под рукой настоящая индийская еда, но его мать решила попутешествовать по Индии, а Кеке, ну, невероятно настойчивая женщина. Как раз прошлой ночью она убеждала его в преимуществах ходячего рабочего места. Он знает, что слишком много времени проводит сидя, ест слишком много круапончиков с медовой стевией. Ни одна из его любимых футболок на нем больше не сходится, а самые-самые выглядят на нем как обрезанные топы. Мужчина выбросил свои «говорящие» футболки много лет назад, когда увлечение ими закончилось, но сейчас он жалел об этом. По меньшей мере, несколько из них ему сейчас бы подошли. Его бесит сама идея завести ходячее рабочее место. Он любит есть печенья «НатНат» и может заказать другие футболки онлайн. Побольше. Было бы неплохо купить что-нибудь новое.

Марко вращается на кресле, стряхивает маслянистые крошки со своих пальцев. Сердце Кеке бьется, медленно и ровно, как звук его родственной души, и это его успокаивает. Когда бы он ни почувствовал прилив тревоги, он закрывает глаза и сосредотачивается на звуке ее пульса. В конце концов, мужчина перестает представлять, как сердце Кеке бьется в ее красивой груди, и возвращается к работе. Перед ним открыты свыше двадцати листов документов. Он проверяет свои заграничные банковские счета и доволен тем, что видит. В прошлом месяце он написал хак для того, чтобы обыграть онлайн казино в Тайланде.

Хак позволял получить лишь немного батов *(прим.: денежная единица Тайланда)*, но немного — как раз столько, сколько ему нужно. Такую небольшую утечку финансов нельзя заметить, но она позволяет ему платить по его скромным счетам. Ловят лишь жадных игроков и тех, кто кликает по подозрительным ссылкам. Его невысокие амбиции служат ему хорошую службу. Все же, он не может унять тревогу. Скоро придется бросить этим заниматься, пока они не поумнели.

Мужчина разворачивается в кресле от стола и все работающие экраны гаснут, отчего в комнате становится значительно темнее. Ему нужна новая стратегия для получения прибыли, но не такая, которая уже была, да и не абы какая. В этот раз он хочет попробовать что-то более волнительное.

Глава 8

Веселый психопат

Уже второй день как обвиняемый Мак Ланди дает свидетельские показания. Он выглядит абсолютно измотанным и уставшим, словно за несколько последних недель состарился лет на десять, словно из него выкачали всю волю к жизни. Все в нем напоминает серость. Кеке не может отвести взгляда.

Ланди спрашивают бесчисленное количество раз о событиях ночи, когда погиб его маленький сын. Обвинитель пытается заставить его проговориться.

— Этого не изменить.

Обвиняемый потирает лицо. Может быть, он думает, что если будет тереть достаточно сильно, то и сам исчезнет.

— Что не изменить?

У обвинителя глаза бусинки и заостренный нос. Она как ворона: выклевывает, выклевывает и выклевывает его показания.

— То, что произошло той ночью, — отвечает Ланди. — То, что произошло той ночью, не изменить.

— Вы имеете в виду вашу версию того, что произошло той ночью, — заявляет ворона.

— Это правда.

Обвинитель поднимает взгляд на трех судей.

— Ваша Честь, не могли бы вы попросить обвиняемого ответить на вопрос?

Младший судья уже собирается заговорить, когда его перебивает старший судья.

— Суд был бы рад услышать ответ, — произносит пожилой мужчина с мягким греческим акцентом.

— Главный судья, — жалуется Рабинович, адвокат Ланди. — Мой клиент уже много раз рассказывал свою версию событий. Не могли бы мы, пожалуйста, ради всех присутствующих двинуться

дальше?

Рабинович посмотрел на жюри присяжных, как бы спрашивая «Я прав?». Рядом с Кеке несколько людей слабо кивнули. Это хорошая тактика, чтобы завоевать расположение слушателей и забрать Ланди со свидетельской скамьи. Двух зайцев одним выстрелом. Ворона, прищурив свои маленькие черные глазки, посмотрела на адвоката защиты, но сохранила нейтральное выражение лица. Они спят?

— Ваша Честь?

— Мистер Ланди, пожалуйста, ответьте на вопрос.

Мужчина вздыхает, мгновение пытается собраться с силами.

— Джастин…

Его губы сразу же дергаются в сторону. Нервный тик. Слишком невыносимо даже называть своего умершего сына по имени. Это же нельзя подделать? Или можно?

Ланди сглатывает.

— Джастин смотрел что-то на домашнем экране, когда…

— Что он смотрел?

— Это имеет значение? — спрашивает Рабинович.

— Детали имеют значение, — возражает обвинитель.

Рабинович еле заметно ей кивает и жестом показывает Ланди отвечать на вопрос.

— Это была та передача про собаку. Ту собаку робота.

— «РобоЩенок»?

— Да. Она.

— Я готовил. Сказал ему отправляться в ванную.

— Что вы готовили?

— Простите? — переспрашивает Ланди.

— Отношение к делу, Ваша Честь? — спрашивает Рабинович.

— Если вы перестанете перебивать, — говорит обвинитель, глядя на жюри присяжных, — это не займет много времени.

Почти пришло время перерыва на обед. Все проголодались. Никто не хочет, чтобы эти показания длились хоть на минуту дольше, чем необходимо.

— Это было жаркое.

Ланди казался сбитым с толку собственным ответом. Вероятно, это потому что он не может теперь представить, что его жизнь была такой обыденной, такой простой. Его главной заботой в ту ночь, вероятно, было приготовить ужин, искупать сына и одеть его в пижаму до того, как жена придет домой. А теперь он встретился лицом к лицу с перспективой потерять все и на всю жизнь отправиться в Крим Колонию. Он ерзает на стуле. Адвокат привлекает его внимание и что-то жестом показывает Ланди. Что-то, чтобы его встрепенуть.

Внезапно он оживает и садится прямо. Моргает, чтобы прояснить зрение. Это его последний шанс убедить суд, что он невиновен. Он сглатывает.

— Азиатское жаркое из чилима, — отвечает он. — Ореховое спагетти. Я даже купил эти съедобные палочки для еды, ну знаете. Я подумал, что Джастин посчитает их забавными.

Это проблеск того, каким Ланди был до того, как потерял сына: счастливый, полный надежд. Дрожащими руками его жена прижимает к глазам платок.

— Мне пришлось поворчать, чтобы загнать его в ванную. Он обожал это шоу.

В суде стоит абсолютная тишина.

— Любил, — поправил себя Ланди, прочистив горло. — Он обожал это шоу.

— Вы сердились на него? — спрашивает обвинитель.

— Сердился? Нет.

— Уверены?

— Да?

— Вы не кажетесь уверенным.

— Я на него не сердился.

— Но он вас не слушался.

— Да, но…

— Но?

— Маленькие дети всегда так себя ведут, знаете ли.

— Ведут как?

— Их приходится просить сделать что-то по нескольку раз. Они не роботы.

— Сколько раз вам пришлось просить его?

— Сколько раз? Я не знаю. Иногда хватает трех, иногда десять раз.

— Но тем вечером. Сколько раз вы попросили?

— Честно, я не знаю.

— Если бы вам пришлось ответить.

— Не знаю. Пять раз? Шесть?

— Так значит, он проявлял неповиновение.

— Не «неповиновение». Не совсем так.

— Он вас не слушался. И вы рассердились.

— Все было не так.

— Вы вспыльчивый человек, мистер Ланди?

Ланди колеблется. Опускает взгляд. Ответ очевиден.

— Вспыльчивый? — снова спрашивает обвинитель.

— Я…

Все три судьи внимательно смотрят на Ланди.

— Ваша Честь, вы не могли бы попросить обвиняемого…

Ланди шепчет что-то себе под нос.

— Не могли бы вы, пожалуйста, повторить? — спрашивает ворона.

— Вспыльчивый.

— Громче, пожалуйста.

— Вспыльчивый, — отвечает он.

В публике зашептали.

Обвинитель наполнилась новой решимостью. Она пересекает комнату, чтобы обратиться к Ланди.

— Вечером пятнадцатого августа вы вышли из себя, ведь так?

— Возражаю, — говорит Рабинович.

— Нет, — отвечает Ланди, качая головой. — Нет.

— Вы разозлились и ударили вашего ребенка головой о край ванны.

— Возражаю! — кричит адвокат Ланди.

Люди ахают от такого предположения, словно впервые его слышат.

— Удара хватило, чтобы он потерял сознание, и вы оставили его тонуть лицом вниз в воде.

В комнате поднимается гвалт. Зрители от эмоций вскакивают со скамей, лица некоторых бледнеют из-за потрясения. Оба юриста пытаются перекричать друг друга, а трое судей стучат молотками, чтобы призвать всех к порядку.

— Я такого не делал, — говорит Ланди, вновь падая духом и плача. — Не делал. Никогда бы не сделал.

***

— Итак? — спрашивает Кеке. — Он это совершил?

Она смотрит на городской пейзаж и откусывает огромный кусок от своего шамвича. Искусственная ветчина и чеддер с кешью.

— Как тебе фальшивая ветчина? — спрашивает костюм.

Его кожа хорошо выглядит в утреннем свете. Да и губы хороши.

— Ты уклоняешься от ответа, — замечает она. — И ветчина не «фальшивая». Она выращена искусственно.

— Я так и сказал.

— Искусственно выращенное мясо имеет тот же состав, что и натуральное мясо. Это не… подделка, — говорит Кеке. — Молекула за молекулой, получается ровно то же самое.

— Но не то же?

— Свинья думает иначе.

Он смеется, а затем прикрывает рот, будто шутка застала его

врасплох.

— Неважно. Я лучше стану веганом, чем стану есть это модифицированное дерьмо.

— Оно и есть веганское, — заявляет Кеке. — В некотором роде.

— Ты знаешь, что я имел в виду.

— Мило.

— Кто милый?

— Ты. В своем костюме за пятьдесят тысяч ранд. С принципами и прочим.

— Ты считаешь, что у меня не может быть принципов лишь потому, что я хорошо одеваюсь?

— Я не говорила, что ты хорошо одеваешься. Я сказала, что на тебе костюм за пятьдесят тысяч ранд.

Кеке вновь садится, кладет свои шнурованные сапоги длиной до колена на сиденье пустого стула, выпивает половину бутылки кокосового молока, а затем прижимает ее к груди.

— Ты думаешь, он виновен?

— Ланди?

— Кто же еще?

— Я не думаю, что смерть мальчика была несчастным случаем.

— В самом деле? Я все это время думала, что он невиновен.

— Именно это он и хочет, чтобы ты думала. То, что его адвокат хочет, чтобы ты думала. Ланди — психопат, в самом плохом смысле этого слова.

— Ты знаешь психопатов… в хорошем смысле этого слова?

— Ну, знаешь ли. Мировые лидеры. Президенты компаний. Олимпийцы.

— И что же их выгодно отличает?

— Сосредоточенность. Драйв. Нацеленность. И то, что они никого не убивают.

— Он не похож на психа.

— Они никогда не похожи.

— Ну, некоторые похожи.

— Которые?

— Не знаю, — отвечает она. — Веселые.

Мужчина смеется.

— Веселый психопат. Звучит зловеще.

— Кто ты? — спрашивает Кеке. — Как тебя зовут? Почему в модном костюме? Что ты здесь делаешь?

— А ты бы стала хорошим юристом.

Он складывает свою тарелку из рисовой бумаги, а затем удаляет салфеткой отпечатки пальцев со стола.

— Как и ты. Очень хорошо уклоняешься от ответа.

Глава 9

Грамм за граммом

Кейт должна была заняться стиркой или, по крайней мере, включить пылесос-бот. Даже мытье посуды после завтрака будет неплохим началом, но у нее нет сил. После того, как она стала матерью и перестала брать заказы на фото, она стала проводить все время дома, но сопротивлялась тому, что ее затягивало в домашнюю рутину. Кейт верит, что, если развесить сушиться достаточно белья или отполировать достаточно полов, от работы по хозяйству твои мозги полностью усохнут.

Конечно же, то, чем она сейчас занимается почти ничем не отличается от того, чтобы быть зомби. Каждый мускул расслаблен, за исключением руки, которую она использует, чтобы засовывать соленую соломку в рот и нажимать кнопку на пульте, чтобы переключать каналы. Она даже почти не моргает, исследуя взглядом домашний экран перед ней. Идет последняя серия сериала, который она жадно поглощает, и, когда начинаются титры, у нее перед глазами появляется постоянно меняющий направление фиолетовый туман. Что ей смотреть теперь? Девушке немного жаль расставаться с персонажами. Она будет по ним скучать.

В ее голове всплывает мысль, но она от нее отмахивается.

«Боже, да что с тобой?»

Кейт перелистывает каналы, чтобы найти что-нибудь приличное. Олимпиада искусственного интеллекта, подводный лазертаг, порно-шоу.

*«Твоя жизнь пи*дец какая жалкая».*

Кейт не зацикливается на этой мысли, но семя недовольства уже посеяно.

Она вспоминает времена, когда была безрассудным, амбициозным фотографом, путешествующим по всему миру. Когда гонялась за историями, получала награды. Как создавала что-то прекрасное вместо этого: бесконечного потребления атрофирующей мозг ерунды. Потребление когда-то было синонимом болезни. Это был туберкулез? Что-то, что связано с дыханием: грамм за граммом, болезнь медленно пожирает тебя. А сейчас потребление стало другим видом болезни.

Однако отвращения, которое она испытывает к себе, недостаточно, чтобы поднять ее с дивана или выключить проекцию. Вместо этого, она с большим пылом принимается перелистывать каналы. Кейт может, по меньшей мере, найти для просмотра что-нибудь нормальное.

Показывают программу о новом беспилотном такси.

Находящееся все еще на стадии бета-тестирования, оно называется «слушающим» такси по имени «Тьюринг», а на улицах сейчас их всего несколько в рамках пилотной программы. Автомобили подслушивают разговоры своих пассажиров, не одни лишь инструкции, куда ехать, и учатся искусству общения с людьми. Их учат разнице между простым следованием приказам и ИЭ, или же искусственным эмоциям. Кейт смотрит передачу со смесью любопытства и страха. Кеке и Сет смеются над ней, что она технозавр, но это не так, не совсем так. Она просто медленнее привыкает к технологиям, чем они. Ее друзья первыми побежали и купили «СнэпТайл», как только те поступили в продажу в Южной Африке, в то время как Кейт вполне довольна своим хеликсом, несмотря на его техническую отсталость и короткое время автономной работы.

Искусственный интеллект — это совсем другая энчилада. Она не из тех Цыплят Цып, которые ходят вокруг и пищат, что роботы убьют нас всех, но в то же время, от некоторых услышанных ею историй, у нее кровь стынет в жилах. Только на прошлой неделе вышла игра, где искусственный интеллект взбунтовался и создал собственное оружие, более улучшенное оружие, чем спроектировали дизайнеры, и начал охотиться на игроков и убивать их. Конечно же, это только игра, но этого достаточно, чтобы заставить гадать, поступит ли настоящий искусственный интеллект схожим образом.

Она не единственная, кто о подобном задумывается: в больнице «Гордан» в прошлом году начали использовать роботов-хирургов и медсестер, и, когда старушка с запущенной болезнью печени умерла на хирургическом столе, люди спятили. Сет сказал, что «тупые реднеки» — бл*ть, она уже по нему скучает — начали выкрикивать лозунги, когда робот-хирург кого-то убил, но они не принимали в расчет количество смертей под ножом у человеческих хирургов, которое намного выше, и это правда. Те смерти не приводили к громким заголовкам.

В наши дни все кругом одержимы искусственным интеллектом. Даже в прямом эфире природного канала показывают документальный фильм о роботизированном носороге, которого они испытывают в Национальном Парке Крюгер. Он красивый зверь, словно какая-то аниме-версия носорога. Голос за кадром говорит, что технология была пожертвована Китаем в качестве компенсации, и теперь АНК клонируют их, возвращая с того света и убирая из списков вымерших животных, а робот будет отслеживать носорогов и защищать от браконьеров. Кейт зевает, не прикрывая рот, и продолжает листать.

Она останавливается на канале «Воук». Обычно программы тут хрустящие, что кажутся практически гранолой: как вырастить собственную гидропонную органическую рассаду из скорлупы, как заварить солнечный чай, десять способов удобрять почву — такого рода вещи. Но показывают Местра Люмина, а шоу называется «НЕЛОВКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ», так что она кладет пульт и снова принимается есть соленую соломку.

— Местр Люмин, — говорит репортер. — При всем уважении…

Кейт сразу же занимает сторону Люмина. Она ненавидит, когда люди произносят фразу «при всем уважении». Человек, который говорит «при всем уважении» неизбежно скажет что-то оскорбительное, так зачем обманывать, предупреждая?

— Вы не можете честно заявлять мне, что думаете, будто нам не стоит использовать имеющиеся у нас технологии для искоренения таких болезней, как рак.

Люмин, как обычно, безмятежен и весел. Он известен как белый, говорящий на коса, южноафриканский спиритуал, и оправдывает свою репутацию вечно невозмутимого человека. Кейт не интересует его спиритуальное дерьмо, но ей нравится его программа про садоводство. Ей не хватает городских джунглей, которые были у нее в ее старой квартире в Иллово, а смотреть, как Люмин осуществляет двойную копку, удобряет и подрезает — бальзам для ее израненной души. Из-за засухи, кажется, погибла большая часть роз в стране, но Люмин построил собственные резервуары для сбора дождевой воды, стал обладателем самого роскошного сада на континенте. Он постоянно рассказывает о пермакультуре и о том, что все должны выращивать что-нибудь съедобное, даже, если это лишь горшок кошачьей мяты на подоконнике. Ему особенно хорошо удается выращивать розы, а в его изысканном розовом лабиринте в Люминари произрастает более шестисот их видов. У него есть гончие, гуси, кролики и эти золотые секаторы, являющиеся его визитной карточкой в звездных садовых кругах. Он часто говорит, как важно сохранять их хорошо заточенными. Но это не садовое шоу. Это какие-то дебаты с мужчиной в костюме и сшитом на заказ галстуке. Боже, как Кейт ненавидит моду на пошитые на заказ галстуки. Особенно, когда эти проклятые юкки красят бороды в соответствующий цвет.

Мужчина продолжает:

— Нам удалось избавиться от малярии, вируса Зика, болезни Лайма и вируса иммунодефицита. Мы победили лихорадку Рифт-Валли. Почему, как вы думаете, мы должны останавливаться на раке? Мы пытались найти лекарство от него на протяжении сотен

лет, и теперь, когда оно у нас есть, вы не хотите, чтобы мы его применяли?

Люмин улыбается участнику дебатов.

— Я не имею ничего против лекарств. Я рад, что они есть.

— Простите меня, Местр, но дело кажется не в этом.

— Вакцина, предотвращающая болезнь до ее начала, замечательная вещь, — говорит Люмин. — Лекарство — это тоже неплохо. Но эта технология генного привода не такова. Технология редактирования генома при лечении рака это совсем другая вещь, абсолютно.

— Председатель комитета по биоэтике выразился в поддержку данной технологии.

— Конечно же.

В его глазах зажегся огонек.

Кейт выпрямила спину и прибавила звук.

— Вы не могли бы уточнить?

Секундное колебание.

— Нет.

Люмин смеется.

Ведущий не знает, что сказать. Он прикасается к своему ужасному галстуку.

— Пожалуйста, помогите мне понять.

Люмин складывает руки на груди.

— Так же сложно и так же просто, как вот что: технология генного привода нарушает божественные планы.

Ладно, теперь вы меня потеряли. Кейт нравится этот мужчина, но поднятие в дебатах такой старой и мертвой темы, как религия, кажется нелепым. Кроме того, технология модифицирования генома известна уже больше десятилетия. Можно пойти в «черную» клинику и принудительно изменить сегменты ДНК, чтобы получить тот или иной результат.

— Когда вы берете человеческие гены, — говорит Люмин, рисуя в воздухе своими сильными руками невидимую двойную спираль, — и редактируйте небольшую ее часть…

Он извлекает воображаемый участок.

— Эта часть исчезнет навсегда. Каждое последующее поколение будет рождаться без этой части. *Ее больше нельзя будет вернуть.* Вы понимаете последствия этого?

Мужчина колеблется, а затем слегка пожимает плечами.

— Нет.

— Именно, — замечает Люмин, его глаза загораются. — Как и я! В этом и заключается моя точка зрения. Никто не знает последствий.

— Тогда предположу, что вы не поклонник искусственного

интеллекта.

Он улыбается на камеру. Это что-то вроде шутки. Он пытается перевести интервью на более позитивную ноту. Наступает тишина.

— Простите? — спрашивает Люмин.

Ведущий неловко усмехается.

— Я лишь имел в виду… вы очевидно не поклонник скинботов. Гуманоидов. Антроботов.

Несмотря на очевидные попытки мужчины шутить, искорки в глазах Люмина на миг гаснут. А затем он нацепляет на лицо фальшивую улыбку, хлопает себя по бедрам и усмехается.

— Ну, это тема для другого разговора.

Глава 10
Утраченное искусство плавания

Кейп Республика, 2024

Беспилотное такси доставляет Сета ко входу в «Наутилусу».

— Спасибо, Кэбби, — благодарит он, выходя и закрывая за собой дверь.

Короткий сигнал его пэтча дает ему знать, что с него только что сняли деньги за поездку. Он хотел бы выпить кофе перед встречей, но у него нет времени. Вместо этого он вытряхивает немного Снаффеина себе на костяшки пальцев и втягивает его носом. Он почти ощущает, как сужаются его зрачки.

Сет подходит к причалу у кромки воды, где проводит минуту, любуясь шириью океана. Атлантический или Индийский? Не может никак запомнить. Он городской житель, а Кейп Республика для него была не более чем местом для отдыха. Или, по меньшей мере, для других людей. Сет не берет отпусков и ненавидит пляжи. Его не привлекает перспектива заболеть раком кожи. Песок он считает раздражающим, воду непредсказуемой. Кадров Индо цунами однозначно было достаточно, чтобы отпугнуть даже самых отважных любителей пляжного отдыха. Учитывая все имеющиеся погодные технологии, можно было бы подумать, что эксперты смогут предсказать гигантскую волну, достаточную, чтобы смыть целые острова и убить двадцать две тысячи людей. К тому времени, как разослали предупреждения, было уже слишком поздно. Бежать было некуда. Чем занимались индонезийские погодные техники? Вероятно, играли в ракушки или наблюдали за пиратами, которые постоянно маячат на горизонте.

Воспоминание о катастрофе его расстраивает. Он не то чтобы возражает против мысли о смерти, просто дети все меняют. Они маленькие. Не умеют плавать, кто в наши дни умеет? Есть в этом что-то грустное. В утрате искусства плавания. Сета тревожит

мысль о беспомощности, которую он будет испытывать, попади в такую волну, сносящую все на своем пути, да еще и с близнецами рядом. Невозможно плыть, держа ребенка. И даже, если он сможет, ему придется выбрать лишь одного.

Вода холодная. Это можно сказать по серферам, одетым в полные климакостюмы. Холодная вода означает гипотермию и белых акул. Костюмы и умные доски для серфинга теперь отпугивают акул, но это не повод рисковать.

Чайки над ним хлопают крыльями и кричат. Воздух пахнет солью.

Китовый Берег, так они называют этот отрезок побережья. Он думает о Кейт и о грустном ките. 52 Гц: другие киты не слышат на этой частоте. Он знает, что один во всем глубоком темном море.

Разве все всегда должно сводиться к Кейт? Это ли значит быть близнецами? Быть связанным с другим человеком на всю жизнь лишь потому, что вы почти одинаковы генетически? Обычно их связь придает ему уверенности: он ощущает себя не таким одиноким по жизни. Связь заполняет пространство, как любит говорить Кейт, там, где должно быть сердце.

— Мистер Деникер, — произносит отрывистый британский голос за его спиной. Женщина и такая же строгая, как британский флаг.

Сет оборачивается. Ему улыбается поразительно привлекательная женщина. Чистая кожа и ясные глаза, ее волосы представляют собой смесь сотен оттенков синего. Он желает знать, не сирена ли она, манящая моряков к их смерти. На ней надет сшитый на заказ лабораторный халат, серьги в морском стиле и серебряный кулон на шее — морской конек с роскошным хвостом. Морской панк.

— Рада, что вы хорошо добрались. Спасибо, что приехали. Меня зовут Эрронакс.

Ее акцент чертовски сексуальный.

— Я все еще не совсем уверен, — начинает он, но она подхватывает его под руку и ведет к проходу в здание.

В «Наутилусе» в прошлом невозможно было попасть. Хактивистская организация «Труфер», к которой он принадлежал, годами пыталась попасть в это место, но без приглашения от главы корпорации было очевидно, что пути внутрь нет.

— Вход здесь, — говорит она. — Уверена, вы посчитаете эту работу очень увлекательной.

Глава 11

Выйти

Жюри присяжных вывели из зала суда и отвели в

прилегающее административное здание. Настало время изучить доказательства. Костюм держится поближе к Кеке: самозваный компаньон, охранник под прикрытием. Кеке не может сказать, что ей это не нравится.

Их проинформировали о том, чего ожидать от взаимодействия с доказательствами в виртуальной реальности, а затем, по одному, их вызывают по номерам в комнату погружения. Некоторые присяжные отказываются в этом участвовать. Это без сомнения будет травмирующим событием с пороговыми триггерами. Ее вызывают последней. Администратор вручает ей пару визигогов, которые она сразу же надевает. Они издают звуковой сигнал, синхронизируясь с ее пэтчем. Администратор исчезает, и она оказывается перенесена в прошлое: стоит в семейной ванной, пока малыш переливает серую мыльную воду из одного кувшина в другой. У него светло-каштановые волосы и такого же цвета глаза. Он разговаривает сам с собой и так мило играет, что Кеке не может представить его непослушным. На стене большое зеркало, но, когда Кеке смотрит в него, ее отражения там нет.

Она чувствует запах готовящейся еды, слышит шипение на сковороде в соседней комнате. Когда она высовывает голову за дверь, видит Ланди, стоящего у плиты, который напевает неоклассическую композицию и перемешивает в воздухе шипящие овощи. Чайник издает звук, что он закипел. Когда Кеке возвращается в ванную, мальчик пытается вылезти из ванны. Одной ногой он стоит на краю ванны, а в каждой руке держит по кувшину, так что, когда он поскальзывается, то не может ни за что ухватиться, чтобы предотвратить падение, в процессе которого ударяется головой и заваливается без сознания лицом вперед в неглубокую воду. Звуки с кухни заглушили грохот от его падения. Его последнее дыхание выходит из мутной воды пузырьками воздуха, а его маленькое тело неподвижно замирает. Кеке знает, что это симуляция, но все равно делает шаг вперед, чтобы спасти его. Когда она тянет руку, чтобы вытащить его из воды, но ее рука просто растворяется в воздухе. Девушка пытается снова, и происходит то же самое.

Раздается какой-то гул, и ванная комната исчезает, словно она не справилась со своей ролью, и кто-то прокричал «стоп!». Она снимает очки. Администратор снова появляется в поле зрения.

— Вы в порядке? — спрашивает он.

— Извините, — говорит Кеке. — Я знаю, это не по-настоящему, но…

Она чувствует себя выбитой из колеи.

— Лишь потому что это виртуальное, не значит, что ненастоящее, — говорит мужчина, заправляя прядь волос себе за ухо.

Она чувствует, что он фанат виртуальной реальности. Отличный человек для такой работы.

— Я знаю, что мне не полагалось… принимать участие, — говорит она.

— Никаких проблем. Люди, впервые столкнувшиеся с убийством, всегда пытаются спасти жертву. Было бы странно, если бы не пытались.

Она оглядывается в пустой комнате.

— Лишь один присяжный сегодня не пытался спасти мальчика. Достаточно сказать, что я не хотел бы застрять с ним в темном переулке, если вы понимаете, о чем я.

У Кеке пересыхает во рту.

— Вы все еще можете решить прекратить, — говорит он, — если для вас это слишком.

— Нет. Я в порядке. Я готова вернуться.

Она снова надевает очки.

— Следующий сценарий намного более тревожный, — замечает он. — Вы не обязаны этого делать.

Кеке переводит дыхание.

— Я готова.

Девушка снова оказывается в ванной комнате. Малыш находится в собственном мирке, плещется и лепечет что-то. Она снова смотрит в зеркало, в котором не видно ее отражения. Она чувствует запах еды и слышит, как та готовится. Но в этот раз, когда она заглядывает за угол, Ланди бросает свою посуду и вихрем мчится к ней, его лицо красное от ярости. Он проходит прямо через нее и останавливается на мокром коврике.

— Проклятье, Джастин, — цедит он сквозь сжатые зубы. — Я уже пять раз говорил тебе вылезать из ванны!

Мальчик пугается, поднимает на него взгляд, от испуга роняет свои кувшины.

— Посмотри на всю эту воду на полу! Ты же знаешь, что нельзя мочить пол!

— Прости, папочка, — произносит мальчик, побледнев.

Он начинает вставать, но Ланди с силой ударяет его по лицу. Мальчика разворачивает от удара, он падает, а отец уходит прочь, не видя, что мальчик ударился головой о край ванны и оказался в воде. Ланди выключает плиту и оседает за кухонным столом. Опускает лицо на руки, пытается собраться с мыслями. Уговаривает себя успокоиться. Он тратит на это минуту, пока его сын тонет в соседней комнате.

— Выйти, — произносит Кеке, и сцена симуляции исчезает.

Админ тут как тут в пустой комнате.

— Вы в порядке?

Кеке кивает.

— Это были два сценария. Вы должны решить, какой правдив, или более правдив, чем другой.

Она снова кивает.

— Сейчас вы вернетесь еще раз, но в пустой дом, после события. Сцена преступления. Вы можете побродить там.

— Хорошо, — отвечает Кеке.

— Вы увидите несколько прозрачных иконок на периферии зрения. Если вы захотите послушать какие-либо показания снова, просто нажмите их.

Раздается звуковой сигнал, и Кеке снова оказывается в доме. Так он выглядел, когда приехала полиция. Ужин все еще на плите давно остывший и застывший. В ванной все еще стоит вода на четыре пальца. На полу лужа. Кеке обходит ее, не уверенная в том, что искать. Пижама жертвы — РобоПес — аккуратно сложена на стуле. Никогда больше не наденет ее только что искупавшийся мальчик.

— Дерьмо, — произносит она едва слышно. — Дерьмо.

Она никогда не сможет избавиться от этого изображения в голове.

Кеке идет обратно в ванную комнату. Как она должна понять, какой сценарий больше соответствует правде? Она нажимает на иконки, и они трансформируются и разворачиваются в окно перед ее основным зрением: клипы с показаниями, статичные изображения, предметы, представляющие интерес.

Она нажимает на видеоклипы и слушает жену Ланди, плачущую за свидетельской скамьей.

— Он бы никогда, он бы никогда, — твердит она, переполненная эмоциями.

Кеке нажимает на няню, Мириам Майлу, которая на протяжении всего судебного разбирательства утверждала, что Ланди был преданным и любящим отцом для своего сына. Когда ее спросили о его вспыльчивости, она, казалось, удивилась. Приподняла брови на камеру, показала нам свои красивые карие глаза.

— Никогда не видела его рассерженным. Ни разу.

Там были часы и часы показаний Ланди. Кеке пролистывает большую часть недавних клипов.

— Давайте немного поговорим о нерадивости, — произносит обвинитель.

— Нерадивости? — спрашивает Ланди.

— Том факте, что вы оставили своего ребенка одного в ванной.

— Ему было почти четыре года, — говорит Ланди. — Я готовил ужин.

— ПСОЖЗ рекомендует каждый раз присматривать за ребенком при купании. За детьми до семи лет.

— Я знаю, но…

— Джастин был малышом.

— Вода была неглубокой, безопасной…

— И все же он утонул, — говорит обвинитель. Девушка находится вне кадра. Кеке все еще чудится в ней ворона.

— Это был нелепый несчастный случай, — говорит Ланди. — Никогда бы в жизни я…

— А, — произносит адвокат. — Так вы признаете, что шансы на то, что ребенок поскользнулся и утонул в десяти сантиметрах воды, крайне невысоки.

— Ну…

— Таким образом, сценарий, предложенный вашим адвокатом защиты, практически невероятен.

Ланди, запинаясь, сбивчиво отвечает.

Кеке проматывает следующие пятнадцать минут.

— Если суд сочтет нужным, прокурор хотел бы принять следующий документ в качестве доказательства.

Судьи кивают, зовут ворону за свидетельскую скамью. Иконка пульсирует — документ — так что Кеке нажимает на него, и тот открывается в новом документе, прикрепленном к видеоклипу. Это больничная запись. Кеке просматривает ее. Фотографии синяков, наложенных швов и руки в гипсе.

— Две тысячи двадцать второй год — вывих ключицы. Двадцать третий — раздробленное запястье. Сильный порез на лбу. Двадцать четвертое января две тысячи двадцать четвертого года — всего несколько месяцев назад — сломанная рука, два треснувших ребра, контузия.

— Знаю, как это выглядит, но он был энергичным ребенком и постоянно попадал в переделки.

— Он «попадал в переделки» только, когда был под вашим присмотром.

— Я не заворачивал его в вату. И не нянчился с ним. Хотя теперь… — его голос надломился.

— Вата это одно. Но сломанная рука? Ребра?

Ланди прочищает горло, пытается собраться с мыслями.

— Он упал с крыши.

— Упал с крыши?

— Его спальня на верхнем этаже. На чердаке. Я не знаю, как

он выбрался из окна.

— Ах. Еще один нелепый несчастный случай.

— Там стояла защита от взлома, Бога ради.

Адвокат Ланди встает.

— Возражение. Отношение к делу, ваши Чести?

— Очевидно, что мистер Ланди нерадивый родитель!

— Мистера Ланди судят не за невыполнение родительских обязанностей.

— Больничные записи доказывают, что этот мужчина не «внимательный, любящий отец», каким его нам рисуют он и его жена.

Ворона начинает каркать громче.

— Вдобавок, он признался, что обладает вспыльчивым характером, и, что сценарий, изложенный его командой защиты, неправдоподобен.

Кеке проматывает до конца и закрывает клип. Снова открывает показания няни.

— Никогда не видела его рассерженным, — говорит Мириам.

Кеке думает, что она говорит правду.

— Я бы услышала, если бы он кричал, — говорит она. — Был мой выходной, но я была за соседней дверью.

Этот клип не из зала суда. Он снят в доме Ланди. Гостиная в ночь инцидента.

— Вы няня с проживанием тут, верно? — спрашивает за кадром следователь.

— Да. Моя комната прямо там, — говорит она, показывая жестом направление. Она продолжает потирать запястье. Нервный тик. — Не было никаких криков. Только после того, как он обнаружил…

Она умолкает из-за слез. Прижимает тыльную сторону ладони к носу.

— Простите меня! — всхлипывает она. — Мне нужна минутка.

Она встает с дивана, и камера выключается. Согласно указанному времени, она возвращается несколькими минутами спустя. Ее глаза припухли. С собой у нее коробка с носовыми платками.

Кеке останавливает видео, убирает его иконку обратно на боковую панель. Она снова осматривается в ванной комнате. Проверяет глубину воды. Полотенца на перекладине висят криво. Она отводит взгляд от пижамы. На полу рядом с ковриком металлический блеск. Она пытается сосредоточиться на нем, чтобы понять, что это, но не может различить. Подходит ближе, наклоняется, встает на колени, но тот исчезает. Она снова встает,

делает шаг назад, и он тут как тут, но она не может разглядеть, что это. Вероятно, ничего. Может быть, глюк в виртуальной реальности, но Кеке все равно об этом спросит.

Глава 12

Шум моря

Кейт ждет, когда дети вернутся из школы. Ее нервирует, когда они далеко от нее. Голограмма часов медленно тикает. Ей придется заняться чем-то, пока она ждет. Может, чем-то конструктивным, чтобы не сойти с ума. С детьми всегда возникает этот инстинкт «оттолкни-притяни». Когда они здесь и ведут себя ужасно, она ищет способ сбагрить их кому-нибудь — чтобы их увели прочь из дома. Но как только они ушли, в доме становится слишком тихо, и у нее возникает тревожное чувство, что их вообще не существует, и возникает желание вернуть их назад.

Может быть, она приготовит обед. Она открывает дверцу холодильника, но там почти пусто. Ей вдруг вспоминается Джеймс, который пять лет назад вошел в их квартиру на Иллово с продуктами, которые почти сыпались из синтетических сумок для шоппинга. Свежие фрукты и овощи, хлеб из семян, свекольный джем, миндальное масло. Она бы поцеловала его и назвала Мармеладом. Поцеловала бы его красивую кожу, суперстойкую к воздействию солнца. Он был таким чертовски здравомыслящим — слишком хорошим, чтобы быть настоящим. И, конечно же, в конце концов, все оказалось слишком хорошо, чтобы быть правдой. Его преследовали его демоны, как и всех других. Он просто лучше их скрывал.

Кейт отгоняет мысли о нем и закрывает дверцу холодильника. Она закажет что-нибудь на обед. В наши дни это так старомодно — готовить что-либо с нуля. Кто она такая, чтобы нарушать эту тенденцию? Она вполне довольна серийно выпускаемыми блюдами, доставляемыми беспилотниками из «Бильхен». Они хороши на вкус и содержат идеальное количество питательных веществ и килоджоулей, что далеко не всегда соответствует истине в случае, когда она готовит сама. Если бы она жила одна, то ела бы вафли из тостера шесть дней в неделю. Она нажимает на экран на холодильнике, чтобы сделать заказ. Лицо «Бильхен» улыбается и хлопает ей ресницами. Кейт выбирает между итальянской, индийской, греческой, южноафриканской и японской кухнями. Затем выбирает количество белков и углеводов. Приложение знает ее тип фигуры и рост, ее идеальный вес и количество упражнений, которые она выполнила, когда синхронизировалось с ее хеликсом. Рассчитывает порции соответственно. То же самое касается детей

и Себенгайл. Что Кейт действительно любит есть, так это стаканчик мороженого «Даркоко» с тростниковым сахаром, но она не знает, где такое найти. Сахар частично запретили уже два года назад, к ее большому огорчению. Газированных напитков это коснулось в первую очередь. Безвкусие добавить, сахар убрать. Как изменился состав привычных блюд. По крайней мере курящие травку обитатели окраин счастливы.

У нее есть небольшой запас шоколадных батончиков, оставшийся с времен до запрета сахарозы, но она залезает в него в лишь чрезвычайных случаях. Оправдывает ли ее текущее настроение поедание шоколадного батончика «КараКранч»? Их срок годности выходит, на шоколаде образуется белый налет, так что ей не стоит хранить их слишком долго. Она поворачивается, чтобы пойти в спальню, но слышит какой-то звук и останавливается.

Звук исходит из детской комнаты, хотя дети еще не вернулись домой из школы. Памятуя о том, что ей следует вытащить батарейки из жуткого Бебебота Сильвер, Кейт достает чемоданчик с отверткой из верхнего ящика в столовой. Она внимательно рассматривает содержимое ящика с инструментами, и у нее в голове всплывает воспоминание: Джеймс, зажавший гвоздь в губах и забивающий другой такой же в стену. Когда она использовала его старые инструменты, то всегда ощущала себя фиолетовой. Она закрывает крышку и идет в комнату близнецов. Она уверена, что должно быть выглядит ненормальной, стоя на пороге, задрав голову и с острым инструментов в руках. Пугающий силуэт, ожидающий, когда заплачет ребенок.

Ей не приходится долго ждать.

— Мама, — раздался вопль из половины комнаты Сильвер, а затем грустный всхлип.

Он кажется таким настоящим. От него она вновь оказывается в том времени, когда оказалась в ловушке в клинике «Генезис» на милости доктора. Когда психопат вручил ей ребенка. Их ребенка. Выношенного не в ее матке, но рожденного от нее и Мармелада. Их мальчик, напечатанный из ДНК. Их Мэлли.

«Черт. Черт, Кейт. Вытащи себя из этого ядовитого тумана памяти. Ты должна преодолеть это, если не можешь сделать это ради себя, то сделай ради детей».

— Мама, — раздается голос позади нее.

От испуга она чуть не прошибает потолок. Это Мэлли, который смотрит на нее своими большими сине-зелеными глазами. Ее глазами. Шум моря.

— Иисусе, — произносит она, отвертка взмывает к ее сердцу. — Ты напугал меня.

— Кто такой Иисус? — тоненьким голоском спрашивает Сильвер, плетясь следом за своим братом. Ее не совсем братом.

На них все еще надеты их рюкзаки с мультяшными персонажами: голубой «РобоПап» Мэлли и розовый «КиттиБот» Сильвер. Няня прямо позади них, нагруженная их рисунками и экспериментами в выпечке. Она улыбается, когда замечает Кейт. Девушка, кажется, рада видеть Кейт проснувшейся и принявшей душ, но замечает отвертку у ее груди и выглядит озадаченной. Кейт быстро прячет ее за спину и широко улыбается, запоздало поняв, что ее действия от этого становятся лишь еще более подозрительными.

— Как школа?

— Учитель Мэлли хочет знать, почему он настаивает на изучении своих цифр в цвете. Говорит, что это смущает других детей.

— Эм-м…

— И они сказали не отправлять Сильвер в школу, когда у нее насморк.

Как по команде, Сильвер шмыгает носом и вытирает его тыльной стороной ладони.

— На прошлой неделе они жаловались, что она слишком часто отсутствует и рискует отстать. Представляете? Ей три года. Вы когда-нибудь слышали о трехлетке, которая отстает от сверстников?

Няня пожимает плечами.

— Не казните гонца.

— Кто такой Иисус? — спрашивает Мэлли.

— Это разговор для другого раза, — отвечает Себенгайл, состроив смешное лицо Кейт.

Она кладет руки детям на плечи и мягко уводит их по направлению к ванной. Народ бонго серьезно относится к мытью рук. Сильвер, которую зачали и родили биологическим путем, простужается независимо от мытья рук. Мэлли в жизни ни разу не болел.

Кейт сопротивлялась тому, чтобы нанять няню, первые два года жизни близнецов. Она так долго страдала от бесплодия, что не могла представить, что за детьми будет присматривать кто-то другой. Она хотела испытать все первые мгновения: слова, первые шаги, режущиеся зубки. Она хотела быть с ними, когда это будет происходить. Она бросила работу и полностью посвятила себя материнству. Частично это был ее способ ухода из мира: продукт ее ПТСР. Тогда она ни за что бы не доверила своих детей незнакомке, не после того, что с ней случилось.

Но для нее это было не очень хорошо. Постепенно Сет

прививал ей эту мысль. Себенгайл раньше была СурроСестрой: молодой, одинокой женщиной, которая вызвалась помогать бесплодным парам заводить детей, когда кризис фертильности в Южной Африке достиг пика. Без таких как она уровень рождаемости упал бы до нуля. Когда кризис завершился, потребность в суррогатных матерях уменьшилась, грянул беби-бум, возросла потребность в нянях. Естественно было предположить, что СурроСестры станут нянями. Не просто нянями, но самыми лучшими, каких только можно найти — прошедшие предварительный отбор — без судимостей, с хорошим здоровьем, стрессоустойчивые. Значки суррогатных матерей уступили место небольшим брошам «СС» — медным булавкам, которые они носили над сердцем.

Поначалу они наняли Себенгайл, чтобы она присматривала за малышами всего час, пока они ходили выпить кофейный фризо в местный ресторан, тремя этажами ниже, и наблюдали за ней посредством многочисленных веб-нянь «Гимлет». Вскоре стало очевидно, что вечно веселая Себенгайл полезна всем, и так она стала постоянной няней, а затем няней с проживанием, а год спустя переехала в апартаменты для няни по соседству. Теперь она лучший друг близнецов, и Кейт не могла представить их жизни без нее. Время от времени у Кейт возникает искушение расспросить ее о опыте суррогатного материнства, но бонго разделяет личную жизнь и работу, так что Кейт это уважает.

Дрон «Бильхен» жужжит у окна доставки в гостиной. Он искусно приземляется на платформу и озвучивает приветствие. Кейт открывает щеколду и принимает еду, а за ее ухом раздается сигнал прихода квитанции. Она чувствует себя глупо, так как ей всегда инстинктивно хочется сказать спасибо машине или дать на чай. Старые привычки умирают с трудом. Однажды дети будут закатывать глаза из-за того, какая технически отсталая их мать. До тех пор, она по крайней мере попытается казаться крутой.

— Мы можем завести собаку? — спрашивает Мэлли каждый день без исключения.

Они все сидят за столом, поедают бургеры с черными грибами, сладкими картофельными чипсами фри и хорошо обжаренными стеблями брокколи.

— У нас есть собака, — отвечает Кейт. — Бетти/Барбара.

Мэлли морщит нос.

— Она старая. И медлительная.

— И вонючая, — замечает Сильвер, отчего они оба хихикают.

Это правда. У Бетти/Барбары особенно сильные проблемы с метеоризмом.

— И что? — спрашивает Кейт. — Ты и меня захочешь

заменить? Когда я стану старой и буду вонять?

Мэлли смеется с открытым ртом, и Кейт видно наполовину прожеванную им еду. Улыбка Сильвер исчезает. Вероятно, она никогда не задумывалась, что Кейт однажды не станет.

Сын, наоборот, не унимается.

— Собака-робот не воняет, ее не надо кормить, с ней не надо гулять и посещать ветклинику.

Но тогда в чем смысл?

— И она не пукает, — говорит Мэлли.

— Ах, — Кейт делает глоток вина. — Так вот в чем дело.

— Когда Сет вернется домой? — спрашивает Сильвер.

Прежде чем начать есть, она разделяет ингредиенты на тарелке. Не любит, чтобы вкусы переплетались.

— Не знаю, — отвечает Кейт. — Скоро.

— Я по нему скучаю, — жалуется Мэлли.

— Как и я, — говорит Кейт. — Он уехал ненадолго.

Няня похлопывает Сильвер по руке, подмигивает ей. Кейт уверена, что Сильвер ее любимица, хоть та тщательно это скрывает.

— Мой любимый цвет — цвет апельсинового сока, — провозглашает Мэлли.

Сильвер покрывает голову своей белой салфеткой.

— Я при-и-ивиде-е-е-ние, — говорит она. — Я при-и-ивиде-е-е-ние.

Она делает так каждый вечер, но это все равно их смешит.

— Мам, — говорит Мэлли. — Расскажи мне, чем я занимался, когда был ребенком.

— Что? Зачем?

— Просто потому что.

— Другие дети тебе что-то сказали?

— Что?

— Они говорили о тебе о чем-нибудь…?

Себенгайл отводит взгляд, словно не прислушивается к разговору. Будто это слишком личное. Мэлли хмурится.

— Ладно, — произносит Кейт. — Ребенком ты… я не знаю. Пошел в девять месяцев. Что очень рано для малыша.

— Мило.

— Начал говорить тоже рано. Все начал делать рано.

Сильвер выглядит расстроенной. Она уже знает, что слабее брата.

— Это потому что я старше Сильвер, — говорит он.

Мальчик съел все кроме брокколи.

— Ненамного, — отвечает Кейт. — На несколько месяцев.

— Я всегда буду крупнее Сильвер?

— Нет, — говорит Кейт.

Сильвер воспрянула духом, а Мэлли смотрит на нее.

— Если не будешь есть брокколи.

Внезапно ее пэтч начинает бешено пиликать, а хеликс на запястье вибрирует. Три бампа подряд от трех разных новостных агентств. Случилось что-то важное.

Глава 13

FAHRENHEIT451

Экраны Марко темнеют, чтобы привлечь его внимание к издающему звуковые сигналы главному экрану. Он полагает, что это его монитор здоровья просит его сделать передышку: встать и походить пару минут. Но когда он читает новостную ленту, тут оказывается большая статья. Где Кеке? Она будет расстроена, что пропустила это.

Один из экранов разделился, чтобы показать ему кучу видео по теме. Он нажимает на одно и видит мужчину в черном балахоне с капюшоном и в маске Иисуса Христа, который стреляет в людей снаружи здания. У него что-то вроде автоматического обреза. Русский? Похоже на то, что это может быть обрезанный «Сайга». Знания Марко оружия по большей части основаны на играх, так что он не может быть уверен, что такое существует в действительности. В отличие от его игр, на мониторе сейчас мешанина из криков и брызг крови — жестокая анимация, изобилующая технологией захвата движения, камера прыгает из-за движения. Только это не игра.

Террорист действует не один: Марко просматривает клипы других свидетелей и узнает нападающих в балахонах, которые входят в клинику и косят пациентов и медицинский персонал. Беременную женщину тащат за волосы.

«ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ АТАКА, — кричит заголовок. — *КЛИНИКА ПЛАНИРОВАНИЯ СЕМЬИ РАЗРУШЕНА «ВОСКРЕСИТЕЛЯМИ». Свыше тридцати человек убито, десятки пострадавших: доктора, медсестры, пациенты».*

Отличительные маски Иисуса Христа и развевающиеся балахоны с капюшоном из черного-пречерного арахнашелка позволяют легко идентифицировать террористов и невозможность их убить. Синтетический шелк произведен путем внедрения гена паучьей нити в шелковичных червей, в результате получается нить крепче стали и более гибкая, чем кевлар. В маски встроены приборы ночного видения. На террористах также присутствуют анимарки — движущиеся татуировки — с вращающимся распятием на шее. Крупный символ их приверженности делу.

«Воскресители» стали попадать в новости около семи лет назад, но прежде они не были такими наглыми и кровожадными.

Они начинали будучи христианской экстремистской группой, взрывали отдельных лиц или организации, которые тем или иным образом «проявляли неуважение к Иисусу». Кеке чуть не погибла, когда они взнесли на воздух здание Эко-новостей. В то время она работала там фрилансером, ночью задержалась допоздна и ушла буквально за минуты до взрыва. Главный редактор тогда знал, что рискованно выпускать сатирический мультик об Иисусе-зомби (восставшем из мертвых, пожирающем плоть общества), но все равно так поступил. Он был фанатом «Эбдо». Je suis Charlie *(прим.: с фр. «Мы все — Шарли» — слоган, ставший символом осуждения нападения террористов на редакцию французского сатирического журнала «Чарли Эбдо», в результате которого погибли двенадцать сотрудников редакции)*.

Любовь «Воскресителей к насилию скоро пересилила их любовь к Богу, они руководствовались дальше не Ветхим Заветом, а параноидальными заблуждениями «Судного дня» и тем, что они живыми попадут на небо. Они стали использовать любые оправдания, чтобы терроризировать южноафриканцев. Их больше не называли экстремистскими христианами, несмотря на их вращающийся логотип с крестом. Стали просто «Воскресителями», которых боялись все.

И они набирали обороты: на прошлой неделе сожгли библиотеку Сэндтона, потому что та отказалась убирать книги по их просьбе. «Гарри Поттер», «Хорошо быть тихоней» и «Сатанинские стихи» были лишь некоторыми из заголовков, которые, по их мнению, развращали умы людей. Когда библиотека отказалась, «Воскресители» поместили практически невидимые зажигательные устройства в семь разных книг на семи разных этажах и взорвали их тем вечером, в то время как посетители ресторана, расположенного на площади внизу, наблюдали за этим в ужасе. От пламени посветлело небо, и ни одна книга не уцелела.

Будучи абсолютным фанатом Брэдбери, Марко решил тогда, что хочет что-то сделать, чтобы их остановить. Конечно же, он никогда не противостоял им в реальной жизни. Они по большей части были высокими, злыми, хорошо обученными людьми, а он, ну, милый и тихий. Но его анонимность в качестве хакера железобетона. Он такой неуловимый, хвастается он Кеке, что ВОЗ понадобится не менее года, чтобы найти его, а к тому времени он будет на восемнадцать месяцев впереди них, поменяет свою личность онлайн сотни тысяч раз. Так что хоть он и не думал приближаться к «Воскресителю» лично, уверен, что сможет нанести им серьезный ущерб из безопасности своей темной комнаты.

Он отправляет бамп FlowerGrrl, контакту Сета в «F0X» и хактивистской группе «Альба».

Fahrenheit451: Видела новости? Все выходит из-под контроля. Я готов действовать. Официально заступаю на службу.

Глава 14
Скелет из золота

Кейп Республика, 2024

Они прокладывают путь ко входу в «Наутилус». Спиральное здание в форме морской раковины из песчаника сливается с окружающими дюнами и черными скалами, а еще вокруг него воздвигнуты невидимые стены. Охрана одета в одежду такого же цвета. Сет дергается, когда один из них возникает словно из ниоткуда, чтобы распахнуть перед ними ворота. Как только они оказываются в лобби, женщина охранник отводит Сета к сканеру, чтобы проверить, что при нем нет оружия или записывающих устройств. Она светит ему в глаза маленьким фонариком, а затем отточенным движением, снимает с его запястья «СнэпТайл» и помещает в сейф.

— Он мне нужен, — говорит он.

— Получите обратно.

Она не улыбается.

Хостес вместе с рыжебородым крепким охранником по имени Карсон ведут его к стеклянному лифту. Сенсорный экран предлагает им на выбор десять этажей, только вот они называются не «этажами», а «лигами», и пронумерованы от 0 до 10000. Движущееся изображение Кракена — мифического гигантского морского монстра — тянется щупальцами, чтобы коснуться десяти кнопок. Прекрасный образец японской анимации. Лифт устремляется к океану, а затем быстро опускается к выбранной ими лиге: 4000. Они и вправду оказываются в воде. Вид по другую сторону суперстекла меняет цвет от лазурного до полночно синего.

Так это правда.

Он слышал слухи о том, что «Наутилус» — подводная морская лаборатория, но ни одно исследование этого не подтверждало. Всем известно, что это просто высокотехнологичный дом, построенный на скалистых дюнах. Его желудок падает вниз вместе с лифтом, а затем двери бесшумно скользят в стороны.

Лаборатория похожа на пещеру, все белое, кругом вода и стекло. На долю секунды ему вспоминается подземная

лаборатория «Генезис», волосы на затылке встают дыбом. Косяк серебристых рыбок плавает у стены с видом на океан. Они синхронно и резко меняют направление движения. Карсон стоит у двери, а Арронакс дезинфицирует руки спреем, а затем жестом показывает Сету занять место за кажущимся бесконечным столом.

Саламандра-робот размером с домашнюю кошку проползает мимо.

— Это Мидон, — поясняет Арронакс, разглаживая и убирая с лица пряди своих фиолетово-сине-аквамариновых волос. — Одно из наших первых удачных творений. Он наш талисман.

— Он старый, — говорит Сет, изучая взглядом напечатанные на 3D принтере кости существа, электрические схемы и моторизированные суставы.

— Мы к нему привязались. Не могу вынести мысли убить его лишь потому, что технологии ушли вперед.

— Привет, Мидон, — произносит Сет.

Существо подкрадывается к ближайшему резервуару и скользит внутрь, без усилий уплывая прочь.

— Мы создали его, когда изучали позвоночные столбы и спинной мозг. Он очень нам помог с работой над киберпротезами.

— Ему нравится плавать, — замечает заинтересовавшийся Сет.

— Да. Так что… не для всех это искусство утеряно.

Сет уставился на нее.

— Вы… — начал он.

— Я читала ваши мысли, как только вы появились. Приношу извинения. У меня стоит телепатический переключатель. Это часть нашей программы безопасности.

— Но… как?

— Это не то, что мне позволено обсуждать. В любом случае, не сейчас. Извините за вторжение. Уверена, вы знаете, какую осторожность нам приходится проявлять. Сейчас я его деактивировала.

— Откуда мне знать, что это правда?

Уголки ее губ дергаются.

— Ниоткуда.

Сет скрещивает руки.

— Здесь мы находимся под постоянной угрозой, как вы понимаете, — говорит она. — Программы, которые мы изучаем: они далеко впереди самых продвинутых исследований. Некоторые из них могут посчитать… спорными.

Сет об этом знает. Поэтому он и согласился приехать.

— Перейду сразу к теме. Нам нужен ваш опыт в конкретном

проекте, — она кладет руки на белый стол, который их разделяет. — В нашем доверенном списке крайне мало специалистов, а вас нам хорошо рекомендовали.

Это не удивляет Сета. Он лучший химинженер в стране.

Мидон выпрыгивает из воды по другую сторону лаборатории и садится на подстилку из махровой ткани.

— Он как собака, — замечает Сет.

— Лучше, чем собака, — отвечает Арронакс. — Меньше беспорядка. Но если вы любитель собак… — при этих словах она морщит носик. — Должна показать вам нашего последнего К9000. Это необычное животное. Мы разработали его для институтов ветеринарии, чтобы студенты отрабатывали практические навыки в хирургии, но все, кто участвовал в пилотной программе, привязались к этим существам и захотели взять их себе.

Мэлли будет без ума рад завести К9000. Он просит животное-робота практически с пеленок. Ну, не совсем с пеленок. С тех пор, как он…

Арронакс смотрит на него, и он заставляет себя перестать думать о детях.

— Так этим вы ребята занимаетесь? Роботизированными животными?

— Бионические создания лишь одно из ответвлений основного направления.

— И в чем оно заключается?

Она улыбается.

— Вероятно, мистер Деникер…

— Зовите меня Сет.

— Вероятно, в будущем мы поговорим об этом более обстоятельно, но не сейчас, давайте придерживаться проекта, с которым мы попросили вас помочь. У нас стоят жесткие сроки.

Они, определенно, заплатили ему хорошо. Перелеты в бизнес-классе, сто тысяч в криптовалюте за контакт на двадцать четыре часа. Сет ставит локти на стол и наклоняется вперед.

— Я весь во внимании.

Перед Арронакс появляется своего рода клавиатура — несколько кнопок из голубого света. Она нажимает на одну, чтобы вызвать 3D голограмму. Появляется медуза, совершающая неестественные движения. Что-то в ней не то.

— Две тысячи десятый год. Наша первая роботизированная медуза.

Она нажимает другую клавишу, и медуза превращается в небольшое полупрозрачное морское животное, испускающее в воде мерцающий свет. Оно размером с монету в десять ранд и сверкает каким-то металлическим светом.

— Две тысячи шестнадцатый. Биогибрид скат.

— Биогибрид? Как киборг?

— По сути да, но технически все наоборот. Тогда как киборг обладает искусственным интеллектом, животное с бионической адаптацией — биогибрид — синтезированное животное с биологической составляющей.

— Биотехнологии, в которые вдохнули жизнь. Искусственную жизнь.

— Слои мягкого силикона отпечатаны из кардиомиоцитов — сердечных клеток мышей — в форме змеиного узора. Клетки генетически изменены так, чтобы сокращаться, когда на них падает свет…

— Отчего скат перемещается вперед.

— Да.

— Это… — Сет разводит экран пальцами в стороны, увеличивая масштаб, — …спина из металла?

— Скелет из золота. Эластичного золота. Оно сохраняет энергию.

Сет переводит взгляд на нее. Золотой скелет? Почему это звучит знакомо? Где он слышал об этом раньше? Мысль не дает ему покоя. Он отклоняется назад на стуле.

— Очень мило, но в чем смысл?

Она кажется довольной, что он спросил.

— Поэтому вы здесь.

Еще одна клавиша, еще одно изображение набирает краски. Невидимое сердце, а затем все обретает смысл.

— Вы проектируете ткань, — замечает Сет. — Человеческого сердца.

— Мы почти у финишной линии. Проект занял шестнадцать лет, мы готовимся представить его на рынок к декабрю.

— Как раз к рождественской суете.

Арронакс игнорирует его легкомысленное замечание.

— Мы готовим его для рынка, вот только есть одно но, с которым, я надеюсь, вы нам поможете.

— Для рынка? Так вы собираетесь их продавать?

— Конечно же, мы собираемся их продавать. На них огромный спрос. Эпидемия бесплодия привела к отсутствию целого потенциального поколения молодых, здоровых донорских органов.

— Почему синтетическое сердце? Можно же в наши дни достать беконные сердца, разве нет? Человеческие сердца, выращенные в свиньях химерах.

Хрюкубаторы, так их окрестила пресса.

— Эпи-сердца приемлют не все. Биогибридное сердце

доставляют пациенту абсолютно новым, без прошлого. Никакого багажа. В нем видят обновление, а не пережиток. Для нашей клиентуры так приятнее.

— Вашей богатой клиентуре.

— «Наутилус» — это бизнес, мистер Деникер.

— Конечно.

Сет потягивается. Конечно же, бизнес. Он и не думал иначе, не когда они столько ему платят — деньгами, от которых он не отказался и не пожертвовал на благотворительность. Он просто скучает по «Альбе». Скучает по биопанку. По работе, которая имеет важность.

— Эта работа важна, — говорит она. — Вы спасете жизни.

— Вы сказали, что выключили телепатический переключатель.

— Простите, — извиняется она.

Сет видит, что ей ни капли не стыдно. Ему нужно быть осторожным с мыслями рядом с ней. Он выдал уже итак слишком много информации.

— Хорошо, — отвечает он. — Расскажите, чем я буду заниматься.

Глава 15
«Денди Лайон»
Йоханнесбург, 2024

Кейт сидит в «Шестилистном клевере». Стол представляет собой какое-то отполированное дерево, а диван по ощущениям напоминает экокожу из грибов мускин. Она всегда вспоминает старую глупую шутку.

Почему грибы приглашают на все вечеринки?

Потому что они грибы!

Ее пэтч сообщает, что Кеке прямо позади нее — или, если быть точнее, прямо под ней — на возобновляемой парковке. «Клевер» — новое концептуальное бистро, в котором подают съедобные сорняки. Органические, аэропонные, самоопыляемые, местновыращенные в вертикальном фермерстве без загрязнения природы углеродом сорняки. Сама идея подобного Кейт вообще не нравится, но Кеке хочет попробовать, возможно, написать о них статью, так что женщина согласилась поучаствовать. Кейт не будет говорить этого вслух, но, кажется, Кекелетсо утратила аппетит к более существенным материалам после истории с «Генезисом». В некотором смысле Кейт от этого легче — она чувствует себя не такой слабачкой? — она не единственная, кто оказался выбит из колеи.

К ней спешит официант-бот, но не успевает затормозить

вовремя и задевает стол, от чего бутылка мисо опрокидывается, и на конопляной скатерти расцветает пятно. Кейт ждет, когда тот примется извиняться, но затем понимает, что тот нем. Некоторые роботы слуги запрограммированы поболтать, но из-за этого возникает масса сложностей, ведь люди предполагают, что машина может понять любую команду только потому, что может действовать согласно простым устным инструкциям. Робот разворачивается на безопасное расстояние от стола и проецирует ей свое голографическое меню. По крайней мере, тут есть фотографии блюд, иначе она бы понятия не имела, что заказывает. Снимки выглядят как живые: выполнены в 4D и вращаются, словно одно из блюд можно вытащить из голограммы и поставить на стол. Она смахивает к меню напитков. Двадцать видов холодных чаев и шейков из сорняков. Боже, она надеется, что у них есть алкоголь. Кейт листает к следующей странице и находит его — вино из бузины, мокричный ликер, шот под названием «Дикий амарант». Она решает остановиться на фирменном коктейле и нажимает на изображение «Денди Лайон», дважды. Бот разворачивается кругом и направляется в бар за заказом.

— Котенок! — кричит Кеке с другой стороны ресторана, и на нее оглядываются посетители.

Она зачастую разговаривает слишком громко. Некоторые люди отворачиваются обратно, другие нет. Они обе привыкли к взглядам. Кейт встает и обнимает свою подругу. Целует ее в щеку. Теплая кожа, пахнущая специями. Они видятся не так часто, как им хотелось бы, но когда встречаются, то словно так, будто и не расставались.

— Не могу поверить, что ты заставила меня прийти сюда, — говорит Кейт. — Они буквально кормят только одними сорняками.

— Ха! А чего ты ожидала?

— Не знаю. Несколько диких лютиков в качестве украшения. Салат из клевера.

— Тебе не повезло, — отвечает она, садясь. — Но, пожалуйста, скажи мне, у них есть лицензия?

Словно в качестве ответа, подъезжает с коктейлями официант бот.

Выпив по паре напитков, они хихикают, как школьницы.

— Эта спиртяга из сорняков суперская, — замечает Кеке. — Вернусь сюда завтра.

— А я нет! — отвечает Кейт.

Она заказала лапшу вакамэ с жареными сверчками и чуть не швырнула тарелку. Из-за текстуры обоих блюд ее синестезия

стала лютой: это как пытаться проглотить шевелящийся кактус. Кеке, наоборот, была больше склонна к приключениям и заказала вареные пельмени с начинкой из личинок и песто из портулака. Песто было вкусным.

— Но, да, — говорит Кейт. — Джин на бузине особенно хорош.

Они чокаются бокалами.

— Чувствуешь себя лучше? — спрашивает Кеке.

— Не совсем.

— Все еще случаются панические атаки?

— Панические атаки. Бессонница. Ночные кошмары. А ты знаешь, какие мне снятся кошмары. Гипер-реалистичные.

— Для этого существуют наркотики, знаешь ли.

— Я знаю! Сет продолжает пытаться мне их скормить. Наркотики, чтобы не было снов. Что дальше?

Кеке кажется позабавленной.

— Ну, если и есть тот, кто разбирается в наркоте, так это Сет.

Когда она говорит о нем, то ее взгляд теплеет, становится сексуальным. Кейт не уверена, что ей это нравится.

— Не то чтобы я не могла уснуть. Скорее я… не хочу засыпать.

— Тебе все еще снятся те ужасные сны про Джеймса?

— О Джеймсе, о Ван дер Хивере. О том мужчине, который пытался похоронить нас на цветочной ферме. О том, которого мы…

Она проглатывает остаток предложения, когда ее накрывает воспоминанием о его изуродованном осколками стекла лице.

— И… о Маутоне.

Кеке вздрагивает и касается руки Кейт.

— Не знаю, что со мной не так.

Кейт чувствует, что покрывается потом под испытующим взглядом Кеке. Она убирает руку, вытирает пот над верхней губой и бровями.

— Все с тобой нормально.

— Не нормально. Почему у тебя нет ПТСР? Тебе они причинили ничуть не меньше зла, чем мне. Ты почти погибла.

— Мы почти погибли.

— Тогда почему? Почему у тебя не бывает панических атак?

Кеке отпивает от своего напитка и пожимает плечами.

— Не знаю. Когда происходило самое дерьмо, я была в полубессознательном состоянии. Я не могла полностью понять, что происходит. В отличие от тебя. Ты испытала все в ароматизированном гиперцвете с суперчеткостью. То есть, даже прогулка по дорожке может стать для тебя травмирующим

событием.

Кеке смотрит на нее и моргает. Ее слова недалеки от истины.

Хеликс Кейт вибрирует, и брови Кеке взлетают вверх.

— Это не то, что ты подумала, — говорит Кейт.

— Черт. Подумала, что тебе звонят, чтобы позвать потрахаться.

— Проклятье, нет. С теми днями покончено.

— С теми днями покончено? Боже мой, женщина, не удивительно, что у тебя депрессия. Кто на Земле тогда пишет тебе бампы в такой час ночи? Няня?

— Это не бамп. Мой телефон сообщает мне, что я превысила лимит.

— Тогда твой телефон — твоя няня.

— Да. Хорошее замечание.

Кеке поднимает свой бокал.

— Что собираешься сделать?

— Выключить телефон.

— Итак, говоря о секс-временах, — говорит Кейт, заказывая еще бутылку. — Как там Марко?

Кеке облизывает зубы.

— Хорошо, как и всегда.

— Как его кибер-что-то-там-что-то-там работает? — Кейт помахала перед глазами, чтобы показать, что она имела в виду.

— Он это обожает, а я ненавижу.

— Почему?

— Ну, знаешь, его линзы не такие, как мои. Не простые Биолинзы, а кибернетические. Они постоянные. Они имеют соединение с Сетью.

— И что это значит?

— Это многое значит, верно? Крутые штуки. Ну, будто он может совершать поиск в Сети в любое время. Он может писать всякое дерьмо и заказывать продукты, стоя в душе.

— Это удобно. И что в этом плохого?

— Он постоянно отвлекается! Будто он совсем не со мной. Будто мы никогда не одни. Я говорю с ним о Нине, а он кивает, но я же вижу, что он не слушает. Но что больше всего меня бесит…

— Да?

— Дай объясню так. Я заставляю его прикрыть эту штуку, когда мы расслабляемся.

— Потому что она делает снимки?

— Потому что она все записывает.

— Не то чтобы это мог скачать кто угодно.

— Мне все равно.

— Но…

— Мне все равно. Сама знаешь, как работают такие вещи. Сегодня ты единственная, у кого есть доступ, а завтра это уже выложено на Ревербер8.тв для лицезрения всего мира.

— Ты права.

— Не собираюсь быть такой. Которая становится известной, благодаря извращенному секс-ролику.

— Ты уже известна. Подожди… ты всегда можешь одеть одну из своих масок. Пока ты…

— Думаю, с меня хватит масок.

— Правда? Что произошло?

— Из-за парня, которого я встретила. На суде.

— Ты все еще полиморфна? Я думала ты с Марко…

— Марко знает, что день, когда я стану моногамной — это тот день, когда я сыграю в ящик.

— Справедливо, — соглашается Кейт.

— Тем не менее, я не трахаюсь с новым парнем.

— Пока нет, — замечает Кейт.

— На самом деле, я думала вас познакомить.

— О, нет, — Кейт качает головой. — Нет, спасибо. Не заинтересована.

— Он ох*еть какой симпатичный, — говорит Кеке. — Умный. Забавный. Богатый.

— Все равно не заинтересована. В данный момент я даже в себе не могу разобраться, не говоря уже про кого-то еще.

— Может быть, он тебе с этим поможет. Секс — отличная терапия, знаешь ли. Даже исследования такие проводили.

Кейт вздыхает, гадая, выглядят ли мешки под ее глазами такими же тяжелыми, как они ощущаются.

— Тебе даже не надо ходить с ним на свидание. Или разговаривать с ним. Вы просто можете заняться сексом.

— Очаровательно.

— Что?

— Не будет такого.

Кейт облокачивается на стол, уперев лбом в ладонь.

— Так значит… ты заставляешь Марко закрыть глаза, когда вы занимаетесь сексом?

— Только один.

— Только один? Это чересчур.

— Это как заниматься любовью с пиратом.

— Ар-р-р, — рычит Кейт.

Бот официант показывает счет на голодоске. Кейт нажимает «заплатить», и ее пэтч издает звуковой сигнал об оплате.

— Ты хотела мне что-то рассказать, — говорит она.

Кеке надевает куртку. Мускус. Мягкий шелест коричневой кожи.

— Да?

— Я так поняла что-то насчет суда. Ты сказала, что вышла задержка на один день, когда ты позвонила…

— Верно, — ответила она. — Послушай, прямо скажу тебе, что тебе не понравится эта идея.

— Но… ты все равно собираешься мне рассказать.

— Но я все равно собираюсь тебе рассказать.

Они покинули ресторан и направились к главной улице.

— Возьмем такси на двоих? — спрашивает Кейт.

— Ни за что я не поеду на Нине, после того как пила это пойло из сорняков.

Кеке по непонятной причине называет свой байк Ниной. Они упаковались на заднее сиденье ближайшего такси, которое считало их коды.

— Добрый вечер, мисс Ловелл, мисс Мсиби, — говорит такси. — Пожалуйста, выберите место назначения.

— Давай, подбросим тебя первой, — предлагает Кеке. — Тебе нужно возвращаться к спиногрызам.

— Спасибо, — отвечает Кейт. — Отвези меня домой, пожалуйста, Кэбби.

Она уже отправила местоназначение бампом в приложение Кэбби.

Кеке хихикает.

— Это так старомодно.

— Что?

— Ты же знаешь, что тебе не обязательно говорить «пожалуйста»?

— Это хорошие манеры!

— Это автомат.

— И что?

— Так значит ты как в той истории про бабульку, которая постоянно писала «пожалуйста», когда что-нибудь гуглила.

— Ерунда.

— Не ерунда. Я работала в Эко, когда вышла эта статья. В шестнадцатом году.

— Нет, я имею в виду, бред, что я как та бабулька.

— В самом деле? Когда в последний раз ты погружалась?

— Ты же знаешь, что мне не нравится виртуальная реальность.

— Вот видишь. Бабуся.

— Дело не в технофобии…

— Хоть и однозначно, что ты технофобка. Котенкозаурус.

— Ха.

— Внимание: ты все еще носишь с собой наличку.

— Никогда не знаешь, когда может понадобиться наличка.

— Правда? Когда в последний раз она была тебе нужна? В девятнадцатом?

— Я все еще кое-что ей оплачиваю.

— Что к примеру?

— Хорошо, я солгала. Как-то я попыталась дать людям на чай, а они чуть ли не бросили мне деньги в лицо.

Настоящая причина, по которой она хранит наличку — паранойя. Кто знает, когда случится какая-нибудь катастрофа, и все виртуальные деньги просто перестанут существовать? Криптовалюту не съешь.

— Только посмотри в каком ты платье.

Кейт опускает взгляд.

— Что? Так уж вышло, что мне нравится это платье. Я думала, ты оценишь, что я появилась не в джинсах. И не в пижаме.

— Ты носишь эту одежку с самого нашего знакомства. Десять лет?

— Попридержи коней, мы не такие старые. Или такие? Кроме того, у меня нет времени на шоппинг. У меня малыши.

— Тебе и не нужно ходить на шоппинг! У тебя дома стоит принтер одежды. Ты хоть знаешь, сколько людей убили бы за такую штуку?

— Мне кажется, сканер фигуры сломан.

Кеке закатывает глаза. Ни одна из них не озвучивает, что это не сканер фигуры сломан.

— Прекрасно, а вот насчет виртуальной реальности…

— Виртуальная реальность поднимает мою синестезию на новый уровень.

— О, — произносит Кеке, откидываясь на сиденье машины. — Ну, тогда дело другое. Я об этом не знала.

— У Сета всегда самые последние новинки, он вечно покупает новые шлемы и сенсоры для тела. Он понял, что просить меня присоединиться бесполезно. Сейчас Сильвер — его партнерша по играм. Она такая же зависимая от этого, как и он. На днях она победила его в «Medieval war 1».

— «DarkAges».

— Вот-вот. Сет говорит, что она настоящий Робин Гуд.

— Ладно, хорошо, то, о чем я хотела поговорить с тобой уже не важно.

— Просто скажи мне.

Машина виляет в сторону, чтобы избежать выбоины, и

женщины впиваются в сиденья, чтобы не попадать с сидений.

— Ты же знаешь, что меня выбрали присяжной, верно?

— Да! Как все проходит? Что за дело?

Кеке колеблется. Кейт видит, что та не хочет это обсуждать.

— Субъективное суждение. Расскажу тебе все, как только мы закончим.

Кейт знает, что Кеке никогда не стеснялась высказывать «субъективные суждения». Что-то тут не так.

— Нам должны были представить улики, верно? И вместо того, чтобы просто показать фотографии места преступления, они показали нам настоящее место преступления.

— А?

— Ну, я имею в виду виртуальное место преступления. Буквально. Мы могли осмотреться вокруг. Получить впечатление о комнате. Все рассмотреть, не только то, что сочли важным фотографы криминалисты.

— Воу. Это тебя не напугало?

— Конечно, напугало. Жертвой был… — она спохватывается вовремя. — Но это заставило меня задуматься. Виртуальная реальность повсюду, она имеет миллионы различных применений.

— Я не интересуюсь сексом в виртуальной реальности, если ты к этому клонишь.

— Дело не в виртуальном сексе, обещаю. Хотя это неплохая идея…

Они в квартале от квартиры Сета.

— Я подумала, что тебе стоит попробовать терапию погружением.

— Ар-р-р!

— Знала, что ты это скажешь, но…

— Это как взять две концепции, которые я ненавижу, и, ну, превратить в монстра гибрида. А затем увеличить его по максимуму.

— Я знаю. Я знаю, подруга моя, но подумай об этом. Я слышала это бывает очень, очень эффективным. Особенно при ПТСР. Есть клиника «Секонд лайф»…

— Да.

Автомобиль замедляется и останавливается.

— Мы достигли места назначения.

— Просто подумай об этом.

Пассажирская дверь со стороны Кейт со щелчком открывается.

— Ладно. Вот. Я подумала. Мой ответ: спасибо, но нет, спасибо.

— Не вини подругу за попытку, — говорит Кеке, пожимая плечами. — Увидимся на той стороне.

Как только Кейт заходит в квартиру, то сразу идет в комнату детей, где находит два сладких теплых тельца, укрытых в гамаках. Она прикасается к ним, чтобы убедиться, что они там, что они реальны. Она целует Мэлли в щеку и убирает волосы с лица похрапывающей Сильвер.

Боже, как она их любит. Иногда это чувство полностью ее поглощает. Она задерживается на минутку, пьяно любуясь их ангельскими личиками. В такие моменты, это чувство может быть таким интенсивным, словно удар в живот. Иногда ей хочется согнуться пополам он невыносимого чувства привязанности и любви.

— Как они вели себя сегодня вечером? — шепотом спрашивает Кейт, пытаясь не дышать на няню перегаром.

— Вели себя хорошо, хорошо вели.

Себенгайл никогда не говорит о них ничего плохого. Няня уходит, и, когда Кейт слышит, как она зашла в апартаменты для няни по соседству, Кейт трижды запирает за ней дверь. Кейт выпивает две таблетки для отрезвления и запивает их большим глотком воды. А затем идет спать.

Глава 16

Строение из пустых резервуаров с призраками

Кейт находится в «Акваскейп» — огромном, нелепом, безумно успешном, не имеющем выхода к морю аквариуме, который закрыли несколько лет назад из-за жалобы защитников животных. Корпорация отхватила первоклассную недвижимость, но еще не снесла здание размером с мамонта. Это населенное призраками строение из пустых резервуаров. Сюда заселились бездомные, стали разбирать все, что можно продать или из чего можно построить временные укрытия для сна. Мелкие преступники вынесли из здания все мало-мальски ценное: суперстекло, волоконно-оптические кабели конфетного цвета, блестящие мозаичные плитки. Пока Кейт идет по зданию, вспоминает, каким оно было когда-то: голубые отсветы воды, танцующие на стенах. Чудо воды в городе, пораженном засухой. Противоположность острова. А теперь это место скорее похоже на выбеленные солнцем кости кита. Грустные, бледные, сухие.

Женщина нервничает. Она боится бомжей? На горизонте их ни одного, но пол испачкан отметинами от огня и человеческими следами: рвотой и кровью. Почему она идет босяком? Повсюду разбитое стекло.

Ее руки и ноги дрожат. От страха или от холода? Она не может сказать точно. Вероятно, и то, и другое. Она не может

вспомнить, почему находится здесь. Скорее всего, из-за фотосъемки. Она помнит, как фотографировала здесь большую белую акулу. Заостренные зубы, кожа, как наждачная бумага. Особенно ей запомнились медузы: стая медуз. Электрический зеленый яд. Модель в мерцающем костюме русалки. Воспоминание яркое, радостное и полное красок — не такое, как это: об этом лишенном жизни месте-пещере.

Она кого-то ищет? Вдалеке какая-то тень. Кто-то бежит? Нервозность скручивает ее внутренности. Ей нужно выбираться отсюда. Это место не для нее. Пустые резервуары принимают зловещий вид: зияющие черные рты. Сломанные плитки хрустят под ее чувствительными стопами, а из-за запаха дыма сложно дышать. Ей нужно выбираться. Она начинает бежать, искать выход, но он не там, где она помнит. Если Кейт не выберется наружу и не вдохнет свежего воздуха, ее голова взорвется.

На полу блестит какой-то предмет. Первый ее инстинкт — поднять это. Как ее пистолет оказался на полу? Кейт уже готовится сунуть его в кобуру, когда снова видит ту тень. Это тот, кто хочет причинить ей вред. Она отталкивается от стены и снимает пистолет с предохранителя.

Это Маутон. Кто еще это может быть? Она уверена, что убила его в лаборатории «Генезис», помнит шок от того, что его крупное тело врезалось в нее, когда они боролись не на жизнь, а насмерть. Его мощные руки на ней. Женщина опустошила магазин в его корпус. Она убила его. Так ведь? Его тело так и не нашли.

Сейчас при ней ее пистолет, она отказывается становиться его жертвой. Она снова его убьет. Она уничтожит сукина сына.

Тень мерцает. Играет в прятки.

Его запах разжигает ее ужас. Кейт направляет руку с пистолетом в темноту, готовая стрелять. Она ничего не слышит из-за своего громкого дыхания. Ее палец дрожит на курке. Тьма проникает в ее голову, ее тело. Она собирается поглотить ее.

Кейт крепче перехватывает пистолет. Она готова стрелять, но запах не тот. Это не Маутон. Цитрусовая кожура в огне. Это…

На ее плечо ложится рука, и она разворачивается, чтобы выстрелить. Вспышка оранжевого.

— Джеймс?

— Что ты делаешь? — спрашивает встревоженный Джеймс. Он выглядит таким молодым, таким невинным, словно только что проснулся.

Кейт начинает плакать. Ее голос ее подводит.

— Джеймс?

Вспыхивает свет. Выпотрошенный аквариум освещен огнями,

но это больше не то здание — это ее спальня. И она наставляет пистолет не на Джеймса. А на Мэлли.

Глава 17

Пустые пижамы

— Есть в этом деле что-то, что меня тревожит, — говорит Кеке.

Они снова на крыше — она и костюм. Сюда они приходят, чтобы сбежать от других присяжных. С нее хватит. Кеке устала быть зрителем. Ей нужно работать, чувствовать себя полезной. Она хочет, чтобы суд закончился, но не может избавиться от грызущего чувства, что упускает что-то важное. Кроме того, девушка не может забыть виртуальное изображение мальчика в ванной. Ее преследуют пустые пижамы.

— Что?

Костюм стоит в тени: прислоняется к огромному резервуару для сбора воды, одному из сотен таких же только на этой крыше. Один из миллионов, когда смотришь на город. Вращающаяся камера на крыше движется вслед за ней, когда она приближается к нему.

Девушка все еще не спросила его имя.

— Я Кекелетсо, — говорит она.

— Знаю, — отвечает он. — Мой «ФузиформДжи» узнал тебя, как только ты сняла маску.

Приложения, распознающие лица, невероятно дорогие. Кеке бы такое установила, если могла бы его себе позволить.

— Мы встречались раньше?

— Ты не помнишь.

— Прости. Я не так уж часто сталкиваюсь с банкирами. Не думала, что мы знаем друг друга.

На самом деле она имела в виду, что точно бы запомнила кого-то с таким лицом, как у него. Однако лучше не забегать вперед. Она не знает, можно ли ему доверять.

— Я не банкир.

— Значит, торговец.

— Нет.

— Финансовый консультант. Советник по криптовалюте. Главный мафиози.

— Нет, нет и нет.

— Тогда кто?

— Я эксперт по самоубийствам.

— Ха, — произносит она.

Они обмениваются позабавленными выражениями лица.

— Думаешь, это смешно?

— Это странное название для профессии, вот и все. Если бы

ты был экспертом по самоубийствам, то, вероятно, не был бы… живым?

— Очень забавно, — замечает он, разглаживая свой шелковый галстук.

— Самоубийства, кажется, прибыльный бизнес.

— Да. Во всяком случае профилактика самоубийств, но я занимаюсь этим не поэтому.

— Как интересно. Никогда бы не догадалась, что Суицидальная болезнь — золотая жила.

— Все, что касается корпораций и Мрачного жнеца — золотая жила.

— Наверное, это так.

— Поверь мне, это так.

— Так значит твоими услугами пользуются крупные корпорации?

— По большей части. Уровень морального истощения в них очень высок. Меня привлекают, чтобы оценить риск и предоставить рекомендацию по терапии.

— Хочешь сказать, что корпорациям не все равно, если их сотрудники решат покончить с собой?

— Не все равно. Очень дорого нанимать и обучать новых сотрудников.

Они смотрят на город. Голубой туман окрашивает воздух.

— Так мы встречались прежде? — спрашивает Кеке.

Мужчина поджимает губы. У него великолепные губы.

— Меня зовут Зак, — говорит он. — Закари.

Зак. Имя звучит как ономатопея *(прим.: слово, являющееся звукоподражанием, возникшим на основе фонетического уподобления неречевым звукокомплексам, например, «мяукать», «квакать»)*. Бац! Удар молнии.

Ее пэтч издает звуковой сигнал. Она смотрит на запястье: это бамп от Марко.

Darko: Привет, красавица.
Кех: Аве, мой дорогой.
Darko: Ты ушла, не попрощавшись.
Кех: Прости. Рано началось. Суд подходит к концу.
Darko: Так ты скоро ко мне вернешься?

Кеке колеблется, не хочет показаться грубой. Зак жестом показывает ей продолжать, исчезает глубже в тенях, помахав на прощание рукой.

Кех: Ты меня и не терял.

Darko: Хотите, чтобы я что-нибудь нашел для вас, м'леди?

Кех: Если не возражаешь.

Darko: Для тебя, что угодно.

Кех: Надеюсь, ты не думаешь, что я использую тебя из-за твоих величайших хакерских навыков?

Darko: Даже если и так, я не против.

Кех:…

Darko: Пока ты меня используешь, я счастлив.

Кех:…

Darko:…

Кех: Я точно не знаю, что ищу.

Darko: Это касается суда?

Кех: В точку. Что-то просто не сходится.

Darko:??

Кех:…

Darko: У тебя хорошие инстинкты. Вероятно, ты почувствовала след.

Кех: Не знаю, откуда начать. Все держат в тайне.

Darko: ЛОЛ.

Кех: Что?

Darko: Ничто не тайна.

Кех:?

Darko: Все можно взломать.

Кех: Но я даже не знаю, о чем тебя спросить.

Darko: Спроси меня, во что я одет.

Кех: Эй. Я серьезно!

Darko: Прости.

Кех:…

Darko: Просто назови что угодно. Наобум. Что-то для начала, и я пойду от этого.

Кех: Хорошо. Может быть, просто поищи похожие дела. В Джози за прошедший год.

Darko: Похожие дела, где отец топит своего ребенка?

Кех: Да. Нет. Подозрительные смерти малышей.

Darko: Мрак.

Кех: Знаю. Прости. Это будет нелегко.

Darko: Считай сделано.

Кех: Спасибо тебе.

Darko:…

Кех: Эй.

Darko:?

Кех: Что на тебе надето?

Глава 18

«СекондЛайф»

Кейт сидит через комнату от психиатра. Комната безликая и монохромная, дает ей передышку от синестезии, за исключением вращающейся сферы, зависшей над ее головой. Некоторые даже могут назвать это «черной» клиникой, что парадоксально, учитывая, что «Альба» Сета как раз занималась закрытием подобных мест. Но есть нелегальные клиники, а есть морально уничтоженные нелегальные клиники. Кейт считает, что «СекондЛайф» принадлежит к первой категории. «Альба» закрыла, среди прочих, «Табулу Расу» — спа-салон, который покупал эмбрионы после выкидышей из нечестных на руку гинекологических клиник, отбирал из них стволовые клетки и делал инъекции них в лица клиентов. Щеки Кейт покалывает лишь от одной мысли. А еще, конечно же, был «Генезис» — «черная» клиника, которой другие «черные» клиники в подметки не годятся. Клиника, которая убила Мармелада и почти ее саму.

Кекелетсо записала ее на эту встречу. Подпольные лечебные учреждения, такие как это, принимают пациентов только по рекомендации и обычно свободных приемов нет на несколько месяцев вперед, так что она не уверена, как Кеке удалось ее впихнуть.

У доктора Вогз пустые руки, нет ни блокнота, ни «Тайла». Здесь должно быть скрыто какое-то другое записывающее устройство. Вогз одета в чернильно серую одежду с головы до пят, словно является продолжением темно-серой комнаты. Ее лицо напудрено до совершенства. Кейт всегда ненавидела докторов: все ее детство ее только кололи и обследовали: забирали анализы крови, мочи, делали ДНК тесты. Рентгенограмма, МРТ, КТ. Из-за этого она ненавидела свое состояние, вместо того чтобы принять его за то, чем оно было: подарком. У нее была своя собственная дополненная реальность еще до того, как появилась виртуальная.

— Что вы знаете о терапии погружения? — спрашивает доктор Вогз. — Или виртуальной реальности?

— Мало что, — отвечает Кейт, кусая губу. — Я пыталась держаться от этого подальше, если честно.

— Почему?

— Не знаю. Мне не кажется это таким привлекательным, как другим людям. Наверное, с меня хватит того, что происходит в моей голове и без этого.

Доктор уставилась на нее.

— Это можно понять. Так почему тогда вы сегодня здесь?

Кейт сглатывает. С чего начать? С того, что она больше не может доверять собственному телу? Эти тревожные сирены — саундтрек ее повседневной реальности? Что она жаждет

физической заботы, но не может вынести прикосновений?

Конечно, все это второстепенно. Причина, про которой она здесь — то, что произошло прошлой ночью.

Доктор видит ее колебания и помогает ей начать.

— Вы считаете себя угрозой, — говорит она.

— Не «считаю», — отвечает Кейт. — Я и есть угроза.

— Для себя.

— Для себя. И что более важно для детей.

— Расскажите мне о вашем травмирующем эпизоде.

Кейт разразилась смехом.

— О котором?

Глава 19

Смерть в воздухе

Кейп Республика, 2024

Сет бьет кулаком по столешнице стойки, заставив Карсона подскочить на месте. При помощи снаффеина он провел без сна всю ночь, пробуя все известные ему математические последовательности и модели, но не смог добиться результата. Кардиомиоциты на биогибридном скате отпечатаны по змеиной схеме — достаточно просто сделать для ската — но человеческое сердце совсем другая история. Он смотрел кадры, где живое сердце билось снова и снова, кадр за кадром, под всеми ракурсами, и пытался точно скопировать его движения, но очевидно есть нюансы, которых он не понимает. Его прототип силиконового сердца топорный. Перед ним парит прозрачная 4D анимация, версия «263rd», насмехаясь над ним изяществом своего биения. Сет удаляет свой последний алгоритм, и сердце останавливается. Смерть в воздухе.

К его плечу прикасается ладонь, и он вздрагивает.

— Извини, — говорит Арронакс. — Не хотела напугать тебя.

На ней серьги из раковины краба-отшельника, а фрагменты отполированного перламутра, вшитые в отвороты ее лабораторного халата, ловят холодный свет.

— Не напугала, — говорит он. — Я просто… задумался.

Как у нее получается добиться таких волос?

— Я знаю, что ты не добился большого прогресса, — говорит она. — Мы надеялись, что к этому моменту все будет решено.

— Задача оказалась сложнее, чем я предполагал.

На самом деле он хочет сказать: я перепробовал все уравнения, которые знаю. Ничего не сработало. У меня закончились варианты. Он шмыгает носом и потирает его. Определенно, у него передозировка снаффеина.

— Позволь мне помочь тебе, — предлагает она.

Русалочий проблеск надежды.

— Было бы неплохо, — отвечает Сет, запуская пальцы в свой ирокез. — В какой области математики ты специализируешься?

— Ни в какой, — отвечает она. — Я не разбираюсь в математике. Могу помочь тебе другим образом.

Она жестом показывает Карсону закрыть дверь, и тот повинуется. Если охранник и гадает зачем, то не показывает этого.

Сет уставился на Арронакс, действительно уставился на нее, когда она берет его за руку и кладет себе на грудь. Ждет его реакции. Ее лабораторный халат распахнут достаточно, чтобы он почувствовал теплый шелк ее кожи под кончиками своих пальцев. Медальон в форме морского конька мерцает.

— Ты напряжен, — говорит она, поглаживая его плечи. — Твой мозг не может оптимально функционировать, когда уровень твоего стресса высок.

Поначалу Сет сопротивляется. Его нервная система работает шустро из-за коффеина, который мужчина жадно поглотил. Это всегда усиливает его паранойю. Что Арронакс делает? Почему? Глубокая синева океана снаружи окрашивает ее грудь в голубой цвет. Что-то вроде галлюцинации на тему океана.

Ее ладонь путешествует вниз к его джинсам, расстегивает их.

— Тебе нужно снизить уровень кортизола.

Она так чертовски красива, а ее волосы пахнут морской водой. Он решает просто посмотреть, что будет.

— Люблю женщин, у которых грязный язычок.

Девушка приспускает его джинсы и начинает опускаться вниз, но он останавливает ее, заставляет подняться. Опускает стоячее рабочее место на уровень бедер и приподнимает Арронакс, опуская ее на край. Стоячие столы так универсальны.

После он расслабляется, и они целуются, как незнакомцы: пробуя друг друга, пытаясь понять, что нравится другому. Это скорее упражнение в эротическом исследовании, чем ослепляющая страсть. Он чувствует свое возбуждение и то, как тесно стало в джинсах.

Сет медленно отстраняется от ее губ и перемещается к ее белоснежной шее. Слабый аромат парфюма и запах соли. Опускается к ее груди. Она запускает руку ему в волосы, а затем нажимает кнопку на своем «СнэпТайле» и двери лаборатории запираются: огонек меняет цвет с зеленого на красный. Свет меркнет. Камера в углу отключается.

— У нас есть шесть минут, — сообщает она.

Сет расстегивает оставшиеся пуговицы на ее блузке и обнаруживает, что ее красивая грудь покоится в облачении из кружевного бюстгальтера аквамаринового цвета. Он расстегивает застежку бра и приподнимает лифчик спереди, чтобы обнажить самую бледную и самую мягкую грудь, которую он только видел. Он зарывается в нее лицом и смакует ее. Боже, как давно у него был секс. Слишком давно. Он берет маленький коричневый сосок в рот и сильно его посасывает, а другую грудь массирует ладонью. Арронакс выгибается и ахает от удовольствия. В голове у Сета вспыхивает изображение косичек и карамели. Горячей кожи. Она сильнее притягивает его голову в вырез своего накрахмаленного лабораторного халата.

Вспомнив, где он, он задирает ее юбку, а она разводит ноги. Он принимает ее приглашение и стягивает вниз ее трусики. Снова ее целует. Облизав пальцы, дразнит ими ее клитор, а затем погружает их в нее. Поначалу медленно, только кончики пальцев, но она толкается вперед, чтобы побудить его войти глубже. Сет входит глубже, еще глубже, а Арронакс вращает бедрами и неровно дышит. Стонет. Она близка к оргазму, так что он замедляется, но не отпускает ее. Сет стягивает вниз свои джинсы, подготавливает себя. Он хочет, чтобы она кончила, когда будет внутри и не раньше. Арронакс оттаскивает его голову от своей груди, дышит в рваном ритме. Ее тело сильнее, чем кажется. Он хочет, чтобы девушка его укусила.

— Быстрее, — просит она, касаясь губами его уха. — Хочу тебя прямо сейчас.

Он входит в нее и издает стон, когда чувствует, какая она мокрая для него. Его коллега стонет тоже: что-то среднее между

вздохом и рычанием. Он входит до конца, а затем на миг застывает. Они держатся друг за друга, переплетаются дыханием. Ощущения восхитительны. Его разум пуст за исключением того, что происходит прямо сейчас, и он хочет, чтобы этот миг не кончался. Остановить часы. Но их тела думают иначе и действуют по своей воле. Медленно, они начинают двигаться вместе, раскачиваясь в уверенном ритме. Его руки покоятся на ее бедрах, а ее — в его волосах. Ее внутренние мышцы сжимаются вокруг него. Сет пытается снова замедлиться, но уже слишком поздно. Он начинает толкаться в нее, а она стонет все громче и громче. Он толкается жеще, а затем воспаряет, возникает ощущение, что и она тоже. Она прикусывает его шею, и они оба взрываются. Арронакс кричит. Сет рычит. Другой вид смерти в воздухе.

Когда их дыхание наконец выравнивается, они все еще цепляются друг за друга. Арронакс утыкается лицом Сету в грудь.

— Бл*ть, — одновременно произносят они оба.

Свет зажигается вновь.

Глава 20

Мужчина, наводнивший ее сны

Йоханнесбург, 2024

— ВДР может быть поначалу крайне сбивающей с толку, — произносит темно-серый психиатр, поправляя широкоугольные визигоги Кейт. — Некоторые мои пациенты ссылаются на виртуальную детальную реальность, как на виртуальную реальность на стероидах.

Кейт стоит посреди комнаты в жидком костюме, передающем тактильные ощущения. И уже начинает испытывать клаустрофобию. Инстинкт кричит ей бежать, но она должна это сделать. Если эта терапия не сработает…

Ее пэтч в ухе издает звуковой сигнал, синхронизируясь с оборудованием для погружения. Пустая комната растворяется, и она оказывается дома. Не в супер современной квартире Сета с ее дышащими стенами и искусственными рассветами, но в ее старой квартире. В квартире, которую она делила с Джеймсом, с потолочными плитками, деревянными полами и множеством растений.

— Как? — спрашивает она. — Как машина узнала, как выглядел мой дом?

— Это не машина, — отвечает доктор, которая теперь тоже оказалась в доме вместе с ней.

Сидящей за кухонным столом. Перед женщиной появляется чаша зеленых яблок «Грэнни Смит». Она берет одно в руки и откусывает от него.

— Ваш мозг выполнил всю работу. Это не симуляция, а манипуляция… вашим разумом. Вот почему все кажется таким реальным. Вы выполняете роль операционной системы.

Кейт оглядывается вокруг. Все то же самое. Идеально до мелочей. Она чувствует укол ностальгии.

— Это как… — произносит она. — Это как если бы Мармелад просто ненадолго отлучился из дома.

— Вы хотите, чтобы он вошел в эту дверь?

Да. Нет. Она не знает. Каким будет Джеймс? Тем, которого она любила на протяжении тринадцати лет, прежде чем узнала правду? Тем, который ее предал, который убил часть нее? Тем, которого она любила так сильно, невзирая ни на что?

— Он мертв. Мне нужно с этим смириться.

— Что вам необходимо пережить, чтобы с этим смириться?

— Не знаю. Я не хочу оглядываться на прошлое. Не хочу вновь переживать тот момент. Когда я должна…

— Мы не обязаны сразу бросаться в карьер. Давайте начнем с малого и вернемся к вашему первому детскому воспоминанию.

— У меня их не так много.

— Давайте посмотрим, что вы вспомните.

На месте квартиры Кейт появляется чистое синее небо. Она оказывается в неглубокой воде. Теплой. Рядом с ней мальчик, одетый в такую же одежду для плавания: оранжевый жилет из лайкры. Сэм. Его зовут Сэм. Плохие люди назвали его Сет. Женщина с копной рыжих волос медленно кружит ее в воде. У нее приятный смех.

— Я знаю это место, — говорит Кейт. — Река. Моя мать — моя биологическая мать — часто брала нас сюда на пикник и поплавать.

— Это счастливое воспоминание.

Доктор Вогз стоит на берегу реки, опустив руки по бокам. Ее пошитый на заказ костюм кажется инородным в этом месте.

— Да. Я любила воду. Всегда любила воду.

— Вы были любимы.

— Я не помню эту часть.

— Но вы это чувствуете?

Кейт смотрит на свою мать. В глазах ее матери сверкают водные блики. Она улыбается Кейт так нежно и беззащитно, что девушке хочется заплакать.

— Я чувствую, — отвечает она. В ее глазах стоят слезы.

— Вы были любимы, — произносит доктор.

Сейчас река исчезает, и она оказывается сидящей на передней лужайке. Листья колют ее нежную детскую кожу.

— Ох, — произносит она.

— Где вы сейчас?

Кейт поднимает взгляд и видит, что Вогз стоит на дороге, наблюдая за ней.

— Тогда это произошло.

— Когда произошло что?

— Когда они нас похитили.

— Кто вас похитил?

— Плохие люди.

Звенит телефон. Кейт представляет старый аппарат с круговым набором и эластичный крученый шнур. Сет поднимает взгляд. Сколько ему лет? Сколько лет им обоим? Два года? Он снова опускает взгляд к фигурке «ФандерКэтс». Он скачет на «Моем Маленьком Пони». На нем надета курточка. Цвета перечной мяты. Ее оранжевая.

Ее мать, прислоняющаяся к дверному проему (Лимонная Лазурь), стягивает свои садовые перчатки и идет внутрь, чтобы ответить на телефон.

«Нет, — хочется сказать ей. — *Нет, мама, не уходи, идут Плохие люди».* Но дверной проем уже пуст.

Несмотря на теплую куртку, она видит, что кожа на ее ладонях покраснела. Ее брат передает ей пони — ароматизированный пластик — скачущий «ФандерКэт». С Читарой наверху. Она подносит игрушку к траве. Сэм не улыбается. Что-то привлекает его внимание на улице, и он смотрит мимо нее, нахмурившись. Брат встает на своих коротеньких ножках, все еще держа игрушку в руке, прижав ее к круглому животику.

— Уйдите с дороги, — говорит она психиатру, которая все еще стоит на улице. — Они едут.

Женщина делает шаг с дороги как раз вовремя.

Подъезжает черный фургон, а на тротуаре словно из ниоткуда появляется светловолосый маленький мальчик. Он лишь немногим старше них. Он подзывает их ручками, его красивое лицо обещает им приключения. Сэм смотрит на мальчика, а затем назад на дом, ищет мать, но дверной проем все еще пуст. Кейт сама не понимает как оказывается рядом с розовощеким незнакомцем.

— Котенок! — кричит Сэм.

Бежит, чтобы поравняться с ней.

Как только они оказываются у подъездной дорожки рядом с фургоном, дверь скользит в сторону, и на них налетает гигантский мужчина, мясистые руки выдавливают воздух из ее легких. Кейт задыхается. Они еще не до конца поняли, что

происходит, но уже борются внутри машины. Другой мальчик, светловолосый, в смятении. Ему крикнули, чтобы он запрыгивал внутрь. Дверь захлопывают. Из света во тьму, как-то так.

Как-то так свет в ее сердце тухнет. Ее окружает лишь тьма, а в ушах стоит напуганный плач. Плачет она. Кейт уже знает, что больше не увидит свою мать, своего отца еще тридцать два года. По крайней мере уже не так. В плохо освещенном фургоне лицо светловолосого мальчика-приманки искажают молчаливые слезы.

Лицо, которое она так хорошо знает.

Это причиняет такую боль.

Ее Мармелад. Джеймс.

Кейт сгибается пополам. После всех этих лет горе все так же сильно.

— Желаете сделать передышку? — спрашивает серый доктор.

— Нет, — отвечает Кейт. — Нет.

Это пытка. Она хочет, чтобы все закончилось. Слезы текут из ее носа, она слепо шарит в поисках платка. Доктор Вогз передает ей платок.

— Это настоящее? — спрашивает она, имея в виду платок.

— Тут все настоящее, — отвечает доктор.

— Он был просто ребенком. Таким же невинным, как и мы.

— Что они с ним сделали?

— Использовали как приманку.

— Мне так жаль, что это произошло.

Она снова задыхается, пытается сдержать позывы к рвоте. На всякий случай снимает визигоги.

— Мне жаль, что это произошло с вами обоими.

— Это случилось с сотнями, таких как мы.

— Сейчас все уже в прошлом.

Кейт сглатывает слюну снова и снова, пытаясь не дать желчи подняться.

— Как такое вообще можно пережить?

— Все возможно.

— Я в один миг потеряла обоих родителей и своего брата-близнеца.

— Они совершили ужасную вещь, похитив вас.

— Я пошла к ним.

— Вам было два года.

— Я подошла к ним. А Сэм пошел за мной.

Доктор передает ей стакан воды.

— Вы вернули их назад, — замечает она. — Ваших родителей. В конце концов.

— Было уже слишком поздно.

— Они всегда будут вашими родителями.

— Я этого не чувствую. Слишком поздно заполнять черную дыру.

— Естественно испытывать паранойю по отношению к собственным детям после того, что вам пришлось пережить.

— Я продолжаю думать об этом, — Кейт залпом пьет воду. — Я продолжаю думать, что кто-то хочет их забрать.

— Конечно же, вам приходят в голову подобные мысли.

— Это глупо. Но я не могу избавиться от этих мыслей. Кто хочет их забрать?

— Это не глупо.

Доктор дает Кейт несколько минут, чтобы успокоиться.

— Это та травма, которая мешает вам жить?

— Эта и другие.

— Которая самая худшая? Которая заставила вас направить заряженный пистолет на сына?

Кейт не рассказывала об этом. Должно быть, это сделала Кеке, чтобы добиться срочного приема. Слова повисли в воздухе, причиняя ей боль.

— Расскажите мне, что произошло.

— Это было четыре года назад, в клинике «Генезиса».

Происходит множественный флешбек, словно сменятся кадры, снятые винтажной камерой: шик, шик, шик. Кейт видит, что ее родители похитители лежат мертвыми на полу в главной комнате, их будто казнили. Кровавое пятно в форме кометы на бежевом ковре. Она ощущает сильное падение во время аварии на мотоцикле Кеке, когда она подумала, что они с Сетом, после того как только что нашли друг друга, умрут. Затем водителя «Альба» застрелили в голову, прямо перед ее лицом. Она находилась достаточно близко, что ее забрызгало его кровью. Бешеная обезьяна на цепи. Нигерийская банда, причиняющая боль старой, прыгающей гиене. Дерганый парень, на взводе из-за «Ньяопе» или «Белого Лобстера», облизывающий грязные зубы, кладущий револьвер ей на ладони. Она видит мужчину, изображающего из себя Эда Миллера, видит его мертвое лицо, ободранное о лобовое стекло. Изломанное тело настоящего Миллера показывается на виду, когда распахивается багажник автомобиля.

А затем Маутон. Убийца с обожженной рукой. Мужчина, наводнивший ее сны.

Глава 21

Детское одеяльце

Марко проверяет свои выигрыши в тайском казино и свою ферму кликджекинга в Онтарио, а затем следует по зацепкам, которые накопал в течение последнего часа. Первым делом он навел справки о подозреваемом — Ланди — обвиняемом в

убийстве своего сына. Если у мужчины есть секреты, Марко сумеет их отыскать.

Пока ничего. Никаких задокументированных случаев проявления жестокости или насилия. Никаких записей о правонарушениях за исключением полицейского отчета из кампуса двадцатилетней давности. Незначительный инцидент, связанный с совершением вандализма против университетской статуи — некий вид политического протеста. Учреждение не выдвинуло обвинений, и даже, если бы выдвинуло, запись о правонарушении уже к этому времени удалили бы. За исключением этого, Марк Ланди казался абсолютно скучным человеком. Студент средней успеваемости, построивший непримечательную карьеру в области продаж данных, женился на своей юношеской любви, завел ребенка. Его профиль на «Flittr» рисует ту же картину: сторонник Африки с пивным пузом, играет в крикет по средам и ищет в сети по выходным мягкое порно. Ходячее клише.

Кеке считает, что он невиновен, и Марко склонен согласиться. Хотя возможно, что у мужчины есть не диагностированное ментальное расстройство: что-то, что просто приводит к тому, что у него в мозгу щелкает невидимый переключатель. У Марко сложилось ощущение, что это не тот случай. Ранее не было ситуаций с проявлением насилия, никакого издевательства в социальных сетях.

Это мог быть несчастный случай. Сети известно, что несчастные случаи происходят постоянно. Только в этом году произошло свыше сотни тысяч смертей при участии летательных аппаратов «Волантер». Такое случается, когда люди не доверяют беспилотной технике и считают, что справятся с управлением лучше.

Удовлетворенный тем, что выяснил все с Ланди, Марко вращается на своем кресле и позволяет голоэкранам за своей спиной потухнуть. Он решает попрактиковаться с набором слов при помощи глазного имплантанта, и всплывают новые экраны. Он отключает визуальное отображение поисковых результатов. Он не хочет видеть фотографии сцен преступлений по данному запросу.

В 2019 году АНК внедрила очень простую веб-цензуру — под названием «Детское одеяльце» для тех, кто о ней знает — она убирает из поиска все результаты, которые они считают «сложными» для восприятия горожанами. Сюда входят новости о протестах, касающихся сферы оказания услуг, критика правительства и очевидные вещи-триггеры, связанные с убийствами, изнасилованиями, суицидами. Все еще есть и плохие

новости, но теперь их воспринимают как «лучшие» новости. В частных электронных письмах они поздравляют друг друга с успехом инициативы, приводят статистику, доказывающую, что это хорошо для общего морального настроя в стране. Они отказываются признавать это цензурой. В конце концов, они не блокируют плохие новости, они просто манипулируют поисковыми алгоритмами, чтобы результаты было сложнее найти. Знающие Хактивисты и новостные агентства всегда пытаются «приподнять Одеяльце» с переменным успехом. Самое лучшее время стать Искателем правды.

Такой взлом не сложен. Малыши умирают при подозрительных обстоятельствах — любых обстоятельствах — такое тотчас же классифицируют, как триггер. Марко просто нужно забраться под «Одеяльце». Он не может не вспоминать событие четырехлетней давности, когда Кеке попросила его расследовать загадку, окружающую детство Кейт. Раскрыл не только ее похищение маленьким ребенком, но похищение еще шести детей. Семеро, которых похитили. У него возникает чувство дежавю. Дурное предчувствие вызывает жжение в желудке.

Он пролистывает заголовки, которые предпочел бы не читать.

Трехлетняя девочка упала в шахту лифта.

Малыш (2) погиб при аварии с участием такси.

Мать арестована за то, что утопила ребенка (3) в озере.

Страницы и страницы результатов случайных или не-таких-уж-случайных детских смертей. Несчастные случаи происходят, но разве не чересчур уж часто? От статей у него начинает гудеть голова. Он не может не представлять, что Сильвер или Мэлли могут оказаться в опасной ситуации. Неудивительно, что они скрыли такие статьи.

Четырехлетний ребенок проглотил батарейку.

Он знает, что от природы параноик, но как родители спят по ночам?

Мальчик (2) проглотил пестицид.

Как вообще кто-то спит по ночам? Дети тоже заразились суицидальной болезнью? Такое вообще возможно?

Его пэтч сообщает ему, что пора передохнуть: его пульс участился. Он спрашивает, хочет ли Марко выполнить дыхательные упражнения, чтобы успокоиться. Мужчина закрывает сообщение. Что-то здесь происходит, и он собирается выяснить что.

Глава 22

Глаза цвета старого синяка

— Готов к путешествию? — спрашивает Кеке.

Зак поднимает взгляд от своего «СнэпТайл».

— Конечно. Сегодня после суда?

— Я думала поехать сейчас.

— Сейчас десять утра.

— Мы можем взять пару часов личного отпуска. Имеем на это право. Кроме того, вернемся сразу после ланча.

— Не знаю. Суд…

— Это касается суда. Даже важнее, чем сидеть здесь и слушать одно и то же. Успеем наверстать упущенное позже на погружении для освежения памяти.

— Мы прокатимся «с ветерком»?

— Ты когда-нибудь катался на «e-Mах» мотоцикле «Tesla»?

— Нет.

— Тогда, да, мы прокатимся «с ветерком».

Кеке автоматически надувает свой и запасной шлем для Зака. Она надевает тонированную маску на глаза в качестве меры предосторожности, чтобы защитить Биолинзы, а затем опускает защитный экран и садится на байк. Зак колеблется, но после садится на сидение позади нее.

— Готов? — спрашивает она.

Они с ревом несутся по городу, лавируя между такси, пешеходами и потрепанными тук-туками. Кеке уже так долго водит «Нину», что мотоцикл стал продолжением ее тела. Девушке не нужно думать: она сжимает между бедрами сидение, в котором распространяется рокот двигателя, а остальное — чистый инстинкт. Дым и грязь смешиваются с жаром, исходящим от дороги, от чего воздух начинает душить, но, как только они оказываются вне хаоса центрального делового района, атмосфера становится чище, а тело Зака рядом с ней расслабляется. При езде на байке, как только ты прокатился по открытой дороге, уже сложно вернуться к вызывающей клаустрофобию тесноте салона автомобиля.

Двадцать минут спустя, Кеке останавливается у угольного завода. Это Крим Колония на юге Йоханнесбурга. Она показывает охраннику на входе свое удостоверение журналиста и называет чье-то имя. Обычно, чтобы совершить сюда визит в качестве журналиста, ей необходимо предоставить свой профильный код ДНК, подтвердить отпечатки пальцев, пройти сканирование сетчатки и сделать мазок за щекой, но по какой-то причине сегодня они их легко пропускают. Может быть ее контакт — тот, чье имя она назвала охраннику — имеет больше влияния, чем ей известно. Им дозволяют проезд и показывают, где припарковаться. Кеке занимает место под деревьями, окутанными солнечным светом. Тут кажется так тихо после шума двигателя в

ушах.

— Я этого не ожидал.

Зак жестом показывает на угольного цвета здание. Строение было спроектировано наделенным предпринимательской жилкой ребенком с трастовым фондом, у которого было больше наглости, чем здравого смысла. После того, как здание построили, стало ясно, что его архитектурное образование не стоит бумаги, на которой напечатали его диплом. Он платил рассчитывающему на легкие деньги колледжу за свою «квалификацию» и такому же нечестному на руку дизайнеру, чтобы тот нарисовал планы. Все это стоило ему нескольких часов дорогих обедов и легких взяток, а сам паренек наварил больше двенадцати миллионов ранд.

Неплохо: каждый час принес ему по миллиону ранд. Да здравствует коррупция и взятки.

— Впечатляет, правда? — спрашивает Зак, поднимая взгляд на здание и прикрывая глаза от солнца рукой. — Ни разу не видел это здание воочию.

Чертежник черпал вдохновение из супрематического влияния старой советской архитектуры — он совершил плагиат, взяв рисунок из интернета и немного его изменив. Результатом стало близкое к современному здание в бруталистическом стиле с экспрессионистским наклоном. Консервативные южноафриканцы в лучшем случае были озадачены, а в худшем случае ими завладела невыразимая ярость. Несмотря на коррупционное происхождение, Кеке нравилось это здание.

— Я была тут в девятнадцатом году, когда они перерезали ленточку. Освещала эту историю. Тогда лилось много критики.

Они взбираются вверх по бетонным ступеням.

— Я помню. Архитектор. Какая-то грязная сделка.

— Не только.

Лишь сама идея, чтобы организовать исправительные трудовые лагеря, напрягла многих. АНК протестировала их в различных провинциях, отправляя осужденных из переполненных тюрем жить и работать в подземных шахтах с платиной и вертикальных фермах по выращиванию конопли, и поняла, что это отлично работает. Преступники осваивали навыки и получали зарплату, с которой платили за еду и кров, плюс были обязательные схемы сохранения сбережений. Через несколько лет осужденные, вместо того чтобы тратить деньги налогоплательщиков, приносили прибыль правительству Южной Африки.

У правозащитных организаций и международной прессы был прямо праздник. Они утверждали, что Южная Африка прибегла к своим привычным ужасающим методам, и обвинили президента в

углублении пропаганды неоапартеида. Колонии, особенно самых опасных преступников, крайне не одобряли. Возмущение длилось недолго. У Европы возникли свои проблемы с беженцами, Китай больше всего инвестировал средства в космическую добычу, а Америка вела биовойну с Россией, так что после нескольких злых заголовков возмущенные и журналисты занялись другими делами.

Они приближаются ко входу в здание, где на страже стоят охранники в полном обмундировании. Маски с приборами ночного видения на все лицо, дубинки, тазеры. Кевларовая кожа покрыта экзафлопсными элементами *(прим.: суперкомпьютеры на легких и тяжелых суперскалярных процессорных ядрах)*, ни одной улыбки в поле зрения. Стеклянные двери расходятся в стороны, и охранники пропускают парочку, даже не посмотрев на них. Далее мужчина с женщиной проходят сканер, который одобрительно пикает, подтверждая, что они безоружны. А женщина, одетая в пуленепробиваемый плотно облегающий комбинезон, досматривает их. Она включает лампу, находящуюся рядом с ее головой, и также проверяет их рты.

— Вот тебе и легкое обращение, — замечает Кеке, когда они встают на ленту конвейера, ведущую к резиденции осужденных. Их сопровождают два охранника: один спереди, один сзади.

— Полагаю, им приходится принимать меры предосторожности. Они не хотят, чтобы дойные коровы вырвались на свободу.

Они минуют то, что выглядит как склад, а затем за невероятно высокой стеклянной стеной стоит амбар с рабочими в лицевых масках и защитных очках. Они заняты сборкой чего-то перед ними и не поднимают взгляда вверх. Их руки движутся, как у синхронных пловцов, ныряют и выныривают из того, что собирается. Судя по виду, это кажется чем-то вроде очень хорошо смазанной машины. Лента везет их дальше вглубь фабрики, и они минуют другие амбары с рабочими и еще большим количеством вооруженной охраны. Опрыскиватели по расписанию разбрызгивают дезинфицирующее средство, а камеры видеонаблюдения следят за продвижением ленты, горя красными огоньками.

— Представь, — еле слышно произносит Кеке, пока они едут все дальше вглубь здания, — что, если они решат не выпустить нас отсюда? Мы ни за что не сможем выбраться.

Зак изображает напуганное лицо.

Завод занимается добычей угля. Гигантские насосы выкачивают из окружающего воздуха углекислый газ и преобразуют его в полезные продукты: кирпичи, графит для

карандашей, прессованный кокс, а оставшийся кислород насосы выбрасывают в атмосферу. К 2026 году они смогут упаковывать и продавать кислород. Азии его крайне не хватает. Больше всего популярностью пользуется свежий горный воздух. Он самый дорогой. Швейцария экспортирует его в больших количествах в Тайвань. Заводской кислород не имеет такой же привлекательности, так что они работают над способами исправить ситуацию. Вкладывают деньги в ароматизированный кислород, а в настоящий момент экспериментируют с запахами мороженого: Карамель/Шоколад/Мята, орехового соуса на масле, ностальгическим неополитанским, название которого звучит, как один из цветов Кейт.

— Ты собираешься рассказать мне, что мы здесь делаем? — спрашивает Зак.

Они получают отдельную комнату для допроса. Когда они садятся на пластиковые стулья, камеры по углам поворачиваются в их направлении. Зак собирается что-то сказать, когда охранники приводят в комнату осужденную. У нее темные круги под глазами цвета старого синяка. Меланжевый комбинезон, изобилующий штопаными заплатами, и странная стрижка. Кеке думает, что женщина должно быть сама постригла себе волосы и сама сшила себе одежду. Может быть, они все так делают.

Журналистка встает. Их всех коробит звук, который издает стул, царапающий по холодному бетонному полу. Преступница ссутулила плечи и опустила взгляд на свои скованные руки.

— Миссис Нэш, — говорит Кеке. — Спасибо, что согласились поговорить с нами.

Женщина подняла на нее взгляд. Ее глаза абсолютно безжизненны.

— Она обязана быть в этом? — спрашивает Кекелетсо охранника. — В этих наручниках? Они выглядят неудобными.

Мужчина ей не отвечает.

— Я имею в виду, она же бухгалтер, сети ради, а не главарь банды.

Наручники изготовлены по последнему слову техники и выглядят как нечто из фильма в стиле стимпанка. Разработанные так, чтобы подавать корректирующие поведение импульсы шоковой терапии или вкалывать медикаменты. В этом крыле не было бунтов с тех пор, как они перешли на эти умные медные браслеты. Менее опасные преступники носили их на одной из лодыжек. Браслеты предоставляли власть свалить с ног всех заключенных в тюрьме нажатием одной кнопки, если до такого дойдет. Паралитики — полезная штука. По тому, как выглядела Хелена Нэш, Кеке догадывается, что они используют ее

наручники, чтобы вкалывать ей психотропные: стабилизаторы настроения, может быть, или успокоительные. Сет сможет определить.

— Я же сказала им, что не хочу больше видеть репортеров, — говорит она, уставившись на журналистское удостоверение Кеке.

— Знаю. Мне жаль, через что вам пришлось пройти.

— Никаких больше журналистов, я же сказала.

Она безостановочно пыталась заправить прядь волос за ухо, хоть та и не выбилась.

— Знаю, мне передали, но я здесь не поэтому. Не ради статьи.

— Ха, — произносит она. Горько улыбается. У нее пересохли губы. — Вы думаете, я глупа.

Она оседает на свой стул.

— Я верю, что вы невиновны, — говорит Кеке.

Зак чуть выпрямляет спину и наклоняется вперед.

— Никто не верит, что я невиновна, — отвечает она. — Разве вы не видели, как быстро мне вынесли приговор? У меня не было даже шанса объясниться. Объясниться толком. Они так спешили запереть меня и выбросить ключ.

— Это действительно был очень короткий судебный процесс, — замечает Кеке.

— Что вы о нем знаете? Вы были там? Были одной из кровопийц в зале суда, пришедших на запах крови?

— Нет, — отвечает Кеке. — Меня там не было. Мне известно о вашем деле лишь по тем документам, что есть на моем «Тайле».

— Лжете, — не соглашается Нэш.

— Что?

— Вы лгунья. У вас не может быть этих документов. Они сокрыты глубоко-глубоко. Все наши документы, — она обвела комнату рукой, словно тут присутствовали сотни других заключенных, а она их назначенный представитель. — Разве вы не знаете, что правительство скрывает все это дерьмо?

— Мы это знаем, — отвечает Зак.

— Мы не можем расстраивать широкую бл*дскую общественность, не так ли? — произносит она пронзительным, натянутым голосом. — Не можем позволить им узнать, что под всем хорошим скрывается много дерьма. Однажды весь город — вся страна — просто в нем утонут. Утонут в грязной лаве из дерьма, которая является нашей темной стороной.

— Я… — начинает Кеке, но женщина перебивает ее, сердито фыркнув.

— Вы просто идете по жизни и считаете, что все замечательно. Вы одеты в дизайнерские леггинсы и модную

куртку. Пьете дорогущий кофе и думаете, что все просто ох*еть как прекрасно. Думаете, что статистика совершения преступлений понизилась. Думаете, что все плохие люди заперты на шахтах и заводах. Это не так, позвольте мне сказать. Это не так, хоть даже правительство хочет, чтобы вы в это верили. Истории здесь, — говорит она, — истории, которые я могу вам рассказать…

— Меня очень интересуют истории, — говорит Кеке. — Я хочу их услышать, если вы готовы рассказать.

— Ах. В чем смысл? — произносит Нэш, заправляя прядь волос снова. — В чем смысл? Они просто затрут вашу статью, как затирают все, что не блестит и не пахнет розами.

— Я бы все равно хотела их услышать, — настаивает Кеке. — Но сегодня мне нужно спросить вас о кое-чем другом. Конкретном.

Женщина склоняет голову набок, моргает. Температура в комнате словно опускается.

— Вы хотите поговорить об Эрин? — спрашивает она. — Я не могу говорить об Эрин.

Глава 23
Сердца. Часы.
Кейп Республика, 2024

Сет ест ланч. Салат из шинкованной капусты со вкусом креветок, завернутый в лосось и васаби. Он держит еду в одной руке и набрасывает рандомные идеи другой: синие и красные отметки на переработанных листах бумаги. Еда в «Наутилусе» хоть и отменного качества, но оставляет желать лучшего в плане вдохновения. Он так и видит тут параллель со своей работой. Звучит математически, но, в конечном счете, безвкусно.

Тем не менее, заряд мотивации от Арронакс этим утром каким-то образом повлиял на его мышление. Когда он держал ее в руках, Сет понял, что ему нужно вернуться к основам. Кожа к коже — вот в чем дело, особенно, когда имеешь дело с чем-то вроде человеческого сердца. Он закрыл все свои предсказательные алгоритмы, позволил всем голограммам потухнуть, выключил прозрачное сердце, которое парило перед ним в воздухе, дразня его своим тяжелым, медленным ритмом. Схватил блокнот формата A0 и маркеры и приготовился к работе. Он начал с нуля, записал каждую формулу, уравнение и модель, которые только пришли ему в голову и могли помочь найти решение.

Он исписал уже тридцать три страницы, и что-то начало наклевываться. Он все еще далек от финальной схемы, но, по

крайней мере, теперь на верном пути. С каждой страницей он приближается к ответу.

Мужчина поднимает взгляд вверх на голограмму часов: сейчас двенадцать тридцать восемь. Они хотели, чтобы он закончил эту работу к вчерашнему полудню. Продлили контракт с ним еще на сутки. Так что мужчина опоздал даже к своему продленному дедлайну. Поэтому он нервничает? Сет не привык к этому чувству. Ему нравится думать, что тревога для других людей. Проблема, которую он решал бесчисленное количество раз в фармадизайне. Корпоративный дедлайн хоть когда-нибудь его нервировал? Ему так не кажется. Тут что-то другое. Двенадцать сорок. Что он упускает? А затем в его голове всплывает лицо Кейт. Кейт. Дети. Что-то случилось? Он бы узнал? Сет позвонит ей, чтобы узнать как дела, как только закончит писать эту страницу.

Двенадцать сорок три. Он чувствует, как нити решения тянутся к нему. Не отрывая взгляда от страницы, он выбрасывает то, что осталось от обертки. Числа кружатся на периферии его разума, как слова на кончике языка. Бесполезно пытаться их ухватить: от этого они исчезнут. Он знает, что их нужно выманить. Он продолжает писать. Меняет цвета, когда всплывает новая концепция. Двенадцать сорок пять.

Его глаза продолжают возвращаться к часам, словно он куда-то опаздывает. Он думает о губах Арронакс, о внутренней поверхности ее бедер.

«Остановите часы», — думал он, когда был с ней.

Он снова смотрит на голограмму часов. Это те числа? 1245? Почти что числа Фибоначчи. Почти золотая последовательность, но не совсем. 11235 — начало Золотого сечения. Нет, это не время на часах привлекает его внимание, а сами часы.

Сердце. Часы. Что, если не сердце, а часы? И как у всяких часов, у сердца тоже есть конечное число биений. Математика, стоящая позади двадцати четырех часов, шестидесяти минут, шестидесяти секунд ему не поможет, так какие еще закономерности тут есть? Сет ощущает прилив облечения. Он чувствует, что ответ уже в голове, его лишь нужно найти.

***

Сет находится в центре лаборатории на полу, окруженный листами бумаги и нацарапанными заметками, когда приходит Арронакс. Он прижимает маркер к губам. Все его ладони и руки испачканы им. Мужчина записывает еще несколько дробных последовательностей, числа, которые непонятны никому, кроме

него. Меняет цвет ручки и, начав с первой последовательности на странице и продвигаясь вниз, рисует сложную спираль, соединяющую линии каждой дроби. Спираль доходит до самого низа страницы: перевернутый вихрь. Он надевает на маркер колпачок, а затем поднимает на нее взгляд.

— Мне нужен мой «Тайл», — говорит он.

— Конечно.

Она кивает Карсону, который уходит, чтобы принести вещь.

— Мне все еще нужно протестировать, но…

— Но ты нашел решение, — говорит она. — Как я вижу.

Мужчина встает и упирает свои испачканные чернилами руки в бедра.

Двенадцать пятьдесят девять.

— Нашел.

— Итак, — говорит Сет, объясняя уравнение Арронакс, в то же время энергично печатая на голопланшете, расставляя точки на модели сердца, где следует напечатать кардиомиоциты, — часовщики — старые часовщики — раньше полагались на дерево Штерна-Броко (прим.: это изящная конструкция, позволяющая построить множество всех неотрицательных дробей).

Она смотрит на него, хлопая ресницами.

— Похоже на Фибоначчи, но суперразмера, — поясняет он, все еще печатая. — Или, скорее, суперглубины.

— Сколько времени у тебя уйдет на загрузку последовательности?

— Немного. Она самосохраняющаяся, так что машина сама об этом позаботится после нескольких первых строк.

Арронакс берет со стола второй голопланшет и тоже начинает печатать. Она вызывает в пространстве между ними 4D модель и наблюдает за его прогрессом по мере того, как на органе появляются новые крошечные точки.

— Кто она? — спрашивает Арронакс.

— Что? — спрашивает Сет. — Кто?

— Так женщина, о которой ты постоянно думаешь?

Сет прекращает работу, потирая голову тыльной стороной ручки.

— Ты должна перестать так делать, — говорит он, а затем возвращается к работе.

— Ничего не могу с этим поделать. У тебя крайне… любопытный разум.

— Разве это не против вашей этики «Наутилуса» или что-то вроде того?

— Желание мало внимания уделяет этике.

Мужчина вспоминает один момент их вчерашнего дня и

чувствует прилив тепла к низу живота. Он прочищает горло. Эта женщина хочет, чтобы он закончил работу или нет?

— Продолжай работу, — говорит она.

— Легко сказать, — отвечает он, поправляя брюки. — Ты используешь свой телепатический переключатель на всех своих завоеваниях?

Ее смех приятен на слух.

— Ты не завоевание. Я делаю то, что должна, чтобы проект развивался дальше.

— Я чувствую себя использованным, — отвечает он.

Арронакс снова смеется.

— Нет, не чувствуешь.

— Да, — соглашается он, пытаясь не улыбаться. — Не чувствую.

— Поверь мне, ты должен хотеть, чтобы переключатель был включен. Почему, как ты думаешь, секс был настолько хорош?

— Да, я подумал, что это может иметь к этому какое-то отношение.

Искусственное сердце бьется раз, бьется два, а затем с рывком останавливается.

— Было бы еще лучше, если бы у нас обоих было по такому, — замечает он.

Арронакс прикусывает губу.

— Абсолютно нет, мистер Деникер, — но затем пишет перед ним на клочке бумаги: — Вероятно, это можно устроить.

Сердце запускается снова, в этот раз перед остановкой пробившись три раза.

— Что ты думаешь? — спрашивает она. — Я думаю, звучит чертовски восхитительно.

Глава 24

Красное пятно на плитке

Йоханнесбург, 2024

— Пожалуйста, — снова произносит Кеке. — Я думаю, вы невиновны.

Хелена Нэш смотрит вниз на свои колени.

— Вы невиновны? — спрашивает Зак.

Осужденная тяжело сглатывает, накручивает свои волосы. Наручники поблескивают в жестком флуоресцентном свете.

— Невиновных нет, — говорит она. — Совсем невиновных. Здесь я это поняла.

— Но вы невиновны в том, в чем вас обвинили.

— Я поняла, что удача — это все, — говорит Нэш. — Вы когда-нибудь слышали о моральной удаче?

Кеке качает головой. Может быть она ошиблась. Нэш кажется слетела с катушек. Вероятно, она все же это совершила.

— Моральная удача, — повторяет она. — Некоторые люди попали сюда, потому что они невезучие. Все просто. Вот вам пример. Мой отец был ужасным пьяницей. Ужасным! То есть… — она кладет свои связанные запястья на стол перед ней. — Не будем вдаваться в подробности. Но он был плохим человеком. Но не провел в тюрьме и дня.

— А вы? — спрашивает Кеке. — Вы были «хорошей» пьяницей?

— Так вы читали мои файлы.

— Мой друг добыл их для меня. Он хорош в таких вещах.

— Я никогда никому не причиняла вреда.

— Если это правда…

— Это правда. Я никогда никому не причиняла вреда, но получила пять лет здесь.

— Тогда я сделаю все, что в моих силах, чтобы обжаловать ваш приговор.

— У меня не осталось денег. Они все пошли на оплату юридических услуг. У меня мало сбережений, потому что они оставляют нам на свободную трату только двадцать процентов.

— Не беспокойтесь из-за денег, — говорит Зак.

Она смотрит на него словно впервые. Ее взгляд останавливается на его пошитом на заказ галстуке.

— Вам просто нужно рассказать нам все, что вам известно.

— В этом-то и проблема, — отвечает Хелена. — Поэтому я не могу защититься. Практически. Я не могу толком вспомнить ту ночь.

— Вы выпили слишком много?

— Не больше обычного. Я выпила бутылку вина. И только после того, как уложила Эрин спать.

— Что произошло?

— Я уснула — отключилась — на диване. Обычно я выпиваю бутылку и никаких проблем, но в этот раз меня будто накачали наркотиками.

— Вы думаете в вино что-то подсыпали?

— Никто мне не верит. Я это понимаю. Зачем верить алкоголичке? Особенно той, которую считают виновной в убийстве собственной дочери.

Кеке проверяет свой «СнэпТайл», чтобы убедиться, что запись идет.

— Где вы нашли ее? Эрин.

— Я проснулась посреди ночи. Была дезориентирована. В доме было абсолютно темно. Я чувствовала себя одурманенной.

Подумала, что мне не стоит идти наверх. Это опасно в моем состоянии. У меня возникли проблемы с координацией. Во рту пересохло.

Она облизнула губы, словно испытывала жажду от самого воспоминания.

— Я включила свет в гостиной, и она была там, на полу. Крови почти не было. Лишь красное пятно на плитке. Ее тело уже остыло.

— Мне так жаль.

Зак берет ее за руку, но охранник Крим Колонии замечает это и жестом показывает, чтобы тот не трогал женщину.

— У нее была большая… — Хелена жестом показывает затылок, — …большая… Ей раскроили череп, здесь сзади. Когда я приподняла ее и прикоснулась к этому месту… оно было… мягким на ощупь.

— Ужасно, — произносит Кеке.

— Знаете, я подумала, что это сон. Кошмар. Потому что в моей голове до сих пор был туман. Я продолжала повторять себе, что это не может быть правдой. Это не может быть правдой. Я до сих пор так думаю. Думала так во время суда и думаю сейчас. Как я могла потерять свою малышку? Должно быть название для таких людей, как мы, для тех, кто потерял своих детей. Малышей, которые теряют родителей, зовут сиротами. Какое-то такое же название должно быть и для нас, потому что это ощущается именно так. Это то, что я испытываю.

Ее глаза краснеют, но остаются сухими, словно у нее не осталось больше слез.

— Скорее всего, она искала меня. Если дочь просыпалась ночью, то шла в мою спальню, но меня там не было, так что она попыталась спуститься вниз по лестнице, чтобы меня найти. Вероятно, звала меня.

— А лестничная калитка не была заперта на щеколду?

— Я запирала эту калитку. Знаю, что запирала. Я делала так каждую ночь на протяжении трех лет. Должно быть, она, не знаю, открыла ее. Или перелезла через нее.

Кеке ошибается на счет слез. Они текут потоком по лицу Нэш, но та не обращает на них внимания.

— Вы не слышали ее падения с лестницы?

***

Кеке с Заком, опаздывающие на вторую часть судебного слушания, запрыгивают на байк и на скорости уносятся прочь. Они переговариваются по связи, встроенной в шлемы.

— Это было так жутко, — замечает Зак.

— Нэш?

— Нэш была жуткой, но я имел в виду завод. Это было похоже… не знаю. Осужденные показались мне роботами.

Кеке обгоняет медленно едущее такси и показывает палец водителю.

— Я не вижу связи, — говорит Зак. — Кроме очевидной, что Ланди и Нэш оба потеряли маленького ребенка, но какое отношение история Нэш имеет к суду над Ланди?

— Я попросила Марко поискать похожие дела. У меня просто предчувствие, что тут что-то не так…

— Кто такой Марко?

Ей всегда сложно описать их отношения с Марко. Он ее парень, партнер, неединственный любовник. Тот, с кем она хочет отправиться в постель ночью и проснуться рядом утром.

— Он лучший хакер, которого я знаю.

Кеке плавно объезжает пешехода, выгуливающего целую свору тявкающих собак.

— Так ты думаешь, что здесь есть какая-то связь?

— Никогда не узнаем, если не проверим.

Пэтчи Кеке и Зака вибрируют в одно и то же время. Это суд. Они опаздывают на двадцать минут.

— А еще Марко проверил Ланди. От корки до корки. Никаких секретов.

— У всех есть секреты.

Зак хватается за Кеке чуть крепче, когда они едут по бездорожью, выезжая на шоссе и направляясь в город.

Часть 2

Глава 25

Квадратная медь

Йоханнесбург, 2024

— Проклятье, Мэлли! — кричит Кейт. — Я попросила тебя надеть обувь!

Мальчик запрокидывает голову назад и хнычет. Сильвер видит, что ее брат плачет, и подхватывает следом. Вниз по ее лицу текут сопли. Кейт вытирает их, отчего девочка начинает реветь сильнее и заходится в приступе кашля. Почему она всегда простужена? Проклятье. Почему уже нашли лекарство от рака, а от простой простуды нет?

— Мы должны выходить сейчас или пропустим шоу!

Плач близнецов посылает яркие зеленые спирали, вгрызающиеся ей в мозг (Лесное Страшилище), и она ничего не видит из-за шума. Ее голова скоро взорвется. Кейт наступает на

что-то холодное и склизкое, отчего ее передергивает всем телом. Это наполовину очищенный банан. Она соскребает клейкую массу со своей голой ступни, и, когда поднимает взгляд вверх, ловит свое отражение в зеркале их дома-дурдома. У нее не было времени принять душ и одеться, и она выглядит лет на сто.

— Перестаньте плакать, — просит она, желая сама разреветься. — Пожалуйста, перестаньте плакать, вы оба!

Но они продолжают реветь так, словно оба потеряли по руке. Она засовывает ногу Мэлли в ботинок. Молнию заедает, и Кейт ломает об нее ноготь. Девушка ругается себе под нос.

— Слишком туго! — вскрикивает он. — Слишком ту-у-уго!

Она снова рывком расстегивает молнию, бросает ботинок через комнату. Направляется к детскому шкафу, чтобы выбрать что-то другое. У нее горит лицо. О чем она думала, пытаясь собрать детей сама? Девушка ищет другую пару, но находит лишь один ботинок. Гребаный ад, как же все бесит. Почему детские ботинки из одной пары всегда стремятся оказаться как можно дальше друг от друга? Противоположность лебедям. К счастью, дети перестают плакать. Она слышит их неуклюжие шаги по другую сторону стены.

Кейт находит пару обуви. Они слегка великоваты, но подойдут. Почему никто не придумал детскую обувь, размер которой увеличивается с ростом детской стопы? И чтобы обувь оставалась в паре, когда ею не пользуются? Как же сложно бывает найти второй ботинок. Она схватила сандалии, подходящие к платью, а затем вернулась в гостиную и увидела, почему близнецы притихли. Они сняли всю одежду, которую надела на них Кейт, и танцевали голыми, широко улыбаясь ей как сумасшедшие гремлины.

Она улыбается им в ответ, но внутри рыдает. Не может с ними справиться и сдается. Слишком рано, чтобы выпить? Девушка смотрит на свой хеликс: два часа дня. Какая жалость.

— Мамочка? — зовет Сильвер. — Мамочка?

Ее лицо становится, как глазированный пончик.

Кейт вздыхает всем телом.

— Да?

— Мы сейчас собираемся на шоу?

Мэлли перестает танцевать. Подскакивает к ним.

— Собираемся? Сейчас собираемся?

Идеально белые крошечные зубы поблескивают в его рту, как жемчужины.

— Нет, — отвечает Кейт.

— Но ты обещала! — говорит Сильвер. — Ты обещала, что мы пойдем на шоу!

— Знаю. Но посмотрите на себя.

Они оглядели друг друга с ног до головы, а затем посмотрели на нее. Они не видели никакой проблемы.

— Мне нравится ходить без одежды, — заявляет Мэлли.

— Знаю, мой мальчик, но я не могу взять тебя туда в чем мать родила. И я слишком устала, чтобы одевать тебя снова. Уже два часа дня, шоу начнется через полчаса. Мы не успеем.

— Я оденусь сама! — заявляет Сильвер.

Мэлли повторяет за ней. Сильвер натягивает свои носки на руки, как перчатки, и надевает штаны на голову. Девочка смеется и помогает ей надеть рубашку на ноги, как юбку. Они оба смотрят на Кейт и хихикают.

Доктор Вогз порекомендовала ей взять близнецов на прогулку. Она надеялась, что удачная экскурсия принесет пользу, подавив ее паранойю, что детей могут похитить. Мэлли в течение нескольких недель ныл, просясь на голошоу «РобоПап», так что, когда рекламный щит предложил ей туда билеты на пути домой, она их купила. Сейчас они лежат в ее хеликсе, отсчитывая время до начала шоу. Тик, тик, тик.

— Вы такие шельмецы, — произносит Кейт.

Кого она смешит? Они ни за что не успеют выйти из дома и добраться до шоу вовремя. Как ей сообщить им это так, чтобы они не начали ужасно реветь? Она едва оправилась после последних горестных воплей и до ужаса боится того дня, когда ей придется справляться с ними без няни.

— Сильвер, Мэлли, мне нужно кое-что вам сказать.

Они повернули к ней свой выжидающие мордашки. Она прямо видела, как они думают: *«мы сейчас поедем? Мы сейчас поедем?»*

Сеть помоги ей.

Как раз в этот момент раздался какой-то шум у входной двери. Она испытала прилив надежды. Сет? Он не говорил ей, что покинул Кейп Республику. Может быть, он хотел сделать сюрприз. Она подходит к двери и смотрит в монитор. Себенгайл стоит там в накрахмаленной униформе и с сияющим лицом.

— Я думала, сегодня твой выходной? — спрашивает Кейт, открыв дверь.

— Так и есть, но я вас услышала, — говорит она, показывая на общую стену между квартирами, — и подумала, что тебе сегодня понадобится помощь.

Она должна дать Себенгайл прибавку к зарплате. Огромную. Прямо сейчас.

— Спасибо, — говорит Кейт и обнимает ее. Резкий укол в грудь. Яркая оранжевая звезда, вспышка фейерверка. — Ой, —

произносит она, отстраняясь и потирая уколотую кожу.

— Ох, извини, — говорит Себенгайл, опуская взгляд вниз. Она поправляет свою брошь «СурроСис».

— Не тревожься, — говорит Кейт. — Ничего страшного.

На ее груди появляется капелька крови. Она вытирает ее подушечкой среднего пальца и подносит палец ко рту. *Квадратная медь.* Дети бегут и бросаются голенькими в ноги няни.

— Бонги! Бонги! — выкрикивают они, устраивая толкотню.

— Запрыгивай в душ, мамочка, — говорит Себенгайл. — Я подготовлю близнецов.

Она щекочет их, и они визжат.

— Благослови тебя Бог, Бонги.

Себенгайл показывает на хеликс Кейт, жестом показывая, чтобы та дала его ей. Кейт опускает на него взгляд и видит, что мигает индикатор низкого уровня батареи, и внутренне клянет функцию самозарядки, которая в последнее время не работает.

— Я заряжу его, — говорит няня, прогоняя ее в душ.

Глава 26

Шевеление усика

Кейп Республика, 2024

Теперь, когда Сет настолько приблизился к окончанию работы, его мозг отказывается сотрудничать, как злая кобра. Осталось самое легкое, но разум абсолютно пуст. Он устал от светлых стен, белого шума и безвкусной еды. Ему нужно немного цвета, текстуры или запаха, чтобы вновь вернуться в работоспособное состояние. Перерыв, чтобы сохранить рассудок. Сет отходит от своего рабочего места, потирает лицо и тотчас вспоминает, что ему нужно побриться. Может быть он выйдет проветриться на несколько минут, вдохнет немного соленого воздуха. Он берет свой «Тайл» с собой.

Дверь лаборатории считывает его намерение и открывается, а глазки камер поворачиваются ему вслед. Где Карсон? Он идет к стеклянному лифту, но его внимание привлекает движение в конце коридора.

— Эй? — произносит он, надеясь, что это Арронакс.

Здание «Наутилуса» выглядит жутковато, хоть он и знает, что здесь работает свыше ста человек, но он никого не видит. На периферии зрения кто-то снова промелькнул. Ему показалось?

— Эй? — повторяет он снова.

Теперь послышался звук, словно кто-то пробежал мимо. Сет следует за звуком, поворачивает за угол и подпрыгивает, когда видит синтетическую саламандру у своих ног.

— Иисусе, Мидон.

Он смеется, но смех быстро обрывается, когда мужчина поднимает взгляд вверх от ящерицы и видит, что дверь лаборатории открыта. Это не то место, где двери оставляют незапертыми.

Сет делает шаг внутрь, зная, что ему не следует, но не может устоять. Просто уйти против его природы. По своему опыту — а у него большой опыт незаконного проникновения в лаборатории — открытая дверь, как эта, крайне маловероятно осталась таковой чисто по случайности. Когда он входит, почти ожидает, что взревет сирена, и уже про себя придумывает оправдание. *«Я повернул не туда, искал ванную комнату, пошел за Мидоном, и он привел меня сюда».*

Это огромное помещение, по большей части темное и кажущееся пустым, за исключением огромного устройства в задней части комнаты. Здесь нет камер, или, по крайней мере, таких, которые можно увидеть. Что-то в огромном аппарате заставляет кровь в его венах вскипеть из-за адреналина, когда он приближается к нему размеренными шагами. Его пульс учащается, когда в голове формируется мысль. Или это воспоминание? Она наполняет его ужасом. Что это такое?

Снаружи находятся двойные двери из полированного металла, как у гигантского холодильника/морозильника. Выглядит как футуристическая машина путешествий во времени или капсула для путешествий. Когда он прикасается к панели справа, машина издает короткий звук, а затем внутри нее словно что-то приходит во вращение. Затем механизм отпирается, и двери с шипением расходятся в стороны, открывая виду сложную панель инструментов с кнопками, экранами, циферблатами и рычагами. Позади приборной панели находится пустая стеклянная оболочка. Сет оглядывается через плечо, ожидая увидеть вбегающего охранника, но, когда этого не происходит, он нажимает кнопку, и весь аппарат зажигается как декабрьская елка, включая верхний флуоресцентный свет, отчего оболочка начинает излучать белый свет. Машина отбрасывает свечение на всю комнату.

Сет приглядывается к приборной панели повнимательнее, и снова чувствует, что та мысль пытается до него достучаться. Он видел это устройство прежде? Затем замечает кнопку с одним словом, и воспоминание врезается в него.

«ПЕЧАТЬ» гласит она, и внезапно Сет все осознает. Он видел более утонченную версию этого устройства четыре года назад в здании «Генезиса». Тот аппарат напечатал Мэлли младенцем и сотню других детей. Малышей из плоти, крови и костей.

Он нажимает на экран: изображение грызуна в стиле оригами. Четыре краноподобных руки опускаются к платформе сосуда и начинают печатать.

Все начинается со скелета: блестящей белой пасты, которая высыхает на ходу. Как только сформирован позвоночный столб, появляются крошечные органы, затем печатающие руки движутся элегантными дугами, чтобы сформировать грудную клетку, словно сшивая воздух жидкой слоновой костью. Сет зачарован. Следом идут мышцы, а также ленты сухожилий, а поверх них кремовые мембраны и губчатая розовая плоть. Кожа печатается быстрее всего, мех — дольше. Финальный штрих — глаза, крошечные заполненные жидкостью шарики, и длинные, невероятно тонкие усы.

Через минуту в центре платформы оказывается белая крыса. Она идеально сформирована вплоть до мягких на вид лапок, но ее глаза закрыты, и она не двигается. Когда Сет нажимает еще одну кнопку, заряд электричества, как молния, ударяет крысу в спину. Если она не была живой прежде, то сейчас мертва уже точно. Жестокая казнь электричеством тревожит Сета. Конечно, он много видел случаев жестокого обращения с лабораторными животными прежде — желание предотвратить это стало одной из главных причин, по которым он присоединился к «Альбе» — но он никогда не был тем, кто нажимал на курок.

Он делает шаг на платформу, и стеклянные двери поднимаются и разъезжаются в стороны, словно расцветает прозрачный цветок. Его сникерсы кажутся грязными на фоне светящейся белизны. Сет аккуратно поднимает крысу одной рукой и кладет на ладонь другой. Он не должен ничего чувствовать к этой крысе, но в его сознании есть проблеск чего-то, маленькая искра сожаления. Что он будет делать с этим маленьким трупиком? Это вообще труп, если крыса никогда не была живой? Но вдруг пошевеливается усик, а затем и розовый палец на ноге. И после ничего. Ему это показалось? Сет присматривается внимательнее, но грызун неподвижен. А затем усик снова шевелится, и крыса начинает дергать лапками, пытаясь встать. Сет пугается и роняет создание, которое пищит, когда падает на пол, а затем убегает прочь в тень.

Ему нужно поймать ее. А еще лучше уйти из комнаты, но на экране устройства так много опций, что он понимает, что не сможет уйти. Вместе с иконками насекомых, грызунов и сумчатых есть эмблема человека, которую он точно не должен нажимать.

Его работа здесь важна, он не может облажаться.

Так много жизней на кону. Сет встает перед аппаратом и приказывает себе вернуться к работе, но его рука протягивается и

нажимает на кнопку человека, и устройство начинает калибровку. Оно пикает, запрашивая у него профильный код ДНК.

— Не может быть, — бормочет он себе под нос.

У него покалывает пальцы. Он предоставит свой профиль ДНК? Достает свой «СнэпТайл». Кроме своего профиля, у него есть коды Кейт и детей. Определенно, они не сработают, ведь так? Не задумываясь, он отправляет машине код Мэлли.

Глава 27

Испытание на проникновение «HackMagg0t»

Йоханнесбург, 2024

Марко обливается потом. Последние восемнадцать часов он потратил на разработку хакерского кода, который положит конец всем другим. Библейский хак по значимости и тематике. Он черпает вдохновение в десяти казнях египетских. Собирается нанести удар по жизненно важным системным файлам «Воскресителей», атакуя их волна за волной. Волна первая: Наказание кровью. Внедряющаяся атака, которая проникнет в их базу данных SQL.

Затем, Нашествие жаб, кровососущих насекомых, песьих мух. Он особенно горд испытанием на проникновение «HackMagg0t», который он готов внедрить в их брандмауэр. Его интернет-саранча проест все на своем пути. Его язвы и нарывы — символьные атаки, которые будут распространяться и разрушать. Великий финал «Смерть первенцев» — шедевр рукописного сценария, который перенаправит весь их траффик на глубинный сервер Марко и в то же время будет отравлять их кеш, распространяться и копироваться с одного DNS-сервера на другой, уничтожая все на своем пути. Хак ладный, элегантный и мастерский, если можно судить самому. Мужчина чувствует себя полубогом с занесенными пальцами, готовым разразить свою ярость и проклятье.

— Хотели «Судного дня», ублюдки. Ловите.

Полубоги потеют? Дрожат ли у них внутренности от предвкушения? Почему он так чертовски сильно нервничает? Конечно же, «Воскресители» — безумные хладнокровные убийцы, что заставят любого дважды задуматься и не злить их в космических масштабах. Но его действия невозможно отследить. Он несколько раз тестировал точки входа, доводил их до совершенства. Если уж технофильная тайская мафия не может его выявить, как это смогут сделать «Воскресители»? Не найдут. Не смогут.

Он снова готовится нажать на мышку, в этот раз с большей уверенностью. Он едва успевает занести над клавишей палец, как

звенит его пэтч, и Марко вскакивает с кресла.

— Кайзер Соуз, — произносит он.

Его глазной имплантат показывает ему изображение Кеке.

— Что с тобой? — сердито спрашивает она.

— Что ты имеешь ввиду? Ничего.

Мужчина смахивает с подбородка крошки от печенья.

— Ты бледнее, чем больной англичанин.

— А?

— Ты блестишь.

— Что?

— Блестишь, все лицо блестит. Вспотел. Ты совершил что-то плохое?

— Нет.

Марко вытирает пот.

— Нет. Не плохое. Ну. Немного плохое.

Кеке смотрит на него, прищурив глаза.

— С нетерпением жду подробностей.

— Ты звонишь из-за истории с малышами? — спрашивает Марко. — Кажется, я кое-что нашел.

Лицо Кеке загорается светом.

— Почему ты мне не сказал, негодяй?

Он любит, когда она так его называет.

— С головой ушел в работу. Крупный проект.

— Так и знала, что ты что-то замышляешь. Что именно? — интересуется она.

— Расскажу тебе позже.

Ожидание всегда возбуждает Кеке. Боже, он обожает эту женщину. Никогда ей не говорил об этом в прямую. Любовь — это такое клише, верно? Они уже почти четыре года вместе, конечно же, она знает. Он так счастлив. Сказать ли ему что-нибудь сейчас?

— Расскажи мне, — просит она.

Его разум пустеет. Как…

— Ч-что? — произносит он с запинкой.

— Расскажи мне, что ты выяснил! Быстро, мне нужно идти. Я опаздываю.

— Хорошо. Верно. Итак, дело Ланди.

— Ты накопал на него что-нибудь?

— Нет. Ничего нет, но…

— Мы ездили увидеться с Хеленой Нэш, как ты предложил. Она тоже кажется невиновной. То есть, она алкоголичка и неприятная особа, но несмотря на это я не уверена, что она справедливо отбывает срок. Обе смерти кажутся мне несчастными случаями. Что я упускаю?

— Это начинает выглядеть как какая-то паранойя, тебе так не

кажется? — спрашивает Марко.

— Я понимаю, как это выглядит со стороны.

Марко разворачивается кругом и нажимает по нескольким клавишам на голосфере.

— Повиси. Пришли данные.

Начало всплывать много экранов.

— Святая Хеди Ламарр.

— Что там?

Эти дети не были простыми малышами.

— Это, — говорит он, — это… ужасно.

— Бога ради, Марко, скажи мне, что происходит!

— Сейчас же звони Кейт.

Глава 28

Раф-раф РобоПап

Они прибывают на шоу «РобоПап» с двадцатиминутным опозданием. К счастью, организаторы, зная, что большую часть публики будут составлять маленькие дети и их вечно испытывающие стресс родители, устроили несколько номеров для разогрева, чтобы унять разочарование опоздавших.

Мероприятие проходит в «Соккер-сити» — стадионе, построенном для принятия игр в Йоханнесбурге во время мирового кубка 2010. Стадиону всего шестнадцать лет, но здание уже изуродовано. Он напоминает Кейт фотографии итальянских арен, но грязнее и с бóльшим количеством граффити. Все же тут достаточно места для пяти тысяч обладателей билетов, которые пребывают в приподнятом настроении. Ей нужно избавиться от мрачных мыслей в голове и попытаться наслаждаться тем, что происходит здесь и сейчас.

Кейт всегда не выносит толпу. Запахи и звуки атакуют ее синестезию, пока ей не начинает казаться, что толпа давит на нее со всех сторон, и она не может дышать. Девушка знает, что так все и будет, так что пришла подготовленной: запила таблетку «ТранИкса» водой из запасной бутылки «Бильхен». Это приглушит ощущения. Про себя она произносит молитву в адрес Сета. У него есть свои недостатки, но он однозначно знает, как разработать хорошие препараты. Перед тем как их впустят в главное помещение, детям наносят на запястье временное тату: Z-код, содержащий всю информацию о них на случай, если с ними случится несчастный случай или они потеряются.

Мимо них на ходулях проходит человек в синем. Он разбрасывает вокруг попкорн, как конфетти. Воздушные змеи-дроны цвета сахарной ваты нависают над ними, как медузы. Кейт слышит знакомую музыкальную тему, а в отдалении — электронный лай. Они застряли позади семьи, тестирующей свою

новую «Санбреллу». Они улыбаются и строят смешные лица, когда солнцезащитный зонтик делает селфи с их участием.

Мэлли тянет Кейт за руку.

— Начинается! — произносит он с глазами по пятьдесят ранд. Они ускоряют шаг по направлению к сцене. Сильвер идет вприпрыжку, ее светлые волосы блестят на солнце. Кейт чувствует вину, видя, какие они счастливые. Ей стоит чаще выводить их из дома. Несправедливо держать детей взаперти, лишь потому что у нее есть проблемы. Ее овевает сильный порыв теплого полуденного воздуха, и плечи Кейт расслабляются. У нее становится легче на душе, Себенгайл встречается с ней взглядом и улыбается. Кейт улыбается в ответ.

«Да, — думает она, — *психотерапевт была права, мне определенно стоит чаще гулять с детьми».*

Кейт покупает близнецам каждому по «ГлиттерКоле» и пакетику «Крисфиез». Себенгайл поджимает губы, видя нездоровую пищу, и отворачивает взгляд, чтобы выпить воды. Няни «СуррорСис» всегда безупречны. Она качает головой настойчивому торговцу шляпами, но затем передумывает и покупает голубую шляпу с собачьими ушками для Мэлли и розовую с кошачьими для Сильвер.

Слышится еще больше роботизированного лая, но теперь еще и мяуканье. Билеты в хеликсе Кейт указывают путь к их местам стоя. Сотни маленьких детей прыгают вверх-вниз. Некоторые одеты как «РобоПап», некоторые — как «КиттиБот». Она вообще могла привести детей, одетыми в пижамы. Юная публика начинает кричать в сторону пустой сцены: «Где ты, РобоПап? Выходи, РобоПап! Вуф-вуф, мы тебя ждем!»

Некоторые родители присоединяются к детям, Кейт оглядывается вокруг и снова начинает чувствовать себя не комфортно. Слишком много схожести вокруг. Слишком много детей одето одинаково, слишком много взрослых с одинаково пустыми лицами. Несмотря на транквилизатор, растворяющийся в ее желудке, ее тревога начинает усиливаться.

— Держитесь поближе, дети, — говорит она.

— Присматривай за Сильвер, — произносит Бонги Мэлли. А Мэлли она говорит, чтобы тот защищал свою сестренку. Он кивает, они оба улыбаются няне: их лица светятся от радости.

Она быстро пересчитывает их по головам: один, два, а затем медленно вдыхает и выдыхает, чтобы успокоить нервы. В следующий раз она возьмет больше таблеток. В следующий раз она выберет не такое многолюдное мероприятие, точно не «Раф-раф РобоПап». Не то чтобы ей не нравился персонаж или шоу, просто она не согласна с их политикой.

«РобоПап» — первое детское телевизионное шоу, полностью написанное и созданное искусственным интеллектом. Машин обучили принципам написания хорошей истории и предоставили им тысячи примеров, а затем дали команду написать нечто подобное. После нескольких плохих шоу, нуждавшихся в корректировке курса, появился «РобоПап». Большинству детей оно нравится. Мэлли прямо-таки одержим этим шоу.

По прошествии восемнадцати месяцев оно стало самым прибыльным шоу в истории мультипликационного телевидения. Не нужно ни писателей, ни актеров, ни художников: ИИ *(прим.: искусственный интеллект)* просто выпускает эпизоды в «Стрим», которые с интересом смотрят дети со всего мира. Конечно же, в каждом эпизоде есть мораль: будь добрым, делиться значит заботиться, уважай своего/их родителя/ей, береги Землю, экономь воду. Это шоу без границ: тот же интеллект, который создал программу, также переводит его на сотни разных языков. Поначалу она бойкотировала серии, но, когда увидела, как дети обожают персонажей, ее потребность радовать их перевесила важность моральной позиции.

Толпа начинает нервничать. Кейт и Себенгайл теснят сзади. Кейт крепче сжимает руку Мэлли и проверяет, что Сильвер держит за руку няню.

«Дыши. Дыши».

Духи и запах солнцезащитного крема для отпуска, а еще какой-то сладкий, удушливый запах. Дети кричат, Мэлли прыгает на месте и дергает ее за руку. Близлежащий беспилотный воздушный шар, проплывающий над толпой, взрывается с громким звуком и просыпается на публику дождем из блестящих лент и эскимо со стевией. Пульс Кейт несется вскачь.

— Мам, можно мне немного?

Сильвер смотрит на только что купленную соседу ледяную стружку.

— Нет, — отвечает Кейт. — Ты уже получила лакомство, и шоу вот-вот начнется.

— Пожалуйста, ну, мам? Пожалуйста? — она такая же сладкоежка, как и мама. — Я хочу. Я такого не пробовала.

Кейт осматривается вокруг. Уйдет целая вечность на то, чтобы выбраться из толпы и вернуться на место.

— Я ее отведу, — предлагает Себенгайл. — Я не против.

— Не знаю, хорошая ли это идея.

— Мам, пожалуйста.

Она вспоминает свое прежнее обещание больше веселиться и позволять детям познавать новое. Это полезно для их развития. Ей нужно расслабиться, перестать быть такой наседкой,

позволить детям быть детьми.

— Позволь, я ее отведу, — говорит няня, поднимая Сильвер на свое пышное бедро. — Никаких проблем.

Хорошо. Почему нет? Кейт кивает, чтобы они шли. Она отправляет бампом на счет Себенгайл деньги на две порции, чтобы они купили лакомство и Мэлли. Они пропадают в толпе. Мэлли отпускает ее руку.

— Не отпускай руку, — говорит она. — Я не хочу тебя потерять.

— У тебя рука потная, — говорит он, вытирая руку о свою рубашку. — Не хочу за нее держаться.

Кейт возводит глаза к небу. Где эти поводки для малышей, когда они так нужны? Она опустила руку ему на плечо.

Наконец, шоу начинается. Кейт оглядывается через плечо в поисках Себенгайл, но не видит ее. Бело-голубой дым валит из дымовых машин, плывет над публикой. Пэтч Кейт звенит из-за входящего звонка. Она проверяет свой хеликс: это Кеке. Девушка ставит звонок на беззвучный режим, потому что не услышит ни слова из-за толпы кричащих детей.

Приближается «Волантер», разукрашенный в стилистике шоу. Он разрезает голубой горизонт, зависает над сценой, а затем опускает вниз гигантскую собачью конуру. Еще больше дыма и блестящих лент, и наружу выпрыгивает РобоПап: двадцатифутовая в высоту голограмма робота собаки, которая может улыбаться и вставать на задние лапы. Крики маленьких детей напоминают зубчатые формы (Резкий Удар).

— Раф-раф всем! — лает он.

Дети кричат в ответ: «Раф-раф РобоПап!»

— Спасибо, что пришли сегодня, — говорит он. — Рад вас видеть!

Блять, бредятина. Как она выдержит час этого?

Поп-поп-поп-поп-поп зажигаются огни. Музыкальная тема начинает звучать громче, и все подпевают. Та же лирика, вгрызшаяся в мозг тысячам людей по всему миру. Кейт понимает, что слова начинают вгрызаться и в ее мозг, хоть она им сопротивляется. Ее пэтч звенит. Опять Кеке. Кейт оборачивается назад, пытаясь приметить Бонги. Все, что она видит, — лишь море зачарованных лиц, поющих глупую песню. Ее предыдущее чувство, что все хорошо, трансформируется в ужас. Два часа дня пятьдесят три минуты. Они уже должны были вернуться.

Глава 29

Липкие щечки

Уже пятьдесят восемь минут, когда сирены звучат так громко, что Кейт не видит то, что перед ней. Она отпускает плечо Мэлли

и закрывает уши. Острые объекты прошивают ее зрение, как сюрикены ниндзя. Толпа вокруг них шокированно молчит. Это часть шоу? Но голограмма РобоПап растворяется в ворохе пикселей, а дымовые машины отключаются.

— Какого х*я? — произносит мужчина, стоящий рядом с ней и держащий ребенка на плечах.

Его партнер ударяет его по руке за то, что тот ругается при ребенке. Другой мужчина пожимает плечами. Женщина перед ней стоит на носочках, пытаясь понять, что происходит. Сирены продолжают сверлить мозг Кейт.

— Мама, что происходит? Мама? Мама? — спрашивает Мэлли, но из-за шума она его не видит.

Кейт хватает его за руку.

— Это бомба! — кричит кто-то, пугая толпу.

— Бомба! Бомба! — начинают кричать люди. Кричать и бежать, но толпа такая плотная, что сложно куда-либо продвинуться.

— Прочь с дороги! — кричит женщина в лицо Кейт. — Они взнесут это место на воздух!

Над сценой зажигается новая голограмма. Это талисман стадиона «Соккер-сити» — гигантская желтая вувузела с глазами в виде вращающихся мячей и акцентом зулу.

— Пожалуйста, оставайтесь спокойны, — говорит он. — Выходите по порядку. Как можно быстрее. Не паникуйте.

Кейт ищет взглядом Сильвер. Где они, черт побери? Они выйдут оттуда или сначала придут сюда в поисках нее? Люди толкают ее, прижимают к себе своих детей, словно у них есть лицензия распихивать других людей.

— Пожалуйста, оставайтесь спокойны, — произносит вувузелла.

Кейт и Мэлли охватила волна паники. Их сместили уже на двадцать шагов. Она пытается позвонить Бонги, но кругом слишком много сигналов и звонок не идет. Как она их найдет? Кокосовый крем от загара, безалкогольные напитки из агавы, соевые хот-доги. Девушка пытается пробиться на первоначальное место или стоит плыть по течению? Похоже у нее нет выбора. Их смещают на метр, а потом на еще один. Сердце Кейт грохочет, как молот, но она приказывает себе оставаться спокойной ради детей. Случайно выстреливает пушка с лентами, отчего толпа начинает кричать. Некоторые люди падают на землю, другие удваивают усилия, чтобы выбраться из парка. Трава под их ногами усеяна брошенными закусками и потерянной верхней одеждой. Они должны выбираться отсюда.

— Мамочка!

Вокруг них сотни детей, напуганных и плачущих, но Кейт сразу же узнает голос Сильвер.

— Мамочка!

— Сильвер! — кричит она, заметив ее в толпе.

Сильвер сидит на бедре Себенгайл, они обе сумасшедше машут друг другу. Сирена все еще искажает зрение Кейт, но она видит свою дочь, и облегчение окрашивает ее сердце зеленым. Себенгайл и Кейт прокладывают себе путь через толпу друг к другу. Наконец, они соприкасаются. Мама хочет обнять Сильвер, но, когда она наклоняется вперед, чтобы забрать ее из рук няни, личико Сильвер становится белого цвета: из-за испуга.

— Где Мэлли?

Кейт растеряна. Что она имеет в виду? Мэлли здесь, держит ее за руку. Кейт опускает взгляд вниз, желая показать ей, и словно прикасается к оголенному электрическому проводу. Она вырывает руку из руки незнакомого мальчика, который там стоит. Ростом с Мэлли, в шляпе РобоПап как у сына, с такой же теплой мягкой рукой, но не Мэлли. Как раз в этот момент мальчик понимает, что потерялся. Он открывает рот в молчаливом плаче, его лицо наполняется страхом, и ребенок просто стоит там, замерев на месте, с покрасневшим лицом и текущими соплями: олицетворение потерявшегося дитя.

— Ох, Боже мой, — произносит Кейт. — О, Боже мой.

Когда она его потеряла? Как далеко он теперь? Она отрывает взгляд от потерявшегося мальчика и сканирует толпу вокруг нее. Он где-то среди этого моря людей. С этого ракурса все маленькие мальчики выглядят одинаково — у всех металлические голубые ушки. Как ей его найти? Она начинает выкрикивать его имя. Себенгайл присоединяется. Кейт ожидает, что Сильвер начнет реветь, но она остается пугающе спокойной.

— Не паникуй! — говорит Кейт няне, но скорее для себя.

Ее сердце принимается биться так сильно, словно пытается вырваться из груди. Кейт берет на руки Сильвер, ей необходимо почувствовать ее маленькие ручки вокруг шеи. Себенгайл пытается успокоить неизвестного мальчика, но тот не унимается, так что вместо этого она пытается защитить его от напора толпы, чтобы его не затоптали.

У Кейт возникает иррациональное желание засвистеть, чтобы найти Мэлли через приложение «ФайндМи» на часах, но, конечно же, оно не будет работать при таком шуме.

Раздается жужжание, Кейт трясет головой, чтобы от него избавиться. С каждой секундой Мэлли все дальше. Она снова выкрикивает его имя. Жужжание становится громче. Вдалеке она видит откуда оно исходит: к ним приближается массивное облако

из коричневого и зеленого. Прибыли саперы и выпустили «Павлокс» — саранчу, которая может почуять бомбы, и которая перемещается в воздухе как стая ласточек. Себенгайл кричит при виде них.

— Не тревожься, — говорит Кейт. — Они здесь, чтобы нам помочь.

Саранча затмевает голубизну неба, словно неожиданно настал вечер. Светодиоды на их грудных клетках зеленого цвета, что говорит «все хорошо». Как только их антенны почувствуют что-либо зажигательное, электроды в их мозгу отправят сигнал, и огонек станет красным.

Кейт пытается игнорировать жужжание и мельтешение. Сброшенные крылья осыпают их, словно падающий пепел. В искусственных сумерках заметить Мэлли будет еще труднее. Она пытается докричаться до него, но у нее охрип голос.

— Мэлли в опасности, — говорит Сильвер, будучи такой спокойной, какой Кейт ее никогда не видела.

— Что? — хрипит Кейт. — Что ты сказала?

Глаза Сильвер светятся, несмотря на темноту, которая их окружает.

— Нам нужно найти его, сейчас же.

— Что ты имеешь в виду? — кричит она. — О чем ты говоришь?

Люди все еще проталкиваются мимо них, но толпа уже редеет: Кейт и Себенгайл вне опасности быть сметенными прочь. Кейт кашляет в руку, пытаясь вернуть голос, но становится только хуже. Она разыскивает Мэлли. Он где-то здесь! Талисман вувузелла повторяет свою мантру, советуя всем сохранять спокойствие и как можно быстрее продвигаться к выходам.

— Для облегчения выхода, — говорит он, пока футбольные мячи вращаются, — Z-код был временно отключен.

Нет!

Она хочет закричать. Татуировка с Z-кодом, которую получили дети на входе, означает, что они не могут покинуть территорию ни с кем, кроме того, с кем пришли. Это единственное, что предотвращало у Кейт полномасштабную панику. Теперь его может похитить любой.

«Павлокс» продолжают роиться, нюхать воздух, выискивать бомбу. Их встроенные сенсоры более восприимчивы, чем все, что может создать человек. Их тренировали искать взрывчатку, чтобы получить награду, и держали голодными.

— Он уходит со стадиона, — говорит Сильвер. — Мэлли уходит.

— Куда? — спрашивает Кейт. — Ты его видишь?

Сильвер кивает.

— Номер зелено-красный, — отвечает она.

Кейт лихорадочно оглядывается вокруг. Она не видит выход под номером «49» отсюда, как его может видеть Сильвер?

— Зелено-красный, — повторяет она снова. — Они уходят.

У Кейт стынет кровь в жилах.

— Кто «они»?

Сильвер лишь хлопает ресницами. Кейт оставляет Бонги разбираться с ребенком-самозванцем и бежит к воротам «49». Повсюду тела, блокирующие путь так же отчаянно, как и она, стремящиеся выбраться наружу. Они не понимают настоящей опасности. Зелено-оранжевый, зелено-серый, зелено-фиолетовый. К счастью, это менее популярный выход, здесь меньше людей, с которыми приходится бороться.

— Мэлли! — кричит она, но получается лишь шепот. Она бежит к охраннику, который направляет толпу. — Вы видели маленького мальчика?

Мужчина поджимает губы. Они окружены ордами маленьких мальчиков. Она показывает ему фото на своем хеликсе: изображение лица Мэлли. Он смотрит на фотографию, но снова пожимает плечами, сегодня он видел тысячи лиц. Телефон Кейт продолжает звонить. Она так напугана, растеряна и наполнена желтым адреналином, что ей хочется рвать на себе волосы. Глаза Сильвер загораются снова, когда она смотрит через забор на людей снаружи. Она поднимает руку и направляет ее, как стрелу, готовую к полету.

— Там, — говорит она, но ей и не надо.

Ее палец нашел брата, которого уводит прочь силуэт женщины. Кейт кричит его имя снова и снова, надрывая и без того сорванный голос. Освободившись из толпы, незнакомая женщина и ее сын идут ровным шагом, в то время как Кейт застряла позади стада болтающих без умолку идиотов.

— Мэлли! — кричит она, пробивая себе путь через толпу.

Охранник, до того безразличный, видит, что происходит, и пытается проложить ей путь: он сдерживает нескольких ругающихся людей, чтобы освободить место для Кейт. В конце концов, она освобождается из раздражающей толпы и бежит к своему сыну, хватая его сзади и вырывая из хватки незнакомки. Женщина, с ног до головы одетая в одежду сексуальной мамочки: черные колготки, куртку, дизайнерский шарф и с полностью разукрашенной физиономией, кажется совсем не напуганной безумным поведением Кейт.

За долю секунды до того, как Кейт его схватила, ей показалось, что она ошиблась, что это не ее сын, и как только она прикоснется к нему, мальчик обернется и испугается, а его лицо не будет Мэлли. И это будет конфузом: ужасным недопониманием. Но, конечно же, это ее сын, матери знают, как выглядят дети с любого ракурса, их походку, и вот он Мэлли, вот он, она его нашла.

Она срывает с него шляпу и бросает ее землю, притягивает его лицо к своему, трогает липкие щечки, залитые слезами и горячие. Кейт его нашла, она его нашла, Боже правый, она его почти потеряла.

— Я искала охранника, — произносит женщина с рубиновыми губами. — Я не знала, кому о нем сообщить.

Кейт встает и смотрит на нее: карие глаза, лишенные доброты. Две изюмины на тарелке.

— Вы шли к парковке.

Девушка оглядывается на охранника, но он занят кем-то еще.

— Охранник там, — говорит она, большим пальцем показывая обратно на ворота стадиона.

Сильвер смотрит на миниатюрную женщину в черном.

— Возникла такая неразбериха, — замечает женщина. — Я подумала, что будет лучше уйти подальше от угрозы взрыва.

Она не уступает. Улыбается слишком много. Отработанная улыбка, заточенная на то, чтобы заставить тебя хотеть довериться ей, но Кейт не проведешь. Усмешка слишком широкая, но она не касается ее мертвых глаз виноградин.

— Леди мне помогала, — говорит Мэлли. — Она просканировала мой код. Пыталась позвонить тебе.

Кейт поднимает свою дрожащую руку, чтобы посмотреть на хеликс и видит двенадцать пропущенных звонков.

— Кто вы?

Девушка пытается выглядеть уверенной, но ее голос охрип от крика и испуга, и в нем появляются резкие нотки, которые она не узнает.

— Никто, — отвечает женщина. — Прощай, Мэлли.

Она треплет его по голове.

Кейт отодвигает его от нее. Женщина надевает солнечные очки и уходит, хвост ее шарфа развевается за ней следом.

Напуганная мать падает на колени. Она смотрит Мэлли в глаза, выискивает повреждения, но их нет. Люди продолжают идти мимо них, не обращая на них никакого внимания. Они как обломки кораблекрушения посреди реки. Девушка обнимает обоих близнецов. Они склоняют головы и прижимаются друг к другу, словно произносят молитву.

Глава 30
Нож с выкидным лезвием

Кейп Республика, 2024

Печатающие руки принимаются бесшумно работать, и Сет сожалеет о своем поступке. Он нажимает кнопку «ОТМЕНА» снова и снова, но у машины другие планы. Он ищет, где аппарат отключается, но, похоже, тот работает автономно.

— Дерьмо, — ругается он. — Дерьмо.

Снова пытается отменить операцию, но принтер уже вовсю работает, время завершения на таймере — четыре минуты шестнадцать минут. Он садится на пол и, прижав руки ко рту и носу, наблюдает за тем, как принтер создает Мэлли с нуля, слой за слоем. Слоновая кость, кремовый, розовый.

Ужасающе.

Завораживающе.

Что же он натворил?

Когда машина заканчивает работу, того же возраста, почти совершенная копия Мэлли размещается внутри стеклянной оболочки, обнаженная и беззащитная. Сет снова всходит на платформу и открывает двери. Он приближается к напечатанному существу с осторожностью, изучает взглядом его кожу — слишком чистую — и его волосы. Прикасается к плечу, которое на ощупь такое настоящее, что он непроизвольно отпрыгивает назад. У мальчика даже есть шрамы от прививок после рождения — тех, на которые Сет водил его в детскую клинику, после которых у мальчика несколько недель сохранялась на коже красная припухлость. Сет не знал, что записи об этом тоже были встроены в его ДНК-код. Веки антробота закрыты, так что Сет большим пальцем приподнимает его левое веко, чтобы внимательно рассмотреть его глаза. Они такие же, как у Мэлли, как у Кейт. Такие же, но…

Оба глаза распахиваются, и Сет подскакивает в воздух на метр. Его сердце несется галопом. Отступая назад, он

спотыкается, почти падает, а затем с трудом убирается от машины, оказавшись лицом к лицу с рыжей бородой.

— Карсон, — произносит он, но мужчина не отвечает.

— Сет, — доносится до него из темного угла комнаты голос Арронакс.

Верхний свет становится чуть ярче, освещая ее, удобно сидящую там и скрестившую длинные ноги. Она все время там сидела?

— Иногда я люблю приходить сюда и просто смотреть на машину. Я работала над ней свыше десяти лет.

— Впечатляет, — замечает Сет.

— И все же ты не кажешься впечатленным.

— Не воспринимай на свой счет. Я просто видел…

— Ты видел более современную ее версию. Я знаю. Мы знаем. Почему, ты думаешь, мы привезли тебя сюда?

— Я ничего не знаю о печати живых существ. Если вам не нужен кто-то, кто разбирается в химической инженерии или в математических последовательностях, то я не ваш человек.

— Ты полезнее, чем тебе кажется.

Тело Сета напрягается. Инстинкт подсказывает ему бежать, но у него есть вопросы.

— Синтетическое сердце было уловкой?

— Нет. То сердце — ключ ко всему.

Сет качает головой.

— Сюда, дай я покажу тебе.

Она подходит к принтеру, и ее палец зависает над кнопкой, которая ударила мышь током, оживив ее.

— Нет! — просит Сет. — Не надо. Пожалуйста.

Девушка игнорирует его, и заряд электричества проносится по капсуле, сшибая антробота Мэлли с ног. Тело дергается от автошоков.

— Проклятье! Что ты делаешь?

Он устремляется к платформе и открывает стеклянную дверь. Арронакс кричит:

— Не делай этого!

Но Сет прикасается к обнаженному тельцу, и по его руке проносится вспышка энергии, которая отбрасывает его назад. Из него вышибает дух, и он остается там, где есть, наблюдая за мальчиком с ужасом.

— Видишь? — говорит она. — Команда зажигания на нем не работает. Она не действует на напечатанных людях. Поэтому нам нужно сердце, над которым ты работаешь.

— Ты сказала, что оно для людей, которым нужна пересадка.

— Это прибыльный дополнительный бизнес. Приносит нам

пиар и денежные вливания.

— Я не стану этим заниматься.

— Ты уже занимаешься, — отвечает она.

— Я не закончил. И не стану заканчивать.

— Подумай о жизнях, которые ты спасешь.

— Мне плевать на них.

Арронакс застывает и с недовольной гримасой произносит:

— Ты не можешь остановить прогресс, ты же знаешь.

Он ощущает горечь во рту. Показывает на маленькое обнаженное тельце, распластавшееся на платформе.

— Это не прогресс.

— Ты воспринимаешь все слишком лично. Это не он, ты же знаешь. Это не Мэлли.

— Очевидно.

— Но я имею в виду, что это существо не человек. Вообще. Мы осуществляем печать синтетическими клетками, пока что. В бургере от «Бильхен» больше клеток мяса, чем в этом теле.

— Но он выглядит…

Таким настоящим? Таким живым?

— Спасибо тебе, — говорит она.

— Это был не комплимент.

— Сочту за комплимент, — парирует она.

Сет встает.

— Я выхожу из игры.

— Ты не можешь уйти.

— Да, — отвечает Сет, — могу.

— У тебя контракт.

— Еб*л я ваш контракт.

Она делает шаг вперед.

— Мы заплатим тебе вдвойне. Втройне.

— Я ухожу.

Сет пытается пройти мимо нее, но Арронакс встает у него на пути — она растерянна — оглядывается по комнате, вероятно, пытаясь придумать, чем еще его можно подкупить.

— Но он ненастоящий, разве ты не понимаешь? Если ты его порежешь, у него не пойдет кровь. Вот, — говорит она.

Девушка шарит в кармане своего лабораторного халата и достает скальпель под пластиковым колпачком. Научная версия ножа с выкидным лезвием. Она приближается к телу на сцене.

— Не делай этого, — просит Сет. — Убери это.

— Я просто хочу показать тебе…

— Убери!

Арронакс фиксирует на нем взгляд своих кристальных глаз, и бешеная энергетика в комнате затихает. Она кладет свою

дрожащую руку ему на грудь.

— Ты думаешь, я не знаю, что ты чувствуешь к этому мальчику? Мэлли? К ним обоим?

Психический переключатель очевидно открывает не только простые мысли. Сет четко воспроизводит в уме изображение принтера в клинике «Генезис», а затем девушка убирает руку с его груди.

— Тогда ты знаешь, почему я не могу этого сделать.

Рядом с коридором какое-то движение, крыса мчится через дверной проем. Не колеблясь ни на секунду, Карсон давит ее ногой. Последний писк расплющенного грызуна, и Карсон поднимает ботинок. Крови нет.

Глава 31

Резиновые кости и счастливые сердца

Йоханнесбург, 2024

Кейт приезжает домой, держа детей за плечи, словно больше никогда их не отпустит.

— Ай, мам, — говорит Мэлли.

Девушка едва ли сожалеет.

Она уже готовится приложить палец к биометрической панели, чтобы открыть входную дверь, когда Себенгайл поднимает руку и шепотом произносит:

— Подожди.

Кейт сильно устала и испытывает облегчение, добравшись до дома, так что не замечает неладного: огонек панели мигает красным, сигнализация отключена, ворота слегка погнуты, входная дверь не совсем правильно закрыта.

— Бл*ть! — тихо ругается она, хватая детей и притягивая их еще ближе.

Она нажимает тревожную кнопку на своем хеликсе, вызывая тихую жгучую боль и предупреждая охранную компанию. Конечно же, «Сейфгард» уже об этом знают и в пути. Она просто не видела их бамп на своем телефоне.

— Ты сказала плохое с… — говорит Сильвер, но Кейт прижимает к губам девочки ладонь, чтобы та не шумела.

Каждая из женщин берет по ребенку на руки и бежит к лифту. Он все еще там, двери открыты после того, как лифт доставил их сюда десять секунд назад. Они вбегают внутрь, и Кейт много раз нажимает кнопку «закрыть двери», пока они не оказываются в безопасности закрытых дверей.

— Что происходит, мамочка? — спрашивает Мэлли. Сильвер произносит то же самое одновременно с ним.

— Кое-что выглядит забавным, — говорит Кейт, поглаживая

волосы Мэлли заледеневшей рукой. В зеркале она видит сотни отражений себя, от размера в натуральную величину до миниатюрных, и все они выглядят обезумевшими.

В доме? Они в доме?

— Забавным? — спрашивает Сильвер.

«Они знают, где мы живем».

— Я хочу домой, — жалуется Мэлли.

Себенгайл тоже выглядит напуганной.

— Я только что попросила «Сейфгард» проверить наш дом до того, как мы войдем. Беспокоиться не о чем.

Кейт целует его в головку.

— Просто предосторожность, вот и все.

Девушка усаживает няню и детей в приватной кабинке в местном ресторане, заказывает фальшбургеры и картошку фри, обещает им солодовые коктейли, если они будут вести себя очень тихо. Находит офис менеджера и просит у него комнату, он бросает один взгляд на ее дикие глаза и соглашается. Парень отдает ей бутылку воды, которую только что собирался выпить. Закрыв за ним дверь, она набирает Сета, но слышит лишь гудки. Звонит по экстренному номеру, который он ей оставил, но отвечает какой-то незнакомец, просит ее говорить, но она не может. В конце концов, она передает сообщение.

Следом она связывается с «Сейфгард» и просит выделить им сопровождение из охраны. Через несколько минут прибывают два охранника. Один из крепких мужчин называет ей проверочный код — 52Гц — чтобы дать ей понять, что ему можно доверять. Охрана оплачивается дополнительно, как и камеры со встроенными приборами ночного видения, датчики быстрого и скрытого движения, укрепленные сталью двери убежища. Осторожность лишней не бывает, как сказал парень, оформлявший договор. Сет назвал его параноиком, навязывающим лишнее, но Кейт он тогда понравился, а сейчас она испытывала к нему симпатию еще сильнее.

Она наблюдает за тем, как дети допивают остатки своих коктейлей, и на секунду у нее возникает ощущение, что они попали в какое-то сумасшедшее сюрреалистическое шоу. С ароматом поджаренного зефира. Как они могут просто сидеть там, покачивая своими тоненькими ножками и болтая с Бонги, как ни в чем не бывало?

Она напомнила себе о способности детей забывать плохое. Резиновые кости и счастливые сердца. До определенной степени, конечно же. У каждого есть свои пределы.

Охрана одета в самое современное защитное снаряжение — кевларовые комбинезоны, а в руках у них русские автоматы. Они

терпеливо ждут, пока Кейт и Себенгайл наденут обратно на детей обувь и вытрут им лица, а затем они все едут вверх в лифте. Обычно просторное пространство внутри лифта, кажется плотно набитым, вызывая перегрузку и без того измученных синапсов Кейт. Сам размер мужчин, которые занимают так много места, и детей, пахнущих томатным соусом и пылью. От Себенгайл веет дешевым мылом, и Кейт чувствует запах и от себя тоже: выветрившиеся духи с примесью запаха тела и солнцезащитного крема. В тесном пространстве совсем нечем дышать, вместо воздуха лишь жидкая коричневая мешанина из цветов и текстур, от которой у Кейт начинается обильное слюноотделение. Она прижимает одну ладонь к губам, а другую к стене лифта, подавляя тошноту. Когда двери лифта открываются, девушка выходит оттуда первой.

С биометрической панели снимают отпечатки. Кейт не останавливается, чтобы рассмотреть ее: ей нужно принять душ и хлебнуть виски, необязательно в таком порядке. Она хочет, чтобы дети были в безопасности в своих кроватках. Сегодня ночью мама будет спать в их комнате. Когда она толкает входную дверь, кругом горит свет.

— Эй?

Она на несколько шагов продвигается внутрь и вскрикивает, когда видит в коридоре неподвижное тело.

Глава 32

Хакпаук

— Ох, черт, — говорит сам себе Марко. — Черт, черт, черт.

Он занят отправкой четвертой казни в файловую систему «Воскресителей», когда на его экране появляется то, чего не должно быть. То, о чем парень только слышал, но никогда прежде не видел. Это хакпаук: код, внедренный на его жесткий диск, который устраивает путаницу, совершая враждебные цифровые укусы, которые могут быть смертельными для его операционной системы. Паук уже нарушил правильную работу его текущей системы и подпортил важные файлы. Его база данных SQL сходит с ума.

— Сукин сын, — говорит он, лихорадочно печатая на голоклавиатуре. — Кто тебя прислал?

Марко знает, что его система практически неуязвима. Или, по крайней мере, он думал так до сих пор. Парень пытается поймать паука, раздавить его, но тот верток и не дает себя поймать. Проходит долгая минута, пока программист гоняется за автохакером и видит, как тот наносит ущерб. Он не может изловить его без риска, получая укусы и дальше, так что вызывает экстренное отключение. Принудительно завершает работу всей

системы, чего никогда прежде не делал, и отключает все кабели.

Мужчина вспотел: не знает, сможет ли когда-либо снова включить все обратно. Сидит в темной тихой комнате, мысли мечутся в его голове. Ему нужно идти в ванную комнату, но он не может двигаться. Кто послал паука? У кого есть доступ к такой продвинутой технологии?

Кто-то с огромным влиянием знает, кто он и где.

Глава 33

Больше жизней, чем у кошки

— Бетти! — кричит Кейт, подбегая к биглю.

Она садится на корточки рядом с собакой и ощупывает голову и бока. Выискивает ранения. Пасть Бетти-Барбары дрожит. Она взвизгивает, и ее глаза закатываются.

— Что они с тобой сделали? — плачет она. — Что они сделали?

Девушка гладит недвижимое тело собаки. К ней подходит мужчина. На нем нет пуленепробиваемого комбинезона, а на электронном бейдже «Сейфгард» написано: «Эксперт».

Она слышит, как следом за ней входят дети. Пытается спрятать от них бигля, но уже слишком поздно: они оба увидели ее и разинули рты. Слишком шокированы, чтобы заплакать. Себенгайл замечает животное последней, и у нее отвисает челюсть. Они хорошо ладили — Себенгайл с собакой. Няня тащит детей в ванную, слышен звук набираемой воды.

Кейт приседает еще ниже, целует собаку в голову, прикладывает ухо к ее боку, закрывает глаза.

— Она не мертва, — говорит эксперт, предлагая ей руку.

Девушка распахивает глаза.

— Вы имеете в виду, еще не умерла?

— Вообще не мертва.

Она смотрит на Бетти-Барбару, а затем снова на мужчину, этого огромного незнакомца в ее доме. Он помогает ей встать.

— Сейчас, — говорит мужчина. — У вас шок.

Он не имеет понятия о ее шоке.

— Идите присядьте за столом, и я введу вас в курс дела, что мы обнаружили.

— Моя собака, — произносит Кейт.

— Она будет в порядке, — отвечает мужчина, направляя ее к месту.

— Не отравлена?

— Ее просто опоили наркотиками. Полагаю, диазепамом *(прим.: препарат, обладающий седативным, снотворным, противотревожным, противосудорожным, миорелаксирующим и амнестическим действием)*.

Она хочет побежать и сказать детям, но ее тело не двигается с кресла. Ей кажется, что она вообще не в состоянии встать. У этой собаки больше жизней, чем у кошки.

Перед ней поставили чашку чая. Дрожащими руками она берет чашку в руки и делает глоток, с тоской глядя на шкафчик с алкоголем. Тот же мужчина, который сделал ей чай, приносит из гостиной одеяло и кладет поверх собаки, объясняя няне и детям, что животное будет в порядке. Она хочет обнять его. Он утешитель. Кейт больше никогда не будет жаловаться, что эта охранная компания дорого ей обходится.

— Думаю, будет разумным, если вы согласитесь разместить двух моих людей снаружи вашей квартиры двадцать четыре на семь, пока угроза не минует.

— Да, — кивает Кейт. — Да, пожалуйста.

— Я бы хотел остаться, пока ситуация не стабилизируется. Вы не против?

Девушка знает, что он делает. После любой бреши в безопасности, жертва чувствует утрату власти над ситуацией. Интересуясь ее мнением по каждому поводу, он возвращает ей часть этого контроля.

— Да, — говорит она. — Было бы превосходно. Спасибо вам.

Дети дерутся в ванной. Бонги мягко отчитывает их, и они, кажется, успокаиваются. Эксперт пошагово рассказывает ей о вторжении на частную собственность. Их первым предположением является, что это скорее всего были два профессиональных грабителя, судя по тому, как была нейтрализована система безопасности.

— Ну и дела, — говорит он, качая головой, — шесть лет мы уже пользуемся этой конкретной технологией, и я ни разу не видел, чтобы ее обошли.

Он рассказал ей, что несколько шкафчиков вывернули наизнанку, некоторую мебель перевернули. Компания прибралась по возможности, чтобы уменьшить травму после случившегося и отправить отчет в страховую компанию. И правда, глядя на это место, нельзя было сказать, что тут только недавно побывали грабители.

Полицию уведомили, хоть охранники не сочли, что грабители вернутся — так почти никогда не случается. Поэтому охранные организации, такие как «Сейфгард», являются такими прибыльными бизнесами. По словам эксперта, они специализируются на всех видах проникновений в дом. Их работа заключается в том, чтобы устранить все возможные уязвимости.

Она допивает чай (Ромашковая Мечта) и приносит извинения, говоря, что ей нужно в душ. Боже, ей определенно

нужно принять душ. Она покрыта пылью и высохшим потом, вызванным страхом.

— Мы подумали, что это было ограбление, но…

Кейт смотрит на него.

Он прочищает горло.

— А потом кое-кто появился и ввел нас в курс дела…

— Что? — спрашивает Кейт.

— Она сказала, что есть то, о чем нам неизвестно. Ей нужно встретиться с вами, срочно, это касается безопасности ваших детей.

Кейт оглядывается вокруг. Она уже отказалась от его предложения бесплатной консультации. Не заметила кого-то, сидящего здесь? Но диваны и кресла пусты. Девушка в растерянности.

— Кто? Ваша коллега?

Он качает головой.

— Мы никогда не встречались.

— Но вы впустили ее в мой дом?

Возможно, «Сейфгард» не такие профессионалы, какими она их считала.

— Таково предписание, — говорит он. — Она есть в предварительно утвержденном списке охраны. Ей позволен доступ повсюду, в любое время.

— Чушь какая-то. Это частная территория, и в нашем предварительно утвержденном списке никого нет.

— Не в вашем личном списке. В национальном списке.

Национальном списке? Там только супервипы. Почитаемые, кристально чистые, публичные фигуры. Зачем кому-то из них появляться в ее квартире?

— Уверен, она все объяснит.

Он встает, и она следует его примеру. Кейт заглядывает в ванную и видит, что Бонги энергично вытирает близнецов полотенцем, словно они купались в океане, а не сидели в десяти сантиметрах воды в ванной. Дети замечают ее и смотрят на нее снизу-вверх, улыбаясь. Девушка никогда не видела их такими чистыми. Няня тянется к пижаме Мэлли — РобоЩенку, конечно же, и лишь один взгляд на анимированную собаку наполняет ее ужасом. Она не может поверить, насколько сегодня была близка к тому, чтобы потерять его. Эксперт отводит ее в комнату-убежище, словно это его дом, а не ее. Дверь лишь слегка приоткрыта. Она открывает ее шире и заходит внутрь.

Женщина средних лет с длинными прямыми седыми волосами сидит в откидном кресле. Она одета в простое белое платье и сливалась бы с интерьером, если бы вокруг нее не было

слабого свечения. Кейт догадывается, что та никогда не сливается с окружением, куда бы ни пошла. Вид ее, сидящей там в окружении белого, напоминает цветок лотоса с бледными лепестками, в котором ее светящееся лицо — центр цветка. Это изображение напоминает ей о том случае, когда она посещала банк семян — Хранилище Судного Дня — она узнала, что семена лотоса способны прорастать даже через сотню лет.

— Солан, — произносит Кейт.

Женщина кажется довольной.

— Вы знаете, кто я, — говорит она. — Это упрощает задачу.

Кейт ощущает запах бус из сандалового дерева на шее женщины. Древесной коры. Корицы.

— Конечно же, я знаю, кто вы.

Солан практически святой матриарх Южной Африки. Она возглавляет «СурроТрайб». Внешне расслабленная и богемная, женщина обладает невероятной силой воли и титановым стержнем. Сурро-сестры, живущие вместе в закрытом сообществе, должны быть безупречны во всех смыслах или лишатся своих булавок. Она также не позволяет им бездельничать. Если они находятся между выполнением работ, им выдают строгое расписание дополнительных занятий, включая среди прочего, езду на лошадях, программирование, изучение языков и стрельбу из лука.

Солан выглядит как хиппи новой эры, но она достаточно опытна в маркетинге, чтобы знать, какую важную роль играют бренды, и не будет заступаться за тех, кто пятнает ее репутацию.

— Я здесь, чтобы помочь вам, — говорит она.

— Помочь мне? С чем?

Женщина вздыхает, а затем складывает пальцы домиком.

— Кейт, вы должны знать. Ваш сын в огромной опасности.

Глава 34

Психлечебница

— Она права, — доносится голос из-за спины Кейт, и та подскакивает. Кекелетсо. — Прости, не хотела тебя пугать.

Кейт прижимает к сердцу кулак.

— Входи. Присоединяйся. Ты знакома с Солан?

Они обмениваются приветствиями и натянутыми улыбками. Кеке берет стул.

— Я бы убила ради пива. К этому убежищу прилагается обслуживание?

— Что-то вроде того, — отвечает Кейт.

Надавливает на блестящую дверцу шкафчика рядом с ее головой. Открывается небольшой бар.

— Волшебство, — восторгается Кеке. — Почему я раньше

сюда не заходила?

Кейт пытается замедлить дыхание. Лишенная цвета комната-убежище, как бальзам для ее измученных нервов. Перед ней не выскакивают никакие фигуры, в ее голове не проносятся облака цвета. Она открывает бутылку красного, не глядя на этикетку, и дрожащими руками наливает им по бокалу. Ожидает, что Солан откажется от угощения, попросит воды, но та сует нос прямо в бокал (Ягодный Аромат) и делает глоток.

Девушка проверяет приборную панель, изучает кадры дома. Эксперт сидит за кухонным столом и заполняет, то, что, по ее мнению, является отчетом по делу, на своем «Тайле». Утешитель забрал с пола Бетти-Барбару и сидит с ней на коленях в гостиной, поглаживая ее подрагивающую голову, а Бонги уложила детей в кроватки и готовится читать им сказку на ночь. Комната Сета темна и пуста. Он скоро будет дома, а затем все вернется в норму. Солан бросает на нее взгляд. *Ну, не совсем нормальную норму.*

Они сидят треугольником. Пыльные ковбойские сапоги Кеке, старые сникерсы Кейт, гладиаторские сандалии Солан.

— Расскажите мне все. Я хочу все знать.

Две женщины начали говорить одновременно, но Солан жестом показала Кеке, что та может продолжать.

— Дело в суде, над которым я работала. Я не хотела рассказывать тебе детали, потому что знала, что они тебя расстроят. Черт, они меня-то расстраивают. Но теперь мне придется. Марко выяснил кое-что, что тебе следует знать.

— Знаешь ли, я не какая-то несчастная хрупкая женщина, — произносит Кейт, вспыхивая. — Меня не нужно защищать.

— Ты вовсе не хрупкая, — говорит Кеке, — я знаю. Но последние несколько лет — с той самой истории с «Генезис» — сильно сказались на тебе. Конечно же, так и должно быть. Тебе пришлось пройти через ужасные вещи.

Кейт закрывает глаза и потирает лицо.

— Никто тебя ни за что не винит, не знаю, просто ты не все всегда можешь сохранять эмоциональное самообладание.

— Ну, приятно знать.

Она чувствует запах горечи, густой, как смола.

— Более слабый человек уже оказался бы в смирительной рубашке где-нибудь в психлечебнице.

— Прямо сейчас эта мысль кажется мне привлекательной, — заявляет Кейт.

Интернет знает, как ее манит сама перспектива вечно белых стен, «ТранИкс» и вида на луг. Но вскоре ее мысли перетекают к полю с цветами, ферме, на которую ненастоящий Эд Миллер привез их с Сетом, заставил их копать себе могилы, и ее тревога

снова взлетает вверх. У нее пересыхает во рту. А бокал с вином остается нетронутым.

— Я не стала тебе рассказывать, потому что не хотела тебя зря волновать. Дело не имело к тебе никакого отношения, пока…

— Пока?

— Пока не стало иметь.

— Ты должна была сразу же сказать мне.

— Я и рассказываю тебе сразу же. Когда я не могла с тобой связаться, помчалась сюда со всех ног.

— И?

— И я не хотела, чтобы ты была одна, когда это услышишь.

— Ты думаешь, я слабачка. Что я становлюсь слабачкой.

— Нет, — говорит Кейт, качая головой. — Дело касается детей. Близнецов. А они как твой Криптонит.

Внутренности Кейт обдает огнем.

— Расскажи ей о Ланди, — просит Солан. — И о Нэш.

Кеке бросает на Солан странный взгляд. Она опускает свой бокал с вином и смотрит Кейт в глаза.

— Суд закончится через несколько дней. Обвиняемый — мужчина по имени Мак Ланди, его обвиняют в убийстве своего сына — его малыша — в ванной.

В ванной? Дело напомнило Кейт о Бланко, убитом пианисте, и она вздрагивает. Невеста в ванной. Не удивительно, что она так стремится попасть в лечебницу со всеми этими воспоминаниями, застрявшими в ее голове.

— Он это сделал? — спрашивает Кейт.

— Нет, — одновременно отвечают Кеке и Солан.

— Это был несчастный случай?

— Ну… — произносит Кеке.

— Нет, — отвечает Солан с предельной убежденностью. — Определенно, это был не несчастный случай.

— Может быть вам следует рассказать эту историю, — предлагает Кеке.

Солан качает головой.

— Будет лучше, если Кейт услышит это от тебя.

— Мы провели небольшое расследование, — говорит она. — Ну, под этим я подразумеваю, что я попросила Марко провести небольшое расследование. И выяснилось, что происходит некий феномен, ужасные вещи…

— А? — спрашивает Кейт.

— Мне жаль, котенок. Это происходит «под одеялом», и мы пока не знаем, что это вызывает…

Вмешивается Солан.

— Кто-то нацелился на маленьких детей.

Кейт с усилием сглатывает.

— Что?

— Волна маленьких детей, — говорит Кеке. — Детей возраста близнецов. По всей стране.

— Что? — спрашивает Кейт. — Это не имеет никакого смысла. Что ты имеешь ввиду?

— Ланди клянется, что это был несчастный случай. Думает, что его сын, должно быть, поскользнулся и ударился головой.

— Ха! — вырывается у Солан, но она не смеется.

— А кто другой? Нэш?

— Хелена Нэш отбывает пожизненное за убийство своей дочери, которая, как она утверждает, упала с лестницы.

— Не несчастный случай?

— Не несчастный.

— Я что-то не понимаю?

— Именно это я и чувствую, — говорит Кеке. — Все это не имеет смысла. Пока что.

— Значит… это чувство, что они в опасности. Правдиво.

— Еще как правдиво, — соглашается Солан. — По крайней мере, для одного из них.

— Мэлли, — произносит Кейт, потому что она знает. Она это чувствует. Всегда чувствовала.

— Да, — подтверждает Солан. — Мэлли.

Кейт снова встает, проверяет приборную панель, видит, что близнецы благополучно укрыты в своих гамаках счастья, а Себенгайл читает им. Кейт проверяет входную дверь, где на страже стоят два рослых мужчины, которые сопровождали их из ресторана. Она не видит их пальцы, но представляет себе, как они мягко покоятся на курках.

— Почему? — спрашивает Кейт.

— Марко сказал…. Марко высчитал некий алгоритм. Нашел в смертях схему. Они убивают «Поколение Генезиса».

— Нет, — произносит Кейт. — Невозможно.

— Не убивают, — возражает Солан. — Убили. Они все мертвы. Кроме…

— Но никто не знает личностей напечатанных детей. Кроме родителей. Все их личности защищены.

— Проект «Генезис» знает.

Упоминание «ПГ» бьет Кейт под дых.

— Это не проект «Генезис», — говорит она. Не может быть. — Они мертвы. Они же все мертвы.

— Ван дер Хивер мертв. Маутон. Мармелад. Но они могли быть всего лишь вершиной айсберга. Кто знает, сколько еще агентов живы. Все эти люди, которых эвакуировали из здания

перед тем, как…

— Нет, — отрицает Кейт. — Нет. Я этого не вынесу.

Она пытается отпить вина, но удивляется неожиданно опустевшему бокалу в своей руке. Ставит бокал на стол. Должен быть список напечатанных детей. Конечно же, список.

— Насколько я знаю, проект «Генезис» оказался расформирован. Работать для них стало слишком опасно, как только стала известна история с клиникой. Они затаились. Думаю, мы не скоро о них услышим.

— Кроме того, — говорит Кеке, — зачем бы им убивать поколение, которое создавали с таким трудом? Напечатанные при помощи ДНК дети были видением ими будущего.

— Видением, пришедшим в никуда, — говорит матриарх.

— Тогда кто? — спрашивает Кейт. — Кто станет убивать детей?

— У меня есть теория, — сообщает Солан. — Но она вам не понравится.

Глава 35
Последний

Солан опустошает свой бокал, ставит на стол перед собой и сцепляет руки вместе.

— У меня есть причина полагать, что люди, стоящие за убийствами, это «Воскресители».

У Кейт загудела голова.

— Я знаю, это кажется странным, — говорит Солан, — в особенности потому, что они постоянно ведут речи о невинности детей…

— И стреляют во врачей в клиниках планирования семьи, — вмешивается Кеке.

— Но у нас есть… осведомители… которые намекают, что именно «Воскресители» стоят за убийствами.

— У вас есть осведомители внутри «Воскресителей»?

— Это не подлежит обсуждению.

— Но вы доверяете своему источнику?

Солан качает головой.

— Я даже не знаю, кто источник. Эта информация поступает на основе сомнительных слухов.

— Но все же имеет смысл, — говорит Кеке. — Помните, как они отреагировали, когда в новости попала история с проектом «Генезис»? Они сказали, что напечатанные дети — выродки. Оскорбляют своим существованием Бога. И у них, похоже, нет проблем с убийствами детей.

Кейт кивает.

— Посмотрите на то, что произошло сегодня. На стадионе. Половина той публики была детьми.

— Это была лишь угроза минирования. Саранча Павлова осталась зеленого цвета. Никакой бомбы. Мы даже не знаем, ответственны ли за это «Воскресители».

— Конечно, ответственны. Они придумали это все, чтобы отвлечь тебя.

Кейт пялится на нее.

— Угроза минирования, в результате которой эвакуировали целый стадион… маневр, чтобы отвлечь меня?

— Ну, это сработало, разве нет? Ты потеряла Мэлли.

— Что? — спрашивает Кеке.

Кейт, начавшая расслабляться в компании двух женщин, чувствует новый прилив ужаса, сжимающий ее за горло.

— Конечно же, нет, — бормочет она. — Конечно же, они не стали бы.

Она вспоминает женщину с шарфом, уводящую Мэлли прочь, ее ослепительную фальшивую улыбку, очерченную красным.

— Но зачем идти на такие меры ради маленького мальчика?

— Потому что все должно выглядеть случайностью. Все должно выглядеть, как несчастный случай. Иначе это вызвало бы споры. Они не могут рисковать тем, чтобы их члены или спонсоры отвернулись от них.

— Кто они? — спрашивает Кеке. — Кто такие «Воскресители»?

— Это нам и предстоит выяснить.

Кейт смотрит на пустую бутылку вина. Она не может не думать о библейской истории превращения воды в вино. Было бы замечательно, если религиозные фундаменталисты выбрали бы что-то такое в качестве своей идеологии. Будьте добры к ближнему, пейте вино, будьте хорошими самаритянами. Если бы они приняли это близко к сердцу, применили ту же самую неуемную энергию к этому, вместо убийства невинных людей в клиниках и охоты на детей, мир стал бы лучше. Тем временем, она сделает все — все, что угодно — чтобы гарантировать Мэлли безопасность.

— Они становятся отчаянней, — замечает Солан. — Наша осведомительница нарушила протокол, чтобы связаться со мной, когда обнаружила, что они планируют уничтожить «Поколение Генезис» к полуночи завтрашнего дня. У них есть какое-то… не знаю… пророчество, какой-то крайний срок, или же миру настанет конец.

Кейт смотрит на них, хлопая ресницами, у нее все просто не укладывается в голове.

— Конечно же, есть и другие. Другие дети «Генезиса» где-то там.

Солан поджимает губы в тонкую, жесткую линию.

— Нет, дорогая, — тихо произносит она. — Больше нет. Мэлли — последний.

Кейт бросается прочь из комнаты-убежища. Эксперт вскакивает на ноги, спрашивает ее, что случилось. Она игнорирует его и марширует в комнату детей, ударяет по выключателю.

— Просыпайтесь! — кричит она им. — Просыпайтесь!

Сильвер продолжает храпеть. Мэлли хмурится во сне.

— Просыпайтесь! — орет взволнованная мать снова.

Себенгайл вскакивает на ноги.

— Что такое? — спрашивает она, тревожно распахнув глаза. — Ма?

Кейт подходит к гамакам и трясет детей за плечи. Мягко ударяет Мэлли по щеке.

— Пожалуйста, — говорит няня, нависая над ее плечом, — оставь их. Они спят. Сегодня был долгий день. Скажи, что стряслось?

Мэлли садится и слепо моргает. Сильвер, обнимая своего плюшевого зайца, начинает плакать во сне.

— Просыпайтесь, ребята. Мне нужно с вами поговорить. Вставайте.

— Это может подождать до утра, Ма, — говорит Себенгайл. — Они устали.

Кейт не обращает внимания на няню и вытаскивает детей из кроваток. Кладет их теплые, спящие тельца на вершину одного из игрушечных сундуков.

— Что такое, мама? — спрашивает Мэлли.

Сильвер все еще хнычет, ее длинные волосы спутались и закрывают большую часть лица.

— Сильвер! — кричит Кейт.

Ее дочь подскакивает, наконец, открыв глаза. Себенгайл тянется к ней, чтобы успокоить, но Кейт поднимает руку, чтобы ее остановить.

— Просыпайся. Мне нужно сказать кое-что важное.

Дети сидят с сонными лицами.

— Вам никогда, и я имею в виду никогда, никогда не разрешается уходить с незнакомцами. Вы меня понимаете?

Они оба кивают.

— Мы знаем это правило, — хнычет Мэлли.

— Но ты все равно пошел сегодня с той женщиной! — голос Кейт звучит неприятно надломленным.

— Она была приятной леди, — говорит сын. — Хотела помочь мне найти тебя.

— Слушай очень внимательно, Мэлли. Ты слушаешь меня?

Он качается вперед-назад всем телом, когда кивает.

— Правило заключается не в том, чтобы ты не шел с незнакомцами, которые выглядят подозрительно. Правило в том, чтобы ты не уходил ни с кем, кого не знаешь. Никогда.

— Почему?

— Потому что некоторые люди выглядят милыми, но внутри они совсем другие.

Сильвер снова уснула, обмякнув телом у стены.

— Хорошо, — говорит он. — Хорошо, мама.

— Хорошо, — повторяет Кейт.

Она поднимает его на руки и кладет обратно в гамак, щелкает по выключателю, туша свет. Себенгайл переносит спящую Сильвер.

— Спасибо тебе, Бонги, — говорит Кейт. — Можешь идти домой.

— Не пойду я домой! — отвечает она. — Останусь здесь.

К тому времени, как Кейт целует сына в лоб и пожимает его руку, он уже тоже засыпает. Она все равно качает гамак, который от ее движения мягко покачивается в темноте.

Кеке ждет ее в гостиной.

— Не смотри на меня так, — говорит Кейт.

— Никак я на тебя не смотрю.

— Сегодня он ушел с той женщиной, сама знаешь. По своей воле. Несмотря на то, что я говорила им, что нельзя этого делать.

— Знаю. Я слышала, что ты им говорила.

— Я вбивала им это в голову! Это самое важное правило!

— Знаю, — соглашается Кеке.

Реальная или воображаемая угроза похищения близнецов проскакивает — по большей части будучи неозвученной — в общении друзей на каждом шагу, так что Марко научил детей взламывать беспилотные такси. Они сами могут поймать попутку, где угодно, без кредитки или кодов взрослого. Сет показал им несколько приемов самообороны, Кеке научила их кричать. Кейт говорила им, раз за разом, никогда не уходить с теми, кого они не знают.

— Еб*нный пи*дец, — ругается она, прижимая трясущуюся руку ко лбу.

— Это была не твоя вина.

— Мэлли держал ее за руку и шел рядом. Она могла убить его!

— Она бы его убила. Или отвела бы к тому, кто убил.

— Она бы сделала это сама. Я видела это по ее глазам.

— Мы защитим их, — говорит Кеке, притягивая Кейт в объятье. — Не переживай.

Кейт вдыхает ее запах, муската и кожи, ее успокаивает этот знакомый запах.

— Ты не можешь защитить их, — произносит Солан за их спиной.

Эксперт присоединяется к разговору.

— Конечно же, мы можем. Мы лучшая охранная компания в стране. Вы это знаете, — говорит он Солан, — мы охраняем всех випов в стране. Президента, министров, даже Люминарию.

— Вы что-то знаете о Люмине? — спрашивает Кеке. — Зачем Мейстеру Люмину нужна защита?

Мужчина пожимает плечами.

— Он важная шишка. У него есть свои взгляды. А этот мир опасен.

— Господи Боже, — произносит Кеке. — Да что вы.

— Почему вы это говорите? — спрашивает Кейт матриарха. — Почему вы говорите, что мы не можем защитить Мэлли?

— Потому что по мнению «Воскресителей», единственное, что стоит между ними и концом света — ваш мальчик.

— Вы же не серьезно, — говорит эксперт.

— Сколько их? — спрашивает она мужчину. — Сколько «Воскресителей»?

— Пятьдесят? — предполагает он. — Сотня. О которых нам известно.

— Армия из сотни религиозных фундаменталистов с промытыми мозгами хочет, чтобы твой ребенок погиб. Насколько им известно, у них есть двадцать четыре часа, чтобы остановить апокалипсис. Как ты собираешься его защитить?

— У н-нас есть охрана, — запинаясь, произносит Кейт. — У входной двери.

— У тебя два охранника у входной двери. Серьезно? Ты и правда сможешь уснуть сегодня ночью, потому что двое мужчин стоят на страже, а сюда направляются две сотни убийц.

— Я не говорила, что собираюсь спать, — произносит обеспокоенная мать.

Она уверена, что больше никогда не сможет уснуть.

Глава 36

Вой вдалеке

Марко сидит в своем темном офисе. Все его оборудование отключено. Если бы не его глазной имплантат, он бы полностью оказался отрезан от мира. Парень откручивает крышку с бутылки

с физраствором и закапывает несколько капель себе в глаз. Не то чтобы это было очень нужно, просто ему нужно чем-то занять себя. Он постукивает по поверхности стола. Играет на воображаемом пианино. Может быть, ему стоит включить свет. Или отодвинуть шторы. Кто знает, что за ними: их не открывали много лет. Может, там огромное окно, из которого открывается вид на сад позади. Или кирпичная стена, исписанная каракулями сумасшедшего, а то и гениальный шедевр. Вдруг там рисунок, не стоящий ничего, или бесценная картина. Мужчина сидит неподвижно, потерянный в мыслях. И не открывает штор.

В задней части дома раздаются мягкие шаги. Наконец-то пришла Кеке. Он скучал по ней последние несколько недель. Они оба были очень заняты. Марко воспринимает ее как должное, поэтому решает сделать для нее что-нибудь приятное. Сводить на ужин или еще куда. Может, они даже смогут отправиться на прогулку — ей это понравится. Для него это тоже будет полезно. Немного естественного света, физической нагрузки. Он чувствует, что из-за всех этих выключенных машинах в каком-то смысле пробуждается. Моргает в темноте, сопротивляется побуждению включить свои линзы. Пальцы нависают над кнопкой включения его старого «СнэпТайл». Еще шаги. Почему она еще не вошла?

— Кеке? — Марко откидывается в своем кресле. — Я здесь!

Глупо говорить это — в самом-то деле, где еще ему быть? Может, ему стоит встать и переодеться, а потом пойти ее встретить. Это было бы неплохо — лучше, чем сидеть здесь и невнятно бурчать ей что-то испачканными пончиками губами, когда она войдет.

— Кекс?

Он встает, а затем застывает посередине комнаты. Слышит собственное дыхание. Ритм кажется более быстрым, чем обычно. Марко представляет себе хакпаука в своей голове, путающего мысли и нацелившегося погрузить зубы в его мозги. Парень пытается успокоиться. Вытирает пот над верхней губой. Они не могли его найти. Его цифровой след ведет к восьмидесяти трем различным местоположениям по всему миру, а только потом возвращается сюда. Даже если у них есть возможности найти его, это займет недели.

Недели же?

У входа в комнату какое-то движение. Он прищуривается в неясном свете. От следующего, услышанного им звука, его прошибает холодный пот. Безошибочно узнаваемый звук, знакомый любому опытному геймеру. Звук извлекаемого из ножен клинка.

Он ныряет под стол. Ему нечем защитить себя. Закрывает

глаза и произносит тихую молитву Хеди Ламарр, а затем нажимает кнопку службы спасения, которая автоматически вызывает полицию и «амбудрон». Его линзы отправляют детали и местоположение в соответствующие департаменты. У него подскакивает кровяное давление, отчего его пэтч принимается издавать обеспокоенный писк. Внешне этот писк не слышен, но мешает ему услышать передвижения нарушителя. Он пытается поставить эту функцию на беззвучный режим, но по умолчанию настройки для предупреждений о жизненных показателях не могут быть отключены.

Предупреждающие сигналы становятся громче, когда его пульс ускоряется. Он срывает с себя пэтч, вместе с частью кожи, и подавляет крик боли. Наконец без пищащего устройства он замечает нарушителя, который крадется по комнате. Марко задерживает дыхание, когда черные ботинки проходят прямо рядом с его лицом. Каковы шансы, что тот не услышал, как Марко подал голос, как идиот, когда тот только вошел? Каковы шансы, что тот просто осматривается и не заметит Марко под столом? Его сердце безумно грохочет в груди. Так громко, что мужчине кажется, будто стук разносится по всему помещению. Как этот человек может этого не слышать? Но, когда ботинки достигают другого конца комнаты, они разворачиваются в его направлении. Он видит силуэт, фигуру и красивый меч, привычно свисающий сбоку, но не может различить лица. Фигура человека не особенно мускулиста. Невысокий, атлетичный. Кто бы ни послал его, чтобы расправиться с ним, они отправили не самого крупного убийцу.

Это имеет смысл: мужчина мал собой, потому что он таец. Тайская мафия выследила его.

*Ох, дерьмо. Дерьмо. Бл*дское дерьмо.*

Марко мечтает, чтобы вскочить, опрокинуть стол и использовать его как щит, пока шпигует нарушителя свинцом из воображаемого автоматического оружия в другой его руке. Он мечтает сбить убийцу с ног, выполненным вовремя ниндзя-пинком, а затем применить каратистский удушающий прием, пока тот не потеряет сознание. Световой саблей…

Ботинки начинают свое движение к нему. Его кровяное давление так высоко, что ему кажется, будто сейчас потеряет сознание. По крайней мере, так будет легче умереть. Чем как? Чем от того, что приготовил для него этот человек? Где копы? Они хотя бы в пути? Ему неоткуда узнать. Ботинки все приближаются и приближаются. Марко затаивает дыхание. Не так он представлял себе свою смерть. Он надеется, что та будет не очень болезненной.

Крадущийся человек сейчас стоит у его стола. Перехватывает

меч более целенаправленно. Марко хотел бы иметь время отправить быстрый бамп Кеке, сказать ей, что он ее любит. Что он любил ее.

Силуэт поднимает ногу и опрокидывает стол, отчего техника Марко разлетается по полу, открывая виду его, лежащего на полу: черепаху без панциря. Он зажмуривает глаза от страха.

Вой в отдалении. Полицейские сирены. Они опоздают всего на несколько минут. Марко представляет Кеке. Это последнее, что он хочет видеть. Но его глаза открываются сами собой: ужас заставляет их открыться.

Меч медленным движением заносят и нацеливают ему на грудь. Он смотрит прямо в глаза своего убийцы. Он удивлен тем, что видит. Это не таец, и вообще не мужчина.

Глава 37

Они падают, как кости домино

Кейт поворачивается к Солан.

— Я не понимаю, почему вы здесь.

— Gришла предупредить тебя и предложить помощь, — говорит она. — У нас есть свое пророчество.

— Какое? — спрашивает Кеке.

— Оно не для ушей гражданских, но должна сказать, что нам нужно, чтобы твой сын жил.

Гражданских? Кейт хватает безумия для одного дня.

— Послушайте, я не знаю, что вы задумали и какова ваша конечная цель, но хочу, чтобы вы не впутывали в это Мэлли.

— Ты не понимаешь, — говорит Солан. — Мы не можем.

— Кто это «мы»?

Она выглядит удивленной.

— «СурроТрайб», конечно же.

— Думаю, вам пора уходить.

— Подожди, — говорит она. — Пожалуйста. Тебе нужно услышать, что я скажу.

— Если вы не можете сказать мне, что вам нужно от моего сына, тогда меня это не интересует.

— Все… сложно.

— Тогда объясните нам простыми словами, — говорит Кеке.

— Позвольте нам помочь, — говорит Солан. — Позвольте нам присмотреть за Мэлли.

— Что вы имеете в виду, говоря о «присмотреть» за ним?

— Позвольте ему отправиться с нами в комплекс.

— Нет! — говорит Кейт. — Ни за что. Вы рехнулись? После того, что произошло сегодня?

— Из-за того, что произошло сегодня! Он будет в большей безопасности с нами, чем с кем бы то ни было еще. Это причина,

по которой я здесь.

— Ни за что я не отпущу его из виду. Вы сошли с ума, думая иначе.

Матриарх начинает злиться. Она пытается не показывать этого, но раздражение отражается в ее глазах.

— Ты не видишь? Это лучший способ защитить его!

Эксперт вмешивается в разговор снова.

— Это хорошая идея, мисс Ловелл. Они там за ним присмотрят.

Солан делает успокаивающий вдох.

— Это единственный способ защитить его. Защитить вас всех.

Разум Кейт представляет собой обрушивающуюся массу поломанных коробок: полусформировавшихся мыслей и историй без развязок. Как ей думать, если такое происходит у нее в голове? Эксперт и Солан смотрят на нее, ожидая ее ответа.

Не могу, хочет сказать она. Нас нельзя разлучать. Но об альтернативе и подумать страшно.

— Если вы не можете рассказать мне, почему он нужен вам живым, — говорит она Солан, — тогда он с вами не пойдет.

Кейт думает о Бетти-Барбаре, тезке бигля и предыдущей владелице. В первый и единственный раз, как девушка повстречала ее на темной подземной парковке, Б/Б предупредила ее о людях, желающих им смерти.

«Щелк, щелк, щелк, — сказала она, щелкая пальцами около уха Кейт. — *Они падают, как костяшки домино»*. Бетти-Барбара была почти сумасшедшей, но была права. Кейт и Сет были бы мертвы без нее.

Кеке внезапно меняется в лице, ее кожа бледнеет.

— Что такое? — спрашивает Кейт. — Кеке?

Подруга прикладывает кончики пальцев к своему «Soulm8». Прощупывает его. Выглядит встревоженной, снимает, трясет рядом с ухом и надевает снова.

— Что? — требует ответа Кейт.

Кеке выглядит так, словно только что увидела призрака.

— Марко, — произносит она обескровленными губами. — Его сердце только что остановилось.

Глава 38

Лишенный сердцебиения

Кеке хватает свою сумку и накидывает куртку, пока Кейт надувает для нее шлем, дрожа от переживаний.

— Куда ты едешь?

Кеке проверяет свой «СнэпТайл». Бамп от медицинской помощи Марко ей, как его экстренному контакту: уведомление, что его везут в «Гордан» на пересечении Чайна-Сити и Сэндтона.

— Они прислали к нам дрона с дефибриллятором, но тот не был активирован, — Кеке нервно улыбается. — Он на пути в больницу, — говорит она, — это же хорошо, верно?

— Да? — Кейт сглатывает. — Они не сказали, что произошло?

Кеке не отвечает. Вероятно, ее нервы так разыгрались, что она ничего не слышит. Девушка снова прощупывает кольцо, закрывает глаза для сосредоточения, но оно лишено сердцебиения.

— Тебе не стоит брать Нину, — говорит Кейт. — Ты в шоке. Возьми такси.

Подруга выхватывает шлем из рук Кейт.

— Я знаю, что ты нуждаешься во мне, — говорит Кеке. — Я вернусь.

Кеке гонит свой мотоцикл по темным и сверкающим улицам города. Несколько беспилотных такси сворачивают к обочине, когда регистрируют ее скорость. Нина ругает ее за превышение скорости через динамик в шлеме, а затем снова, когда Кеке проезжает на красный свет как раз рядом с госпиталем.

— Был красный свет, — произносит электронный голос. — На красном свете светофора следует останавливаться.

Кеке мчится в закрытую зону, паркуется рядом с дверями неотложки. Подбегает к стойке регистрации, где скучающий работник резко переходит во внимание. Она показывает ему бамп, который получила от страховой медицинской компании Марко, и сотрудник нажимает по паре клавиш на допотопной клавиатуре. Кремового цвета, с запачканными пальцами клавишами, издающая при наборе скрипучие звуки.

«Гордан» — лучшая больница в Африке. Это не один из тех пятизвездочных дорогих медицинских центров, в которых только оборудование по последнему слову техники. А шумный медицинский метрополис: широкий спектр пациентов и ведущих врачей. Хирурги со всего мира приезжают сюда преподавать и практиковать: полезный опыт для их портфолио. Хоть больница наполовину приватизирована и хорошо финансируется АНК через национальную политику здравоохранения, здесь всегда ощущается нехватка дополнительных средств, о чем говорит скрипучая клавиатура.

— Он только что поступил из дрона, — сообщает мужчина, показывая наверх. У него нигерийский акцент. — Его сразу же повезли в хирургическое отделение.

Кеке не ждет, когда тот закончит. Игнорирует открытые двери лифта, бежит вверх по лестнице.

— Вам туда нельзя! — кричит врач ей, но остается за

стойкой.

Когда она достигает верхних этажей, ее легкие горят. Девушка останавливается рядом с группой пациентов, поступивших по воздуху. Хлопающие резиновые двери, ведущие от площадки для дронов наверху, напоминают пасть старого динозавра, который извергает каталку за каталкой в коридоры. Их толкают вперед медики, держащие в руках пакеты для внутривенных вливаний и дозы адреналина.

«Ножевая рана! Передозировка! Огнестрельное ранение! Перелом черепа!»

Снова произошла какая-то атака?

— Что произошло? — спрашивает Кеке одного из медиков, не успев отдышаться.

Она не слышит пробки снаружи. Шум лопастей и вой сирен.

Врач хмурится, глядя на нее.

— Что вы имеете в виду?

— Произошла еще одна атака?

— Что?

— Террористическая атака?

Мужчина качает головой.

— Просто еще одна субботняя ночь.

Он проталкивается мимо нее, за ним еще одна грохочущая каталка, и еще одна, и еще. Теплый воздух врывается потоком из темной ночи снаружи, рассевая запах антисептиков. Почему после такого не появляются заголовки? Это как военная зона. Спасибо Сети за роботов хирургов. Люди никогда не смогут управиться с таким количеством раненых. Кеке вернется за историей в следующий раз.

Ее кольцо пульсирует. В ее сердце расцветает надежда. Она ждет следующей вибрации, и как раз перед тем, как она сдается, кольцо пульсирует снова. Девушка бежит к восточному крылу. Несколько сотрудников нерешительно пытаются остановить ее, когда она пробегает мимо них, но они либо слишком заняты, либо слишком равнодушны, чтобы преследовать ее. Или, может быть, просто видят выражение лица Кеке и знают, что ее ничто не остановит.

Она достигает двойных дверей первой операционной, вглядывается внутрь и видит старика, над ногой которого трудится аппарат, выглядящий как строительный кран из титана. Марко не оказывается не во второй, не в третьей операционной. В конце концов, в шестой операционной, Кеке узнает безжизненное тело на операционном столе.

— Марко! — кричит она.

Ее легкие все еще горят, но никто девушку не слышит. От

вида лежащего мертвым грузом на столе парня она почти сгибается пополам. Там рядом с ним есть и человеческие врачи. Они с ног до головы одеты в хирургические костюмы, склоняются над ним, погрузив руки в его грудную полость. Она пытается понять, о чем они говорят. Дверь заглушает все до монотонного шума, но язык их тел выражает отчаянье.

— Такого не может быть, — говорит Кеке.

Обеими руками она держится за дверь, не отрывая глаз от неподвижного тела, которое знает так хорошо. Болит ее собственное сердце, внутренности превратились в комок расплавленных нервов.

— Такого не может быть!

— Разряд, — произносит хирург.

Двое других поднимают свои покрытые латексом руки. Слышится глухой звук разряда, и тело Марко подскакивает. Кольцо Кеке вибрирует. Она усилием воли отстраняется от небольшого оконца из прочного стекла и садится на пол. Всем телом девушка сосредотачивается на кольце на своем пальце.

— Давай же, Марко, — говорит она кольцу.

Но оно больше не пульсирует.

Глава 39

Лишенный запаха

Прошли минуты или часы, когда стальная каталка распахивает двойные двери, и они выкатывают тело Марко из операционной. Кеке поднимает взгляд опухших глаз, словно пробуждаясь ото сна. Она не торопится вставать. Не спешит увидеть труп Марко. Выходят три хирурга, уставшие и забрызганные кровью, их белые мясницкие резиновые галоши поскрипывают на больничном полу. Медсестра, толкающая каталку, смотрит на Кеке с удивлением.

— О, — произносит она.

Даже она в бахилах поверх обуви.

Кеке думает, что молодая женщина прогонит ее.

— Не часто увидишь здесь людей. То есть посетителей, — лишь произносит та.

Ее слабый акцент зулу приносит Кеке небольшое утешение. Она подходит ближе к телу, что лежит на каталке. Берет его за холодную руку. Не понимает, почему кислородная трубка все еще торчит в его горле.

Плечи медсестры расслабляются. На ее бейдже написано: «Медсестра-интерн: Темба».

— Вы идете?

— Куда… — начинает Кеке.

Она не может произнести это слово вслух. В «мертвяцкую»?

Морг.

— В отделение интенсивной терапии.

— Интенсивной терапии? — спрашивает Кеке.

— О! — снова произносит медсестра. — Вы подумали, что он…

— Его сердце перестало биться, — замечает Кеке.

— Да.

— И не начало биться заново.

— Нет. Они пытались запустить его снова. Стентировать. Но это не сработало.

— Знаю.

— Послушайте, — говорит она. — Я лишь интерн. Вам следует быть внизу. Поговорить с координатором. Они знают точно.

— Вы знаете точно, — отвечает Кеке. — Вы везете его в интенсивную терапию. Это значит…

— Он жив, — отвечает интерн.

— Что?

Женщина оглядывает оба конца коридора, словно ожидает, что кто-нибудь придет и накричит на нее.

— Он жив, — снова говорит медсестра. — Пока что. То есть, мы не уверены, что он переживет ночь.

— Жив?

В горле Кеке застревает громкий всхлип. Внезапно она разражается слезами.

— Марко? — говорит девушка, впервые глядя на него после того, как его выкатили из операционной.

— Он в коме, — сообщает интерн.

Кеке прикасается к его лицу: бледному, как молоко. Опускает простынь, которую натянули до подбородка, чтобы обнажить его травмированную грудь: синяки выглядывают из-под водонепроницаемой повязки. На каталке лежит рюкзак, она его не узнает, и пакет на молнии с личными вещами. Рюкзак подсоединен к Марко красной трубкой.

— Пошлите, — говорит медсестра, возвращая простыню на место и медленно толкая вперед каталку, увлекающую с собой и Кеке. — Давайте довезем его в интенсивную терапию и подключим к аппаратам. Похоже вам не повредит чашечка чая.

Как только медсестра привозит Марко в частную палату, Кеке разрешают остаться, покуда она будет исчезать при появлении врачей. Темба проверяет, что у Марко есть все, что ему нужно: кислород, обезболивающие, физраствор, катетер. Она подключает рюкзак к стене, так что все выглядит так, будто Марко тоже туда подключен. Кеке хотела бы, чтобы было так легко вернуть кого-то

жизни.

Когда медсестра возвращается, сняв с себя одежду для операционной, то приносит с собой им обеим по чашечке чая.

— Никому не говорите, — подмигивает она.

Чай налит в тяжелую старую кружку с логотипом больницы «Гордон» сбоку. Это одна из тех кружек-хамелеонов, которые показывают температуру напитка, меняя цвет. Ее окрашена в оранжевый градиент. У Тембы уже выцвела до желтого. Они пьют «Эрл Грей», и Кеке вспоминает Кирстен до того, как та поменяла имя на Кейт. Предыдущую жизнь, когда все кругом еще имело смысл. Или по крайней мере, казалось, что имеет смысл.

— Что это? — спрашивает Кеке, показывая на рюкзак.

— Это его новое сердце.

Ее мозг силится понять.

— Что?

— Это не постоянное решение, очевидно, но его сердце было очень сильно повреждено. Список доноров на пересадку сердца длиной в милю. Это синтетическое сердце — «Кардиоцирк» — по сути аппарат, гоняющий его кровь по телу. И, конечно же, мы делаем ему респинг. Это инъекции роботизированных клеток крови в…

— Я знаю, что такое респинг. Это поможет ему дожить до пересадки нового сердца?

— Надеюсь.

— Надеетесь?

Темба вздыхает и почесывает ногу.

— Знаете, я ненавижу, когда доктора говорят так, потому что звучит противоречиво, но… его состояние критическое, но стабильное.

Кеке с усилием сглатывает, смотря на неподвижное, как у мертвеца, лицо Марко.

— Не думайте о коме плохо. Она ему помогает. Будет очень хорошо, если он переживет ночь. Нам же нужно думать о новом сердце. Вы знаете кого-нибудь в высоких кругах?

Кеке таращится на медсестру. Темба шутит. Наверное.

***

Смена интерна подходит к концу, и она оставляет Кеке с Марко. Чтобы убить время, Кеке разбирает его личные вещи. На нем было немного вещей, когда его госпитализировали. Одежду срезали в операционной, обувь потерялась, но Кеке держит в руках его «СнэпТайл» — устройство, которое он использовал, чтобы позвать на помощь. Она проверяет отправленные письма и

видит бамп в службу спасения. А потом замечает сообщение в папке с черновиками, написанное примерно в то же время, что и экстренное сообщение, но не отправленное. Бамп, адресованный ей, который до нее так и не дошел.

«Тогда-то у него и случился сердечный приступ, — думает Кеке. — *Восемь шестнадцать вечера. Тогда его сердце перестало биться»*. Кеке открывает сообщение. Он напечатал начало послания для нее, зная, что умирает. Ему удалось набрать всего одну букву, прежде чем потерять сознание. «Л».

Она не знает, что об этом думать, и слишком устала, чтобы пытаться понять. Вместо этого она забирается на больничную койку и устраивается рядом с парнем. Девушка боится класть руку ему на грудь, думая, что причинит ему боль, хоть он и в глубокой коме, так что просто утыкается носом ему в шею и вдыхает запах. Она чувствует его аромат даже сквозь медицинский букет на его коже. Это тело было так близко к смерти пару часов назад. Этот запах исчез бы навсегда. Лишенный запаха. Она не может им надышаться.

Солнце медленно встает на востоке, окрашивая больничные окна в цвета золота.

— Я тебя не отпущу, — говорит она. — Не отпущу.

Глава 40

Сирота на поезде

Сет несет чемоданы Сильвер и Себенгайл, а Кейт идет и держит за руки близнецов, которые все еще одеты в пижамы. Два вооруженных охранника следуют за ними. Едва пробило пять утра, и солнце лишь начинает свой восход. Ни Сет, ни Кейт не спали: самолет Сета приземлился в одиннадцать вечера, и как только он добрался до дома, они с Кейт всю ночь обсуждали, что делать. «ИсиФафа» еще не открылся, так что они заняли кабинку в круглосуточном чайном магазинчике с винтажными газетами на стенах. Они заказывают два экстра-больших стаканчика с двойным кофеином и красные капучино для Бонги и детей у бота-официанта. Охранники отвергают предложение Сета угостить их, словно плохую идею.

Сет постукивает по столу, пока они молча ждут прибытия напитков. Глаза Кейт покраснели. Мигающий Розовый. Она хочет взять Сета за руку — его постукивания вызывают маленькие вспышки в ее голове, но не делает этого. Себенгайл кажется отстраненной, потому что, вероятно, беспокоится из-за Мэлли, а может, расстроена, что ее отсылают. Близнецы замечают витрину с пирожными и бросаются к ней, дыша на стекло, из-за чего то запотевает. А потом пальцами рисуют на конденсате. Звезду, дом. Обычно Кейт пожурила бы их, сказала бы отойти от стекла и стереть свои отпечатки, бросая извиняющиеся взгляды на менеджера. Сегодня же она просто молча сидит и наблюдает за их игрой.

— Можно нам пироженок? — спрашивает Сильвер.

Обычно ответом стало бы «нет», но в этот раз Кейт смотрит на Сета, который пожимает плечами.

— Только если вы скажете волшебное слово.

Кейт хочет улыбнуться детям, быть душевной и веселой, но ее лицо напряжено из-за эмоций и нервов.

Близнецы радуются удаче: утреннему приключению и пирожным. Бот-официант возвращается назад, желая знать, сколько капкейков с черным шоколадом принести. Кейт не до капкейков. У нее так пересохло во рту, что ей кажется, будто она не сможет проглотить и кусочка. Себенгайл отводит детей в ванную комнату, чтобы помыть им руки. Один из охранников идет с ними. Другие остаются позади, сканируя пустую платформу.

— Я сомневаюсь, — говорит Кейт. — Так действительно

лучше?

— Да, — говорит Сет. — Так будет легче обезопасить Мэлли.

Она знает. Они повторяют одно и то же, но это решение все еще не дает ей покоя. Еще не поздно передумать. Сет, словно прочитав ее мысли, касается ее руки.

— Она будет в порядке. Нам нужно сосредоточиться на Мэлли. Это он в беде.

— Я тревожусь, что она подумает, будто мы от нее избавляемся. Сирота на поезде. Как те ужасные рассказы на уроках истории в школе.

— Едва ли это то же самое. Это солнечный Дурбан, а не Третья мировая. Сильвер любит бабушку и дедушку. Она хорошо проведет время. Только подумай, сколько мороженого они ей скормят.

— Возможно, так для нее лучше, — соглашается Кейт, скорее, чтобы убедить себя, — впервые в жизни получит безраздельное внимание.

Биологические родители Кейт обрадовались возможности приезда Сильвер и Бонги. Они не понимают, почему не приезжает Мэлли, почему они отправили Сильвер в сопровождении няни и охранника, но Кейт сказала, что объяснит позже, через пару дней, когда они приедут забрать ее.

Это правильное решение. Верный поступок, но в ее мозгу все равно вращается пурпурная спираль, вызывая тошноту. Она допивает кофе и заказывает еще одно.

Полчаса спустя, Кейт так крепко обнимает Сильвер, что маленькая девочка жалуется. После такой большой дозы кофеина, синестезия Кейт пошла на спад, ее чувства притупились. Это как съесть рисовый торт, все равно, что видеть мир в серых тонах.

— Слушайся бабушку с дедушкой, — говорит девушка, передавая Сильвер зайца и похлопав ее по розовому рюкзаку.

Сет просит Себенгайл убедиться, что Сильвер ест здоровую еду и чистит зубы. Бонги кивает. Невероятное трио из охранника, няни и девочки садится на скоростной поезд и идет в первое попавшееся купе, где есть окно, чтобы помахать. На путях раздается звук разблокировки и давление нарастает. Раздаются гудки, предупреждая, что двери сейчас закроются. Кейт испытывает порыв запрыгнуть на поезд, схватить Сильвер и забрать ее домой, но стоит на пустой платформе, замерев от серой боли в сердце. Девочка выглядит счастливой, обрадованной, спокойной, пока двери не закрываются, и поезд не приходит в движение. Тогда ее глаза становятся как блюдца, и она начинает плакать, расстраивая и Мэлли тоже, а затем они оба начинают буквально реветь.

Сет притягивает к себе Мэлли, держит мальчика за плечо, пока тот тянется к своей сестре и плачет. Себенгайл пытается успокоить Сильвер, которая уже дошла до состояния истерики и пытается выбраться из окна. Кейт закрывает лицо руками, сглатывает слезы. Она не хочет, чтобы дети видели, насколько их мама расстроена.

Поезд медленно-медленно отъезжает, а затем набирает скорость и с шипением уносится. Кейт наблюдает за ним, пока тот не становится игрушечного размера и не исчезает в туннеле. Сет поднимает плачущего Мэлли на руки и издает успокаивающие звуки, вытирает ребенку слезы и сопли. Как Сет научился быть таким хорошим отцом, когда у самого не было примера, пока он рос? Она чувствует по отношению к нему прилив благодарности и присоединяется, чтобы обнять их. Девушка больше не слышит поезд.

Глава 41

Твердый камень

Все утро странные медсестры входили и выходили из палаты Марко, чтобы проверить его показатели. Кеке ждет, когда одна из них попросит ее уйти, но они делают вид, что девушки нет, хоть она и лежит прямо рядом с ним, закрыв глазами, но неспособная уснуть. Их доброта делает ее невидимой. Ей приходит в голову мысль, что если она будет прикасаться к нему, если согреет теплом своего тела, тогда у него будет больше шансов выжить. Когда ему приносят завтрак в виде кремово-белой капельницы с кровью IV группы, мышцы, которые она даже не осознавала, что были напряжены, наконец, расслабляются. Он пережил ночь.

Кеке встает, подходит к небольшой белой раковине и моет руки с жидким розовым мылом. Ополаскивает лицо, пьет фильтрованную воду прямо из-под крана. Пьет и пьет, пока твердый ком в горле не смягчается. Нет нужды смотреть на отражение в зеркале — она знает, что выглядит, как развалина, но ей все равно.

Несмотря на то, что Кеке по-быстрому подмывает подмышки, все еще ощущает запах вчерашней паники. Нигде рядом нет дезодоранта, хоть она уверена, что в аптеке внизу они есть. Девушка пытается не размахивать руками, чтобы не вонять, но знает, что ей придется поехать домой за чистой одеждой. Ее «СнэпТайл» жужжал всю ночь из-за сообщений, вероятно, от Кейт. Ей стоит поехать и увидеться с ней, узнать в порядке ли она, в порядке ли Мэлли.

А завтра она должна быть в суде. Нужна подруге. Ей необходимо дома, в душе. Но как она может оставить Марко? Убирает челку с его глаз: материнский жест. Вероятно, ее первый

и, скорее всего, последний. Ее «Тайл» жужжит снова.

ZikZak: Ты должна прийти в суд завтра.

Кех: Хм-м. Ты, бл*ть, рехнулся? ТЫ НЕ получил мое сообщение?

ZikZak: Я знаю, что ты хочешь остаться с М, но это последний день обязанностей п.

Кех: Мне плевать.

ZikZak: Да, тебе плевать.

Кех: Я должна быть здесь.

ZikZak: Марко в коме. Ты ему не нужна.

Кех: А тебе нужна?

ZikZak: Нужна Ланди.

Кех: Ничем не могу ему помочь.

ZikZak: Ты же знаешь, что он невиновен.

Кех: Это лишь теория.

ZikZak: У прокурора тоже лишь теория. Такая, за которую ему дадут пожизненное.

Кех: Я не могу помочь Ланди. Или Нэш. Я ничего не знаю.

ZikZak: Знаешь. Ты просто этого еще не поняла.

Кех: Я не знаю, чего ты от меня хочешь. ZikZak: Знаешь. Увидимся в суде.

Глава 42

Мама

— Вы не можете просто заявиться сюда, — говорит психотерапевт, все еще одетая в серое. Серое лицо, серая одежда и самые строгие брови, какие Кейт только видела. — Я занята другим пациентом. Вам нужно записаться на прием.

Кейт, задыхаясь, переводит взгляд с доктора на пациента, присутствие которого даже не заметила. Мужчина выглядит пристыженным, словно Кейт только что застала его посередине крайне смущающего признания.

— Это срочно, — удается произнести Кейт. — Мой последний шанс.

— Ваш последний шанс? На что?

Кейт забирает из руки пациента очки виртуальной реальности.

— Вы можете прийти потом, хорошо? — спрашивает Кейт.

Он кивает.

— Это абсолютно неподобающе, — говорит Вогз, скрестив руки.

— Только один сеанс, и я больше вас не побеспокою.

Доктор колеблется, почесывает щеку. Мужчина не разговаривает, просто снимает остальное оборудование и,

опустив глаза, передает его Кейт.

— Это профессиональная практика, — произносит женщина. — Этот пациент ждал приема четыре месяца. Я такого не потерплю.

— Такого больше не произойдет.

Женщина выглядит полной сомнений.

— Я обещаю вам, что такого больше не случится. Мы можем начать? У меня мало времени, моя семья в беде.

Доктор таращится на нее, выпрямляет спину и мягко покашливает. Хмурое выражение ее лица смягчается. Возможно, она пытается вернуть маску заботы. Кейт надевает установку.

— Хорошо. Расскажите мне, почему вы здесь.

— Кое-что произошло, — отвечает Кейт.

— Вы желаете поговорить об этом?

— Нет. Я должна стать лучше. Мне нужна ваша помощь.

Женщина смотрит на нее в раздражении, постукивает стило по своему «Тайлу».

— Мне нужно поговорить с Мармеладом, — говорит она.

Вогз качает головой.

— Вы знаете, что терапия погружения работает не так. Мы не общаемся с… мертвыми людьми.

— Моя семья, — говорит Кейт, — мне нужно защитить их. А я не могу этого сделать, если не мыслю ясно. Мне нужно избавиться от этого… этого тумана, одного из симптомов моего ПТСР. Избавиться от этих… ускользающих мыслей. Мне нужно это преодолеть. Я не могу рисковать так, потому что вытаскиваю ночью пистолет или отпускаю руку своего сына в толпе.

Терапевт посасывает нижнюю губу.

— Вы же знаете, что будете разговаривать не с настоящим Джеймсом. Это будет версия его, которую создаст ваш мозг. Из того, что вы о нем знаете, из тех реакций, которые вы от него ожидаете.

— Конечно. Да.

Она проверяет на Кейт оборудование, затем садится и приглаживает свои волосы, словно приводит в порядок свои серые перья.

— Хорошо, — говорит она, нажимая клавишу на голопаде. — Посмотрим, что мы можем сделать.

— Давайте начнем с счастливого воспоминания, — предлагает психотерапевт.

— У меня нет времени на счастливые воспоминания.

— Будет лучше, если мы поступим так. Нам нужно обмануть ваш мозг, чтобы он поверил, будто мы снова в том времени, что все хорошо.

— Правда, у меня нет времени. Мы можем просто…

— Мисс Ловелл. Вы хотите, чтобы это сработало или нет?

Кейт делает глубокий вдох, считает до фиолетового, а затем выдыхает.

— Назад докуда?

— Каково ваше самое яркое воспоминание? Счастливое.

Девушка приходится задуматься. Давно уже она не испытывала счастья.

— Когда я родила Сильвер.

— Давайте начнем с этого.

Комната вокруг Кейт превращается во что-то похожее на номер в отеле. Она в ванной, одетая в бикини без верха. Ее живот огромен, а кожа на пальцах сморщилась из-за воды. Схватки невероятно сильны. Боль прокатывается по всему ее телу волнами, она не может сдержать стоны и пыхтение. Повитуха говорит ей, что она справляется хорошо.

— Еще пару раз потужься, — просит она.

Кейт чувствует головокружение. Роды — восемь часов мучений — уже забрали все ее силы, их больше не осталось. Она чувствует, что вот-вот потеряет сознание. Ей стоило прислушаться к Кеке, когда та предложила сделать кесарево сечение.

Повитуха видит выражение ее лица и сжимает ее плечо.

— Ты справишься.

Кейт не уверена в этом.

Ее мать присела на корточки рядом с ванной и держит Кейт за предплечье.

— Мама, — говорит Кейт.

Она еще ее так не называла. Когда они наконец воссоединились пару месяцев назад, это было как встреча незнакомцев. Да, у них были одинаковые волосы, подбородки, но их разделяли тридцать лет, утерянные детские воспоминания и грызущая Кейт черная дыра — та самая, что была с ней, сколько она себя помнит.

От этого слова на глаза ее матери наворачиваются слезы. Эмоции кружат по комнате, как разноцветная пудра, подхваченная бризом.

— Мама, — произносит она снова.

Ее мать начинает плакать в открытую, прикасается лбом ко лбу Кейт.

— Моя прекрасная Кейт, — хнычет она. — Моя красивая девочка.

— Готовься тужиться, — говорит повитуха.

— Не знаю, смогу ли. Я устала. У меня нет сил.

— Ты можешь, — говорит мать. — Все сможешь. Ты единственная, кто может родить этого ребенка. Мы почти справились.

Кейт возобновляет дыхание. Следующая волна схваток застает ее врасплох. Она накатывает раньше, чем ожидалось, а боль вдвое сильнее.

— Тужься, — говорит повитуха. — Изо всех сил.

Девушка кричит и тужится. Ощущения такие, словно она отдает всю себя, словно после останется пустой и сломанной. Больше уже не будет прежней. Кейт тужится сильнее, а затем будто падает вниз. Когда она уже думает, что умирает, комната взрывается светом и цветом. Накатывает интенсивная боль, когда сначала выскальзывает головка ребенка, а затем и тело, и она ловит его под водой. Ее крики сменяются счастливыми рыданиями, когда она прижимает к груди бледного младенца — девочку. Теплый скользкий вес дочери у груди бесповоротно трогает все ее чувства. В голове больше не осталось слов, лишь сильнейшее сияние.

Она больше не чувствует себя сломанной.

Глава 43

Пленка страха и ужаса

Кеке не может сидеть в комнате присяжных, когда от нее пахнет так, словно она пробежала марафон на метамфетамине — что сразу же приходит в голову, как только она поднимает руки — так что она отчаливает домой на «Нине». Душ смывает пленку ужаса, страха и сердечной боли, покрывающую ее тело, как мембрана. Когда три минуты подходят к концу, раздается звонок таймера, но она остается внутри под струями, не заботясь об ограничениях в использовании воды. Не сегодня. Она съест безуглеродный ланч или сделает еще что-нибудь, чтобы это компенсировать. Не то чтобы у нее был аппетит, но девушка не ела уже двенадцать часов, а это может вызвать проблемы, учитывая ее состояние.

Она надевает кевларовые леггинсы со стимпанковым принтом и облегающий красный топик. Меняет свою кожаную куртку на нечто менее заляпанное кровью: останавливает выбор на своей новой кожаной куртке с текстурой, похожей на сосновую кору. Она не уверена, как это все переживет езду на байке, но есть лишь один способ выяснить. Ее чувство стиля почти полностью диктуется Ниной. И ей это нравится.

Девушка упаковывает вещи и для Марко: его акустическую зубную щетку, лазерную бритву, зарядник на солнечных батареях, набор чистой одежды. Застегивая сумку, она чувствует себя глупо. Ему ничего из этого не понадобиться, но она все равно возьмет,

потому что это приободрит ее саму. Когда Кеке выбегает из квартиры, до нее кое-что доходит: она уверена, он бы захотел иметь под рукой свои наушники с шумоподавлением. Он почти что в них живет, и все знают, что больничный шум невыносим. Она снова открывает дверь и бежит в его мужское логово. От увиденного из ее легких вышибает воздух. Не только его стол лежит на боку, как какое-то мертвое животное с трупным окоченением, но по всему полу разбросана его техника, разбита напрочь. Его шкафчики с данными вывернуты и разграблены.

Ее мозг на мгновение перестает работать, как GPS, перестраивающий маршрут. Она не понимает то, что видит. Значит, у Марко был сердечный приступ. Самое большое разрушение, которое она ожидала увидеть — за исключением повреждений в его груди — пролитую на стол чашку кофе. Вероятно, максимум опрокинутый стул. Но это совсем другое, это злостное нападение.

Кеке пытается включить кое-какое оборудование, но оно либо вообще не включается или же издает опасные электрические звуки, словно готовится осуществить возмездие за предыдущее насилие. Пэтч девушки продолжает пищать, давая ей знать, что она уже на полчаса опаздывает в суд.

Она не снимает перчаток. Южноафриканские полицейские печально известны отношением к своей работе, и даже если они приедут, чтобы снять отпечатки, Кеке догадывается, что сканы отправятся прямиком в какой-нибудь реестр в облаке, чтобы больше не появиться на свет Божий. Большинство преступников осуждают, только если жертвы, друзья или члены семьи жертвы имеют желание заплатить за частную команду «З&П». Команда захвата и преследования — крупный бизнес.

Зак присылает ей бамп, сбивая ее с мыслей. Они уже готовятся решить участь Ланди. Ей нужно приехать. Она разберется с этим бардаком позже. Кеке хватает наушники и закидывает в сумку. Под ними лежит «Тайл» Марко. Треснувший, но, возможно, не совсем сломанный. Когда она его включает, чтобы проверить функционирует ли, замечает на рабочем столе единственный файл под названием «ЛАНДИ».

Она прибывает в здание суда на ревущей «Нине». Вбегает в комнату присяжных и игнорирует кинжалы неодобрительных взглядов от других присутствующих. Запыхавшаяся, она садится рядом с Заком, который приберег для нее место, и улыбается. Член жюри, толкавшая речь, когда Кеке ворвалась сюда, окидывает ее сердитым взглядом и продолжает свою речь, почему она думает, что Ланди виновен. Тело Кеке покалывает из-за нового доказательства: ей не терпится быстрее о нем рассказать.

Другие хотят говорить о временных рамках, психологических портретах и предыдущих инцидентах, а Кеке хочется закричать, что все это не имеет значения. Ничто из этого не имеет значения, потому что она нашла кое-что на «Тайл» Марко, что переворачивает все с ног на голову.

Глава 44

Порыв голубого бриза

— Вы готовы увидеться с Джеймсом? — спрашивает доктор Вогз.

Кейт делает глубокий вдох. Она все еще оправляется после воспоминания о родах. Ей тепло и уютно в постели, она баюкает пятимесячного Мэлли, а на татуированных руках Сета спит запеленатая новорожденная с пучком серебристых волос.

Только посмотрите на нас. Наша забавная маленькая семья. Ее поглощают любовь и сильнейшее чувство благодарности. Это такое теплое, безопасное место, что ей не хочется покидать его, но затем она вспоминает, что на кону.

— Да, — говорит она психотерапевту. — Я готова.

Она переходит из воспоминания в фантазию. Она в их старой квартирке в Иллово. Лес ее растений процветает, каждую поверхность покрывает ностальгия. Она сидит за кухонным столом, перед ней лежит коллекционное издание «Гензель и Гретель» — подарок Джеймса, символ множества вещей. В воздухе плывет запах бергамота.

Внезапно он оказывается сидящим напротив нее. Мужчина выглядит таким настоящим, что Кейт забывает, как дышать.

— Мармелад, — шепотом произносит она.

Он улыбается ей, его глаза блестят, будто он жив-здоров, и не было тех ужасных времен. Взгляд украдкой на его руки выявляет, что у него десять пальцев. Облегчение. Она хочет прикоснуться к нему.

— Котенок, — говорит он. — Боже, я скучаю по тебе.

У Кейт сдавливает грудь, а в носу появляется жжение.

— Я скучаю по тебе. Так сильно скучаю. Ты забрал с собой такую большую часть меня, когда ты…

Остаток предложения застревает у нее в горле.

— Ты прекрасно выглядишь.

— Нет, я выгляжу ужасно.

— Ты прекрасна. Материнство тебе идет.

По ее щекам бегут слезы.

— Не знаю.

— Твои глаза, — говорит он. — Что-то в них изменилось.

Она сознательно разглаживает волосы, а затем вспоминает, что это виртуальная реальность. 5D изображение

суперреалистично, но небольшие детали выдают, что это все не настоящее. Холодильник продолжает то появляться, то исчезать, а ее одежда самопроизвольно меняется.

— Все изменилось, — отвечает она.

— Расскажи мне о них, — просит Джеймс. — О наших детях.

От этой просьбы у нее щемит сердце. Она никогда по-настоящему не признавала, что близнецы никогда не познакомятся со своим биологическим отцом. Прочищает горло, пытается проглотить печаль.

— Они похожи на тебя, — говорит она. — На нас.

Веет голубым бризом. Очередь Джеймса смаргивать слезы.

Кейт наблюдает за тем, как холодильник мерцает. Ее рубашка меняет цвет с белой на голубую, а затем обратно.

— Почему ты захотела увидеться со мной? — спрашивает он.

— Наш мальчик в беде.

— Ты назвала его в честь меня. Мармеладом.

— Это была ошибка.

По его лицу проходит рябь боли.

— Мне было очень больно. Я не могла вынести этого. Ребенок не должен видеть боль на лице матери, когда она зовет его по имени. Теперь мы зовем его Мэлли.

— Девичья фамилия твоей матери.

— Да.

— Что тебе нужно?

— Мне нужно, чтобы ты сказал мне, что делать.

— Никто никогда не указывал тебе, что делать.

— Мне нужен совет. Как их обезопасить. Стоит ли мне отправить его в «СурроТрайб»?

— А что ты думаешь?

— Думаю, он может быть там в безопасности, но откуда мне знать? Откуда мне знать, кому доверять?

— Подожди, — просит он. — Где дети сейчас?

Узор на потолке, покрытом плиткой, вихрится.

— Они в безопасности.

— Где они?

Внутренности Кейт превращаются в холодный металл.

— У них обоих есть телохранители, — говорит Кейт, скорее, чтобы убедить себя. — Сильвер в Дурбане с моими родителями. Мэлли дома с Сетом.

— Котенок, — говорит он, его лицо краснеет и мрачнеет. — Что было самым важным, чему я учил тебя? Урок, который почти погубил тебя.

Она таращится на него, а затем до нее доходит, и она теряет голову от паники. Кейт чувствует, как кровь отливает от ее лица.

Никогда никому не доверяй.

Глава 45

Палач

Кеке поднимает руку.

— Мне есть, что сказать.

— Вам нужно подождать своей очереди, — говорит главный присяжный.

Он присматривает за этим последним слушанием. Он очень крупный мужчина, гора из мяса, одышки и тяжести, словно его тянут вниз метафизические камни в его карманах.

— Вы не понимаете, — говорит Кеке. — У меня есть новая информация.

Мужчина усмехается.

— Нет, мисс Мсиби. Думаю, это вы не понимаете.

— Вы не можете принять этого решения без того, что есть у меня на руках, — говорит Кеке.

— Для доказательств есть время и место, и это не оно.

— Говорю вам, что у меня есть доказательство, которое оправдает обвиняемого, а вам даже неинтересно?

— Мы прослушали все доказательства в ходе суда.

Щеки мужчины начинают заливаться краской то ли от смущения, то ли от гнева.

— Я бы хотел увидеть, — говорит Зак.

— И я, — говорит женщина, рядом с которой Кеке сидела большую часть слушаний. Она одаривает Кеке натянутой улыбкой.

— Ваша работа — быть присяжной, — говорит здоровяк. — А не доказывать что-либо. Не влиять на вынесение суждений. Мы должны следовать процедуре.

Он произносит слова, почти не выдыхая воздух, словно его туша давит ему на легкие.

— Вы готовы отправить невиновного человека в Крим-колонию на всю оставшуюся жизнь ради соблюдения процедуры?

Мужчина игнорирует ее слова.

— Те, кто согласен, что обвиняемый, Мак Ланди, невиновен в убийстве, пожалуйста, проголосуйте сейчас.

Присяжные опускают взгляд на пульты в своих руках и нажимают кнопки. На голоэкране появляются четыре вращающихся зеленых голоса.

— Те, кто согласен, что он виновен, пожалуйста, проголосуйте.

Пять красных баллов на экране.

— Пять голосов, что виновен, и четыре голоса, что невиновен. Как вы знаете, нам нужна разница, как минимум в два голоса,

чтобы вынести приговор или оправдать. Те, кто не голосовал, пожалуйста, обдумайте ваше решение.

Люди снова нажимают на пульты, и Кеке на ум непроизвольно приходит сравнение с аналоговой видеоигрой в палача. В этот раз пять красных и пять зеленых. Два человека все еще не проголосовали.

— Это нелепо! — Кеке встает.

— Предупреждение, мисс Мсиби. Если вы попытаетесь саботировать голосование, вас исключат.

— Вы можете повесить его прямо сейчас с такой-то бюрократией!

Главный присяжный посылает ей взгляд, который может обратить огонь в лед.

Они снова голосуют. Пять на пять.

Мужчина глубоко вздыхает, словно вся тяжесть мира на его плечах.

— Я открываю слово для обсуждения. Пожалуйста, помните, — говорит он, глядя на Кеке, — только для обсуждения и вопросов. Тот, кто попытается повлиять на вердикт, будет удален.

— У меня есть вопрос, — говорит Кеке.

Он закатывает глаза.

— Почему я не удивлен?

— Почему няня не присутствует на слушании?

— Некорректный вопрос.

— Конечно же, корректный, — говорит Зак.

— Вы сказали не влиять на взгляды присяжных в отношении виновности Ланди. Я даже его не упомянула. Я хочу обсудить няню.

— Пусть говорит, — сказал кто-то на другом конце комнаты — женщина с огромной грудью и в экстравагантном шелковом платье. — Мы все хотим послушать, да?

Люди кивают, шепчутся. Главный присяжный поджимает губы и жестом показывает Кеке продолжать.

— У меня есть доказательство, — она достает треснутый «Тайл», — что няня хотела, чтобы мальчик умер.

Раздаются вскрики.

— Глупость какая, — произносит здоровяк, делая вид, что ему смешно.

— Почему глупо, что няня стала бы вредить ребенку? Вы думаете, что собственный отец ребенка вероятнее способен на убийство, чем незнакомка?

— Мисс Мсиби. Всем известно, что «СурроСестры» безукоризненны. Их тестируют и предварительно оценивают на

физическую и моральную устойчивость. Только самые лучшие проходят строгий скрининг.

Его двойной подборок дрожит.

— Неслучайно, что сурросестра не видела это здание суда изнутри.

— Ну, это изменится.

Кеке нажимает кнопку «воспроизведение» на «Тайле», и на доске с голосами появляется проекция. Изображение слегка дрожит, вероятно, из-за поврежденного устройства. Вид соответствует съемке с камеры, низко летящей в районе пригорода: зеленые деревья, крыши с солнечными батареями, изрезанные колеями дороги, напоминающие металлические молнии. Старые бассейны, превратившиеся в каменные сады и роллердромы, изумрудные искусственные газоны. Несколько людей заняты домашними делами, помощница по хозяйству развешивает постиранное белье, ребенок пинает мяч, женщина на каблуках запрыгивает в такси. Стоит дата: 24 января, 2024.

— Что это? — спрашивает он.

— Съемка с дрона, — отвечает Кеке, — доставляющего лекарства.

— Где вы ее достали?

— Это имеет значение?

— Дронам запрещено снимать дорогу до места назначения, — заявляет он. — Это указано в третьей части альманаха восемнадцатого года для непассажирских воздушных судов в пункте о защите частной жизни.

— Это секретно, — говорит Кеке, а затем поправляет себя. — Я имею в виду, что никто из общественности не должен это видеть, только владелец дрона может просматривать детали, связанные с безопасностью, что разрешено в секции «С» этого самого альманаха.

«Спасибо тебе, Марко».

Он сделал эту запись видео ради нее. Она понятия не имела о законодательных нормах.

— Люди постоянно крадут дроны, — говорит Зак. — Это, скорее всего, прямая трансляция обратной связи с владельцем дрона. Что-то вроде «ФайндМайДрон» *(прим.: с англ. «Отыскать мой дрон»)*.

— Ладно, — говорит толстяк. — И что?

Кеке проматывает видеоклип вперед до нужного места. Присяжные садятся и внимательно смотрят.

— Это авеню Аберкон, где живут Ланди.

Ей приходится увеличить, отчего картинка становится менее четкой, но вполне можно понять, что происходит. Когда камера

пролетает над двухэтажным зданием с темно-бордовой облицовкой, в кадре появляется маленький мальчик, стоящий на самом краю крыши, всего в нескольких шагах от открытого мансардного окна. Его колени слегка согнуты, он смотрит на синтетическую траву внизу, словно набираясь смелости прыгнуть.

— Смотрите, — говорит Кеке. — Если вы моргнете, то просмотрите.

Из окна, как молния, вылетает рука взрослого и сталкивает ребенка с крыши. Дрон минует дом и нельзя увидеть того, что стало с упавшим мальчиком.

Среди присяжных раздаются восклицания тревоги и ужаса. Кеке отматывает видео назад и вновь проигрывает этот момент в замедленном темпе. Хоть и нельзя увидеть, кому принадлежит рука, но она определенно женская и совершенно точно не принадлежит Маку Ланди.

Глава 46

«Космик Крим»

— Езжай, бл*ть, быстрее! — кричит Кейт на такси.

— Это зона с ограничением скорости в восемьдесят километров в час. Мы едем на скорости восемьдесят километров в час.

Кейт сжимает зубы и пинает кресло.

— Пожалуйста, воздержитесь от противоправных действий. Эти действия приведут к досрочному завершению поездки.

— Просто езжай быстрее!

Она знает, что такси запрограммировано соблюдать все правила дорожного движения, но не может не кричать.

Такси ускоряется, чтобы обогнать осла тук-тук, но затем снова замедляется до восьмидесяти. Она выглядывает из затонированного окна, пытается не обращать внимания на желтый адреналин в ее крови (кричащий желтый), делающий ее кожу горячей и липкой. Пытается сосредоточиться. Девушка должна сохранять ясную голову, чтобы следить за безопасностью ее детей. Ради этого она и ходила на эту терапию в виртуальной реальности. Она не должна позволять панике завладеть ею. Вытирает свои потные ладони о джинсы. Повышение уровня ее стресса в результате попыток заставить такси ехать быстрее никак не повлияет на машину, такси едет на максимальной возможной для него скорости. Кейт нужно успокоиться. Она пытается выровнять дыхание и смотрит на все еще сухое небо, и понимает, как сильно ей хочется пить. Похоже, ей всегда хочется пить. Так было и до нехватки воды, до засухи? От самой мысли, что вода на плотине Ваал находится на уровне двенадцати процентов, у нее распухает язык.

Кейт рискнула оставить Мэлли дома, чтобы получить помощь и разобраться в своей голове, но лишь еще больше запуталась. Разве не будет иронично, если та мера, на которую она пошла, чтобы помочь себе, чтобы она стала собранной и могла защитить детей, окажется тем, что поставит их жизни под угрозу? У нее болит живот. Сет не отвечает на звонки. Она даже не считала опасным свой уход из дома сегодняшним утром. Не совсем. Там же был Сет, плюс охранники. Конечно же, Мэлли находился там в большей безопасности, чем где-либо еще?

Он в безопасности, говорит она себе, когда они проезжают мимо залитых солнцем зданий и велосипедистов в шлемах в форме головастиков. Он в безопасности.

Они останавливаются на красный свет, и с ними начинает разговаривать билборд.

— Вы попробовали наш новый «Космик Крим»? — спрашивает реклама.

Кейт готова огрызнуться. Она поднимает взгляд на проекцию и видит водоворот белой жидкости, льющейся в чьи-то хлопья. Жидкость блестит и переливается, выглядит замечательно, но Кейт кажется, что на вкус она не очень. Все эти маленькие металлические звездные взрывы и планетная пыль во рту. Но потом ей приходит на ум, что, может быть, кремовая текстура приглушает острые ощущения, и тогда продукт может оказаться довольно неплохим. На следующем кадре женщина добавляет крем в свой кофе и смеется, когда он начинает искриться. Кейт закатывает глаза и отворачивается. В аудиосистеме такси раздается голос мейстера Люмина. Она скорее послушает его, чем дерьмовую рекламу (вероятно) еще более дерьмового продукта. Он смотрит на Кейт с умного зеркала такси, создается ощущение, что он находится в такси с ней, со всем его фирменным импровизированным шармом. Кейт выключает звук снаружи и еще больше затемняет окна.

Лицо Люмина светится, а его голос так успокаивает: он всегда напоминает ей ощущение подобное тому, когда лежишь в постели со свежевыстиранными простынями. Ей нравится слушать, когда он говорит на своем родном языке, хоть она мало что понимает, ей всегда нравились щелкающие и отрывистые звуки языка исикоса. У нее нет слова, чтобы описать, какое успокаивающее воздействие на нее оказывает этот язык, но теперь она будет называть его Космик Крим, сокращение для Космик Крим Без Дерьма.

— Можешь ли ты представить мир, — говорит он, великодушная улыбка ни на миг не сходит с его лица, — свободный от тревог?

Одна из вещей, которые нравятся ей в этих сообщениях в такси — у нее всегда возникает ощущение, что Люмин обращается к ней напрямую. Она не знает, как они этого добиваются. Как будто машина считывает ее эмоциональный статус с пэтча и выдает ей сообщение, которое наиболее подходит к ситуации. В дни, когда она не покидала дом — количество которых начало перевешивать количество тех дней, когда покидала — ему все равно удавалось найти ее, на домашнем экране или в ее новостной ленте тикертейп. Кажется, он знает, когда нужен ей.

— Тебе это может показаться невозможным, — говорит он, — но от тревоги нет пользы никому. Тревога — лишь биопродукт склонности чрезмерно много думать. Hai wena *(прим.: с зулу «А ты думала»)*, это звучит слишком просто? Тебе нужно перестать думать!

Очевидно позабавленный этой мыслью, он усмехается.

— Чтобы исключить тревогу из твоей жизни, тебе нужно понять, что наши души здесь лишь для нашего собственного удовольствия. Не для шопппинга. Не для работы. Не для уплаты налогов. Но для удовольствия. Ты слышала это? — игриво спрашивает он, его глаза блестят. — Наслаждайся!

— Легко сказать, — бормочет Кейт. — Ты просто сидишь на своем золотом троне целыми сутками, а твои миньоны приносят тебе еду на блюдечке.

Это, строго говоря, не совсем верно или справедливо, хотя за Люмином закрепилась репутация сладкоежки. Он известен тем, что зачастую коверкает цитату Джулии Чайлд, говоря: «жизнь без торта всего лишь встреча».

Люмина часто замечают, занимающимся копкой в общественных садах по программе пермакультуры, в захудалых городках и сельской местности. Он постоянно спонсирует общины, ранее находившиеся в неблагоприятном положении, дешевыми зелеными технологиями, которые улучшают качество их жизни. Показывает им, как собирать самодельные холодильники, световые люки, естественные кондиционеры из обрезанных бутылок из-под воды. У него нет пиар-компании, работающей на Люминарию. Вместо этого, горожане, вооруженные своими «Тэлзами», запишут, как он и его люди этим занимаются, и распространят эти записи по социальным сетям. Возможно, это их способ убедить себя в том, что в этом мире все еще существует добро.

— Так мало времени, — говорит он. — Посмотри на меня, мне почти восемьдесят лет, а я чувствую себя ребенком.

Он показывает жест, в котором кончики всех пальцев

касаются друг друга и направлены в небо, обычно используемый в африканской культуре, чтобы обозначить рост ребенка.

— Поверь мне. Однажды ты на миг вырвешься из забот, которые называешь своей жизнью, и поймешь, что жизнь то подходит к концу. Что она уже подходит к концу! Как вечеринка, когда ты слишком занята мыслями о закусках и поддержании разговора, чтобы просто расслабиться и наслаждаться.

Каждый раз, как она упоминает Люмина в разговоре с Сетом, он одаривает ее циничным взглядом, который обычно приберегает для людей, которые все еще курят. Ему нравится говорить, что у него аллергия на «КулЭйд».

— Как ты можешь скептически относиться к пермакультуре? Это не имеет смысла.

— Это не пермакультура, и ты это знаешь. Сет в жизни ничего не выращивал, только если не считать чисто-мясную индейку, которую он спроектировал в лаборатории для «Бильхен» десять лет назад.

— Это монастырь? — спросила Кейт. — Люминария? С золотой краской?

— Да. С золотой краской. То есть, мужчина одевается, как монах, который работает на мельнице сороковых годов, так почему он любит шик?

— Ему нравится этот цвет!

Он посмотрел на нее, будто она сошла с ума.

— Это жизнерадостный цвет. А он жизнерадостный парень. Это приносит ему радость. Кроме того, — сказала Кейт. — Этому мужчине позволено иметь какой-нибудь недостаток. Иначе он будет слишком идеален.

Сет поднял руки вверх.

— Послушай, я не говорю, что он плохой человек. Я просто говорю, что он, вероятно, не святой, каким его все считают.

— Ты думаешь, что у него есть большой, темный секрет?

— Готов поспорить на свой банковский счет. У этого мужчины есть скелеты в шкафу.

— Разве у кого-то их нет?

— Не такие, как у него.

Кейт рассмеялась, представив золотой скелет, вываливающийся из-за скрипящей дверцы шкафа.

Она думает, что все же знает, что его беспокоит. Люминария несколько лет назад опубликовала то, что они назвали «Пророчествами Селестии». Поистине безумные и похожие на библейские изречения вроде: «море поднимется и убьет кучу мужчин, женщин и детей без разбору». Безумные вещи, пока так и не случилось: в двадцать втором году цунами «Индо» смыло

тысячи людей, включая старого коллегу Сета, который работал там и отдыхал. По меньшей мере, двенадцать пророчеств из сотни сбылись.

— Совпадение, — настаивает Сет, но она в этом не так уж уверена.

Такси останавливается, с окон исчезает тонировка, показывая, что они прибыли к многоквартирному дому. Она выбегает из такси. Тело Кейт пробирается к цели, а вот ее разум работает в замедленном режиме, словно Люмин наслал на нее спокойствие. Кейт теперь четко понимает, что ей нужно. Когда она достигает входной двери, все кажется таким же, как и было. Охранники здороваются с ней и открывают дверь, чтобы ее впустить.

— Мэлли? — зовет она, заглядывая в его комнату. — Сет?

Нет ответа. В этот раз она не паникует, просто спокойно ходит из комнаты в комнату в поисках своего сына. Когда ощущение тревоги нарастает, она ее подавляет. Несмотря на это, над ее верхней губой выступает пот. Где они? Почему не отвечают? Затем она вспоминает об охранниках. Те же ли они, которых она оставляла здесь утром? Она не знает. Она толком их не разглядела, их лица частично закрыты этими шлемами в форме панциря черепахи и фиолетовыми очками визорами, которые они носят. Они могут быть кем угодно.

Опять же, кто угодно может быть кем угодно.

Только тот факт, что они работают на охранную компанию, не значит, что они хорошие люди.

Тревога не приносит пользы никому, говорит Люмин в ее голове. Перестань думать.

Уголком глаза она видит, что окно доставки для дронов открыто.

Тело Мэлли через него пролезет.

Она подходит к нему и захлопывает, закрывая на защелку. Проглатывает свое электрически голубое волнение.

Они в комнате-убежище. Они в комнате-убежище, но тогда почему они ей не отвечают?

Она идет и открывает двери комнаты-убежища, открывая виду настоящий хаос: пол усеян железнодорожными путями, обертками от питательных батончиков и рассыпанными зернами попкорна. Мэлли сидит на полу на скрещенных коленях Сета. На них обоих надеты наушники, большими пальцами они управляют игровыми джойстиками, не отрывая глаз от экрана.

Кейт протяжно выдыхает с облегчением. Машет им. Они так увлечены игрой, что едва ее замечают. Она все равно их обнимает.

Глава 47

Органическое мартини и дикий секс

— Боже правый, — произносит женщина рядом с Кеке. — Вы утверждаете, что это рука няни?

Комната взрывается вопросами.

— Миссис Ланди в тот день была на работе, это было подтверждено в ходе суда.

— Вы хотите сказать, что мальчик Ланди был убит? Предумышленно?

— Что после того, как он пережил это падение, он был убит в ванной?

— Это не имеет смысла.

— Зачем няне убивать своего подопечного? Она лишится работы.

— Я ничего не утверждаю, — говорит Кеке, глядя на главного присяжного. — Не хочу влиять на ваши голоса.

Все заговаривают одновременно.

— Ладно, ладно, — говорит мужчина. — Успокойтесь, пожалуйста. Успокойтесь. Не знаю, как я объясню это судьям, но… что еще у вас есть?

Кеке собирается убрать «Тайл» в свою сумку, но ГП качает пальцем и забирает девайс. Охранник приносит ему зеленый пластиковый конверт, он помещает в него «Тайл» и застегивает конверт на молнию. Ставит снаружи печать и расписывается.

Кеке не закончила.

— Когда я впервые увидела это видео, мне вспомнилось интервью с Майлой, няней. Когда копы разговаривали с ней той ночью после того, как мальчик был обнаружен мертвым. Оно было одним из доказательств в комнате виртуальной реальности.

— Да?

Мужчина неожиданно проявляет интерес к тому, что Кеке хочет сказать.

— Ну, когда я заглянула в комнату, на полу у ванного коврика что-то было. Что-то вроде искр. Но, когда я попыталась приглядеться поближе, оно исчезло. Поговорила об этом с посредником виртуальной реальности, и он сказал, что, вероятно, это они оцифровали пол последним.

— Значит, другими словами, — говорит ГП другим, — на полу что-то было, когда они начали записывать сцену преступления, но исчезло до того, как они закончили.

— Именно.

— Вы утверждаете, что сцена преступления была скомпрометирована.

— Но туда никого не впускали, кроме специалиста-

криминалиста по оцифровке.

— Ну…

Мужчина с целым миром на плечах вздыхает.

— К несчастью… зная то, что я знаю о полиции… не совсем невозможно, что туда мог кто-то проскользнуть и убрать то, что вы там видели.

— Но что это было? — спрашивает женщина в шелковом платье.

— Вначале интервью с няней, — говорит Кеке, — на видео с копами. На ней не было ее булавки сурросестры.

Раздается гомон.

— Затем она ушла на перерыв, а когда вернулась, булавка уже была на ней.

ГП приказывает кому-то изъять запись, они проигрывают ее на голоэкране с голосами. Вот она, няня без булавки, а после перерыва булавка на ней.

— Вы видите, как она постоянно прикасается к запястьям? — спрашивает Кеке. — Натягивает рукава, чтобы их прикрыть.

— Она делает это лишь для того, чтобы вытереть слезы, — говорит кто-то.

— Может быть, — говорит она. — Или, может, в ванной комнате произошла борьба, пока она топила мальчика, и ему удалось сорвать с нее булавку и поставить ей на запястье синяк или оцарапать.

— Отец услышал бы борьбу, — замечает кто-то еще.

— Необязательно. Он готовил жаркое на раскаленном масле. Когда я зашла на виртуальную кухню, то не слышала ничего, кроме шипения масла.

— Еще там была музыка, — замечает Зак. — В аудиосистеме играло классическое фортепиано.

— Бланко, — сообщает женщина в шелке. — Я узнаю симфонию «Апарелло» Эдварда Бланко где угодно.

Бланко. Каковы шансы такого совпадения? Она воспринимает это как знак, что Вселенная указывает ей, что находится на верном пути.

— Ах, — произносит главный присяжный, сцепляя ладони вместе. — Какой интересный поворот событий.

Присяжных отпускают до дальнейшего уведомления. Кеке уверена, что ГП рад видеть ее уходящей, но он удивляет, пока другие с шумом уходят, подзывает ее и говорит: «Хорошая работа» и, что он «будет на связи».

Присяжные идут неспешно. Они не хотят уходить, не узнав, что будет дальше. Ланди отпустят? Майлу арестуют? Больше всего, как догадывается Кеке, они хотят знать, почему няня могла

захотеть убить ребенка.

— Наверное, пора прощаться.

Сегодня Зак выглядит особенно модным в своем розовом шелковом галстуке.

— Не так быстро, — отвечает Кеке. — Ты освободился на вторую половину дня, нас ведь отпустили.

— Что у тебя на уме? Органические мартини и дикий секс?

— Я думала о кофе.

Они занимают столик в итальянском гастрономе через дорогу от здания суда. Место называется «ПронтоПринт», и, как следует из названия, не нужно ждать, пока кухня приготовит вам еду. Теперь ее печатают прямо перед вами. Отлично подходит для быстрых ланчей важным адвокатам. Не очень подходит банковскому счету. Кеке распахивает глаза, когда видит экранное меню. Триста шестьдесят восемь ранд за чашечку кофе?

— Я забираю свое предложение, — шутит она.

— Дикого секса?

— Не я предлагала дикий секс, — говорит она. — Я имела в виду предложение заплатить за кофе.

Зак добавляет в заказ каждому из них по шоколадному круассану, а Кеке проверяет время на своем «СнэпТайл». Там сообщение от полиции с новостями по прогрессу в расследовании, который, что неудивительно, равен нулю.

— Тебе нужно быть где-то еще?

— Да. В больнице.

— Ох, дерьмо, — лицо Зака мрачнеет. — Совсем забыл. Извини. Как он?

— Пережил ночь. Так они мне говорят, словно меня там не было, и я не проверяла, дышит ли он каждые пять минут.

— Мне правда жаль. Я могу чем-то помочь?

— Ты уже помогаешь.

Кеке доедает свой круассан.

— Я имею в виду чем-то большим, чем кофе.

— Мне нужно обсудить это. Дело Ланди.

— Ты раскрыла его. Ты потрясающая девушка.

— Заткнись.

— Серьезно. О чем тут говорить?

— Зачем няне убивать ребенка?

— Кто знает. Это имеет значение?

Дорогой кофе пробуждает в голове Кеке идею. Хелена Нэш обвинила их в «распитии баснословно дорогого кофе и в том, что они считают, что все просто ох*еть как замечательно».

— Хелена Нэш. Она была бухгалтером, верно?

— Да? — спрашивает Зак.

— Она работала полный рабочий день. Так что…

— Что?

— Так что, скорее всего, у нее тоже была няня. Каковы шансы, что это была та же самая няня?

— Срань Господня, — ругается Зак.

Кеке звонит на угольный завод. Тратит пять минут на то, чтобы убедить оператора позволить ей поговорить с Нэш, и, наконец, осужденной дают трубку. Зак выглядит так, словно не в своей тарелке. Кеке надевает наушник, а затем морщится, когда Нэш прочищает горло прямо в динамик.

— Да?

— У вас была няня? — спрашивает Кеке.

— Что?

— Вы нанимали няню для вашей дочери?

— Это говорит та журналистка? Кекки?

— Няня работала? В ту ночь?

— Нет.

— Вы уверены?

— Она не работала по ночам.

— Но она там была? — шепотом спрашивает Зак.

— Она находилась в доме? — задает вопрос Кеке.

— Там еще кто-то есть? Кто там? Что происходит?

— Хелена. Пожалуйста. Няня находилась в доме в ту ночь, когда ваша дочь упала с лестницы?

— Да, — отвечает Нэш. — Да. Она всегда там была. Няней была с проживанием. Ее комната наверху.

— Она находилась поблизости, ну, знаете, когда вы той ночью наливали себе напиток?

Краткое молчание.

— Алло? — спрашивает Кеке. — Вы все еще здесь?

— Боже правый, — произносит Нэш. — Вы говорите то, что я думаю?

Глава 48

Твердая жемчужина

— Кейт, Кейт, — произносит Кеке в трубку.

На линии раздаются статические помехи и другие шумы. Жужжание. Вибрации. Должно быть, она звонит по своему шлему.

У Кейт подскакивает сердце. Ее взгляд, не видя, падает на Мэлли, который играет в машинки на ковре.

— Кеке? Ох, нет. Я пыталась связаться с тобой. Не говори мне…

— Марко жив.

— О, слава богам.

— Мне нужно с тобой поговорить. Рассказать тебе кое-что.

Прошлый раз, как она услышала эти слова от Кеке, они вынудили ее бежать, и эта информация спасла ей жизнь.

— Я слушаю.

Она уходит в комнату-убежище, так как там лучше ловит связь.

— Где Мэлли? — спрашивает Кеке. — Пожалуйста, скажи мне, ты с ним?

— Я с ним. И Сет здесь. И охранник. Мы в безопасности.

— Марко оставил мне пару записей на его старом…

— Что? — спрашивает Кейт.

— Мертвый… — голос Кеке трещит, как обертка из фольги.

— Что?

— Поэтому я и звоню… выяснилось… няня Ланди…

— Я тебя не слышу.

Кейт напрягает слух.

Связь настолько плоха, что Кейт слышит только обрывки фраз.

— Это… трайб… малышей. Няни… — и связь оборвалась.

— Кеке?

Кейт пытается перезвонить, но звонок не идет. Раздается звонок в дверь.

Девушка открывает дверь, и внутрь входит Солан. Охранник коротко кивает ей и снова закрывает дверь, а она запирает все три запора.

Платье Солан белое, блестящее. Как твердая жемчужина во рту Кейт.

— Хочу поблагодарить вас за предупреждение.

— И в чем смысл? — спрашивает Солан с непроницаемым лицом. — Быть предупрежденной, и ничего не делать?

— Мы наняли охрану. Мы…

Солан оглядывается вокруг.

— Где мальчик?

Кейт хмурится.

— Что такое? Что происходит?

— Я думала, что выразилась ясно.

— Почему вы вернулись? Что вы здесь делаете?

Солан начинает высматривать Мэлли. Проверяет его комнату, а затем ванную.

— Он в комнате-убежище с Сетом, — отвечает Кейт, следуя за ней по пятам. — Он в порядке.

Женщина направляется в белую комнату и распахивает дверь. Мэлли поднимает взгляд вверх, он наполовину разыграл автомобильную аварию, и улыбается.

— Привет, Солан, — говорит он.

Глава 49

Ужасная ошибка

«Что? — думает Кейт. — *Откуда он знает ее имя?»*

— Мэлли, — тепло произносит Солан.

Сет выглядит таким же растерянным, как Кейт себя чувствует.

— Откуда ты знаешь Солан?

Кейт пытается сохранять тон легким, несмотря на тяжелое ощущение внутри.

— Солан — мой особенный друг.

Он катит машинку вверх по ноге Сета, облаченной в джинсу. Сет хватает его и усаживает к себе на колени, обнимает в защитном жесте.

— Что здесь происходит?

Солан снимает колпачок со своего бальзама для губ и проводит им по губам.

— Мой единственный порок, — говорит она, наставляя его на них, вокруг ее глаз собираются морщинки. — Я привязываюсь к вещам.

Такое ощущение, что она готовится к чему-то. Кейт чувствует запах искусственных фруктов (Дешевая Вишня).

Что сказала Кеке? Что-то о нянях и о «СурроТрайб».

— Думаю, вам стоит уйти, — говорит Кейт.

— Я уйду, — отвечает Солан. — Но мне нужно забрать мальчика.

— Них*я подобного, — возражает Сет, сильнее обнимая Мэлли.

Мэлли притворяется, что напугался матерного слова, и делает лицо рыбкой.

— У мальчика есть имя, — говорит Кейт, — и мы уже это обсуждали. Вы никуда его не заберете.

— Я хотела дать вам последний шанс поступить правильно, — говорит Солан. — Чтобы спасти вашего сына.

Мэлли пытается выбраться из рук Сета.

— Все хорошо, мам, — говорит он. — Я хочу пойти.

— Что?

Он прищуривает глаза и цитирует строчку: «Придет день, когда последний мальчик отправится к солнцу, и так он спасет мир».

— Что? Что это? Где ты это услышал?

— Это пророчество, — говорит он.

Он смотрит в глаза Кейт пронзительным взглядом. На секунду Кейт кажется, что он другой, кто-то еще, не совсем человек, ощущение такое, будто кто-то прижал ей к позвоночнику

кубик льда. Затем этот момент проходит, и она снова видит своего сына, ее мальчика из-плоти-и-крови.

— Тогда пошли, — говорит Солан Мэлли, протягивая руку.

Мэлли берет ее без колебаний.

— Оставь его, — рычит Сет, вставая, и выхватывает руку Мэлли из ладони матриарха.

Похоже, что Солан хочет схватить его руку снова, но она знает, что ей не выиграть эту битву. Не здесь. Не сегодня.

***

Через две минуты после ухода хмурой Солан, появляется Кеке.

— Солан только что была здесь, — говорит Кейт, и Кеке застывает на месте.

— Пожалуйста, скажи мне, что…

— Я не отпустила его с ней.

Она хватается за сердце.

— Я боялась, что опоздаю.

— Опоздаешь?

— Няни, — говорит Кеке, не успев отдышаться. — Но я не знаю, почему.

— Что?

— Няня убила ребенка Ланди. Ребенка Нэш. Напечатанных детей. Все мертвы.

У Кейт голова идет кругом.

— Что?

— Сурроняни, — говорит Кеке. — Это они убивают детей «Генезиса».

Звенит пэтч Кейт. Она проверяет свой хеликс, видит, что звонит ее мать, и нажимает принять вызов.

— Это моя мать, — одними губами говорит она Кеке. — Мама, как ты? Все в порядке?

— Милая, я перепутала день?

У Кейт мгновенно пересыхает во рту. Лимонная Мякоть.

— О чем ты?

— Я на станции скорых поездов. Я думала, ты сказала, что они приедут на «ДБН930»? Они не сели на поезд?

Кейт проверяет время. Сейчас десять пятнадцать.

— Они сели в девять тридцать. Я лично посадила их на поезд в это время. Они должны были прибыть в Дурбан в полдесятого.

— Дорогая, их здесь нет. Я лично проверила салон. Абсолютно пуст.

— Пожалуйста, проверь снова. Они должны быть там.

— Поезд уехал. Пятнадцать минут назад. На пути в Йобург.

В голове Кейт взрываются проклятья, как пейнтбольные выстрелы цвета ночной тьмы.

— Ох, нет, — произносит она. — О, нет, нет, нет, нет.

Раздается бьющийся звук. Она опускает взгляд и видит, что на полу лежит разбитая кружка, которую она даже не помнила, что держала в руках. Прибегает Сет с Мэлли на руках, приветствуя Кеке приподнятыми бровями.

— Алло? — говорит мать Кейт. — Кейт?

Но Кейт лишилась дара речи. Бестелесный голос Энн продолжает.

— Мне подождать здесь? Я не знаю, что делать. Ты пыталась позвонить тому охраннику или няне?

Кейт завершает звонок. Сет выглядит встревоженным.

— Кто это был? Что не так?

— Ты белая, как полотно.

Кейт смотрит на Сета. Ей с трудом удается выдавить слова.

— Мы совершили ужасную ошибку.

Она чувствует, как у нее земля уходит из-под ног, и ставит ладони на стол, чтобы восстановить равновесие.

Сет опускает Мэлли на пол.

— Бл*ть, Кейт, что случилось?

Звенит его пэтч, не глядя, кто там, он ставит звонок на беззвучный.

— Ответь, — Кейт видит, что он не хочет этого делать. — Ответь!

Он нажимает на свой пэтч, отрывисто рявкает: «Алло». Должно быть, он случайно нажал дважды, потому что появляется небольшая голограмма эксперта «Сейфгард».

— Мистер Деникер, — говорит он. — У нас есть плохие новости.

— Отправляйся в свою комнату, — говорит Кейт Мэлли.

— Не хочу!

— Иди в свою комнату и надень наушники.

Он хочет воспротивиться, но, похоже, передумывает и идет в свою спальню.

— Что такое? — спрашивает Сет человека из «Сейфгард», который прочищает горло.

— Вероятно, вам стоит присесть.

— Вы потеряли Сильвер, — говорит он.

— Наш человек, сопровождавший вашу дочь, найден мертвым на следующей станции. Его чип перестал отслеживаться в Ривонии. Тело нашли в комнате отдыха. Его задушили гарротой. Наш местный коронер говорит, что это произошло несколько

часов назад.

Сет закрывает лицо руками. Пинком опрокидывает кухонный стул. Стул громко грохочет по плитке.

— Что с Сильвер?

— Пропала.

— Что? — кричит Кейт на голограмму

— Мы делаем все возможное, чтобы найти их.

— Нет, — произносит Кейт. — Этого не может быть. Я не понимаю. Они должны были нацелиться на Мэлли. В опасности Мэлли.

Лицо мужчины из «Сейфгард» выражает беспокойство.

Кейт сглатывает подступающую желчь.

— Вы еще что-то хотите добавить?

— Ну, — начинает он, и умолкает.

— Рассказывайте.

— Еще мы нашли багаж Сильвер. Плюшевого кролика, розовый рюкзак с ее именем, брошенные в туалетной кабинке.

От этой новой информации Кейт сгибается пополам. Она упирается ладонями в колени и пытается дышать.

— Вы уверены? — спрашивает Сет. — Что там больше не было… других тел?

— Мы все тщательно прочесали. Если честно, мы ожидали найти тело няни, но нет.

— Вы его и не найдете, — говорит Кейт, внутри нее ужас клубится, как дым. — Вы не найдете тело няни. Потому что это она забрала Сильвер.

Кейт чувствует себя так, словно находится на одной из тех старых школьных ярмарок, когда тебя кружат так сильно, что перегрузка вжимает тебя в стену, а опора под ногами будто исчезает. Полосатые леденцы из тростникового сахара, засохший попкорн, налипшая на зубы ириска, и дети, визжащие дети, а затем ее рвет, рвет сильно, прямо на кухонный пол.

— Давай присядем.

Сет пытается усадить ее на кресло.

— Нет, — протестует Кейт, отталкивая их обоих. — Я никуда не сяду. Нам нужно идти. Нам нужно найти Сильвер.

Кейт не может поверить, что произнесла эти слова вслух. Такое ощущение, что она всегда знала, что нечто подобное произойдет. Списывала все на последствия травмы — паранойю с золотыми краями, которая порхает вокруг нее, словно бабочка смерти — но глубоко внутри, всегда знала, что так произойдет.

— Есть еще кое-что, — говорит Кеке, кусая губу.

Кейт и Сет стреляют в нее взглядами.

— Я не была уверена, что это имеет отношение, но теперь я…

я не знаю. Думаю, может быть.

— Что-то касательно суда? — спрашивает Сет.

— Марко.

Кейт сложно сосредоточиться на разговоре. Она хочет знать, что скажет Кеке, но ее разум словно разделился на два окна: одно показывает то, что происходит сейчас, на кухне, а другое показывает ее маленькую девочку, напуганную, одинокую или еще хуже… Мысль о том, что Сильвер причинили боль… она не может ее вынести. Кислотно-зеленое предательство разъедает ее внутренности. Она вспоминает все разы, когда Себенгайл кормила детей, играла с ними в игры, смеялась с ними, обнимала. Она вспоминает о своей собственной привязанности к женщине, которая миллиметр за миллиметром, проникала в самое сердце семьи. Но еще она представляет черные щупальца Бонги, сворачивающиеся вокруг ее сердца, готовые медленно задушить его.

Глава 50

Свидетельские показания из могилы

Медсестра-интерн ставит свой остывший чай и приветствует Кеке, как старую подругу.

— Ты привела подкрепление, — говорит Темба, глядя на потрепанную группу из Кеке, Кейт, Сета и похожего на обезьянку Мэлли, цепляющегося за ногу Сета.

Охранник растворяется на заднем плане. Мальчик никогда прежде не бывал в больнице, но что-то в этом месте его пугает.

— Мне здесь не нравится, — продолжает твердить он.

— Никому не нравятся больницы.

У Сета ходят желваки. Должно быть из-за вида Марко, лежащего на постели, бледного, как мертвец. Кейт знала, что тот тяжело болен, практически при смерти, но невыносимо видеть его так похожим на труп.

— Что за четыре-один-один? — спрашивает Кеке медсестру.

Она подходит к постели и берет Марко за руку. Новые провода и трубки покрывают все его тело. Показания датчиков звучат обнадеживающе.

— Вероятно, тебе стоит спросить об этом врача.

Сет сидит в углу, подальше ото всех, сосредоточившись в своем «СнэпТайл».

— Я хочу услышать твое мнение, — говорит Кеке. — Ты за ним присматриваешь.

Темба разглаживает свою медсестринскую униформу.

— Он справляется не так хорошо, как мы надеялись.

Кейт раздражена слезой, покатившейся по ее щеке. Она стирает ее и обмахивает лицо, чтобы высушить остальные. Тик,

который малоэффективен.

— Мы ожидали некоторого увеличения независимой активности.

— Что он проснется? — спрашивает Кеке.

Медсестра кивает.

— Или, по крайней мере, покажет признаки, что скоро проснется. Но, он похоже…

— Он в более глубокой коме, — отвечает Кеке. — В полной отключке.

— Да.

Чтобы скрыть свои эмоции, Кеке старается занять руки. Она достает из шкафа покрывало и укрывает им Марко, открывает окно и наведывается в его холодильник-бар за напитками. Сет стучит по своему экрану. Все ведут себя странно, словно на их реальность наложили новый странный фильтр. Кейт застряла в странном подвешенном состоянии: отчаянно желает искать Сильвер, но застряла в этом замедленном промежутке между незнанием. Она продолжает проверять свой хеликс на предмет сообщений от похитителей, но там пусто.

В дверях появляется мужчина. У него длинные черные волосы, которые покоятся на его плечах толстой косой. Она зафиксирована декоративными стальными зажимами, которые соответствуют остальному пирсингу: в брови, в носу, на губе. Его одежда такого же цвета, как и волосы. Он вообще не выглядит как врач, но к его рубашке прикреплена бирка профессионального медицинского работника.

— Ну и ну, — произносит он, изучая взглядом комнату.

У него глубокий и звучный голос. Урчанье черной спортивной тачки.

— Док, — говорит Кекелетсо. — Спасибо, что пришли.

Она представляет других, но Сет едва ли поднимает взгляд от своего занятия. Мэлли выглядывает из своего места для пряток под монитором давления.

— Это человек, который поможет нам найти Сильвер.

Сет поднимает взгляд, хмурясь.

— Мне жаль, что мы снова встречаемся при таких печальных обстоятельствах, — мрачный Док подходит к неподвижному телу Марко и осматривает его. — Чем я могу помочь?

— Нам нужно получить доступ к записи с киберлинз Марко.

Доктор спокоен и нетороплив.

— Вы же знаете, что нам такое запрещено. Мы обсуждали это до операции на хрусталике.

— Я знаю, что мы обсуждали, но это чрезвычайный случай.

— То, что видел Марко, принадлежит лично ему. Вне тела

нет никакого записывающего устройства. У нас строгая политика по разным юридическим причинам.

— Я знаю, но…

— Но?

— Я прочитала кое-что. О суде по делу об убийстве в США, знаменательном деле. Показания из могилы…

Темный Доктор поднимает руку. Это холст для ультратонких татуировок черными чернилами.

— Я знаю, что вы собираетесь сказать. Дело Радфорда. Мелисса Радфорд была застрелена ее партнером.

Кеке поворачивается к Кейт.

— Они использовали съемку с кибернетических линз жертвы — у нее была такая же, как у Марко — в качестве улики, чтобы приговорить преступника.

— Так что это не невозможно, — говорит Кейт. — Получить доступ к съемке. Просто ваша политика вам этого не позволяет.

— Это чревато юридическими последствиями, — отвечает доктор. — Но мы не можем сделать этого не поэтому.

Он смотрит на Кеке с привязанностью.

— Ты же знаешь, что я сделаю ради тебя все.

— Нам нужна съемка, чтобы выяснить, кто сделал это с ним. Чтобы защитить его от дальнейших нападений.

— Мы думаем, что это те же люди, что похитили мою дочь, — говорит Кейт. — Это вопрос жизни и смерти.

— Вот видите, поэтому я и не могу сделать этого, — говорит он. — Причина, по которой команда в Штатах смогла извлечь записи Радфорд… жертвы. Она умерла. Ее смерть уничтожила частное соглашение, которое она заключила с хирургической технологической компанией, имплантировавшей ее линзы. Ограничения были сняты, и это больше не было сложным с точки зрения морали решением.

— Меня не еб*т частные соглашения, — говорит Кейт. — Моя маленькая девочка пропала.

— Послушайте, я же говорил вам… меня меньше волнует юридическая сторона вопроса, сколько…

— Сколько?

— Состояние Марко. Меня уведомили о его состоянии. Оно нестабильно.

— И какое это имеет отношение?

— Чтобы получить записи, нам нужно…

— Оперировать?

— Помните, — говорит доктор. — Имплантат постоянен. Это буквально часть его глаза. Его нельзя удалить.

— О, — произносит Кейт, начиная понимать.

Кеке застывает.

— Чтобы получить доступ к записи, — говорит мрачный док, — нам придется удалить ему глаз.

Глава 51

Ядерный город-призрак

— Мы ошибались по поводу «Сурротрайб», — говорит Сет, вставая из-за импровизированного стола в углу в виде больничного подноса для еды. — Это не они за этим стоят.

— Откуда ты знаешь?

— Я пропустил фото Себенгайл через свой «ФузиформДжи», чтобы получить карту ее лица, а затем сверил со списком сурросестер.

— Где ты достал список?

— На их официальном сайте. Он в общем доступе.

— Совпадений нет? — спрашивает Кеке.

— Совпадений нет, — отвечает Сет.

Кейт холодно. Ледяной кубик у ее шеи. Как она могла быть такой безрассудной?

— Но мы же проверяли, что она имеет лицензию, так? — спрашивает Кейт. — Когда ее впервые нам порекомендовали? Мы проверяли ее.

— Конечно, проверяли, — говорит Сет. — Я предполагаю, что, кто бы ни внедрил ее в нашу жизнь, он создал некую сложную маску на сайте сурросестер. Временно наложил поддельный список для нашей проверки.

— И мы на это купились? Как мы могли быть такими глупыми?

— Мы купились, как и другие родители, которые теперь горюют по своим детям.

— Не говори так, — говорит Кейт с горящими глазами. — Не говори мне о горюющих родителях.

Марко лежит без движений.

— Мы должны убедиться, — замечает Кеке. — Лицевые карты не на сто процентов точны. Пробей ее ДНК-код.

— У нас его нет, — отвечает Сет. — Или есть?

— У меня есть, — говорит Кейт. — Он был нужен мне, чтобы зарегистрировать ее для уплаты налогов.

Кейт отправляет Сету профильный код ДНК няни, и опять никакого совпадения на сайте сурросестер.

Темба проверяет Марко, а затем мягко выманивает Мэлли из-под оборудования пакетиком «Холли Моллиз».

— Подождите, — говорит Кеке. — Что насчет сурросестер в черном списке?

Каждая сурросестра, нарушившая этику, лишается своей

булавки и помещается в черный список. Некоторые из женщин, которые когда-то жили и дышали своим предназначением в качестве суррогатных матерей, воспринимают кажущийся бездушным кастинг близко к сердцу. Они становятся наркоманками, проститутками или жертвами суицида. Черный список — медленно растущая директория, плывущая по течениям темной паутины. Сет пробивает ДНК-код Себенгайл, но опять совпадений нет, словно ее никогда и не существовало.

Кейт смотрит на доктора.

— Сделайте это.

— Ты спятила? — спрашивает Кеке. — Удалить ему глаз?

— Это единственный способ.

— Это его глаз, Боже правый!

— Подумай о Сильвер. Подумай о том, как ей страшно. Ты знаешь, скольких детей убили эти люди?

— Мы этого не знаем. Не знаем, те же ли это люди.

— Конечно же, это те же бл*дские люди! Марко был в абсолютной безопасности, пока не узнал о том, что убивают детей «Генезиса».

— Не спорьте, — произносит доктор глубоким, безразличным тоном, подняв вверх свои татуированные ладони. — Нет смысла спорить. Я не стану оперировать, и никто не станет.

Он готовится уйти.

— Неправда, — говорит Кейт. — Всегда найдется тот, кто станет. Кеке, прошу тебя, — умоляет Кейт с отчаянным выражением лица. — Пожалуйста. Нам нужно знать. Нам нужно знать!

— Ты не можешь ставить ее в такое положение, — тихо произносит Сет. — Это невозможно. Несправедливо.

— Нет никаких положений! — кричит Кейт. — Нет никакой справедливости в этой ситуации! Эти люди похитили нашу дочь, и нам нужно идти и искать ее. Вся информация здесь.

— Я не могу, — отвечает Кеке, качая головой. — Не могу сделать это с Марко. Мне жаль.

Кейт напрягается всем телом. Ее руки сжимаются в кулаки.

— Ты даже не знаешь, проснется ли он.

Эти слова ужасны на вкус. Горькие и резкие. Словно горящий клинок.

Кейт понимает, что с ее лица капает. Она вытирает слезы. У нее нет времени на эмоции. Сет подходит к ней ближе, притягивает в объятия. Девушка расслабляется и рыдает, уткнувшись ему в плечо, повторяет один и тот же вопрос снова и снова.

— Как это может происходить?

Лицо Кеке превращается в темную маску боли.

Пэтч Кейт звенит, возвращая ее в настоящий момент. Неизвестный номер.

Неизвестный: У нас твоя дочь.

Кейт трясущимися руками показывает Сету экран своего хеликса.

— Спроси их, чего они от нас хотят, — говорит Сет.

— Я уже знаю ответ.

КиттиКейт: Чего вы хотите?

Они смотрят на экран в тишине и ужасе.

Неизвестный: Встретиться.

Похититель контакт присылает маркер GPS местоположения в Спрингс, в сорока километрах к востоку от Йоханнесбурга. В пять вечера. Всплывает солнечная эмоджи-голограмма, улыбающаяся им солнечными лучами. На ней надпись «СОЛАР-СИТИ».

— Спрингс? — спрашивает Кейт. — Мы не можем туда поехать. Он все еще в красной зоне. Это еб*ный ядерный город-призрак.

Так как авария на атомной электростанции разрушила это место, город стал не пригодным для проживания людей. Там нельзя заниматься фермерством или добычей ресурсов. Правительство купило весь участок и превратило его в крупнейшую в Африке солнечную ферму.

— Они открыли часть города, — говорит Сет. — Для рабочих.

Журналисты, которые были достаточно смелы и/или настолько глупы, чтобы документировать разрушения в течение первых нескольких лет после аварии, прислали обратно изображения, достойные научной фантастики: тысячи сверкающих солнечных панелей в безлюдной радиационной пустоши.

— Я видела фотографии. Те ребята работали в химзащите и противогазах.

Продуктовые магазины, гостиницы и жилые дома остались такими же, какими они были в день катастрофы, выглядя как злосчастный музей. Полки с хлопьями в идеальном порядке, за исключением одной упаковки, которая упала на пол и так осталась там лежать. Косо лежащая салфетка на брошенном чайном подносе, в кувшине для молока осталось только черное

пятно. Ни одного живого растения на мили. Все покрыто толстым слоем пыли и опустошения.

— Там все еще очень опасный уровень радиации, — говорит медсестра. — К нам иногда обращаются за лечением люди, но нам приходится давать им от ворот поворот. Они слишком опасны для других пациентов. Это зама-замас *(прим.: дословно переводится с зулу, как «люди, пытающиеся получить что-то из ничего»)*. Они думают, что если приедут в Джози, то смогут сбагрить ворованное. Но эти вещи старые и практически светятся из-за радиации.

— Зама-замас?

— Авантюристы, — отвечает Кеке. — Они ходят грабить опустевшие магазины.

— Но они либо умирают там или выходят оттуда зараженными, и мы не можем помочь им. Никто не может.

— Мы не можем пойти туда, — говорит Кейт. — Ведь так?

Сет трет глаза.

— Не думаю, что у нас есть выбор.

Неизвестный: 5 часов вечера. Никаких копов, никаких охранников, никаких игр.

— Это в двух часах пути. У нас уйдет почти час, чтобы добраться туда. Нам лучше выезжать сейчас.

Неизвестный: Возьмите с собой Мэлли.

— Конечно, — говорит Кейт. — Конечно же.

— Что?

— Они хотят, чтобы мы привели Мэлли.

Мальчик поднимает взгляд от своего угощения.

— Что мамочка? Что?

— Ничего, сосисочка, — отвечает Кейт.

Сет произносит сквозь сжатые зубы.

— Мы, бл*ть, не возьмем Мэлли.

— Они хотят обменять на него Сильвер.

Конечно же, они не могут и не станут брать с собой Мэлли. Это все равно, что подписать ему смертный приговор.

Неизвестный: Возьмите с собой Мэлли, или Сильвер умрет.

Глава 52

Визжащий моллюск

Из-за крика Мэлли в глаза Кейт словно вонзаются осколки

стекла. Он вцепился в ее ногу и отказывался отпускать. Визжащий моллюск.

— Отпусти, Мэлли, Бога ради, — говорит Сет, пытаясь отодрать его.

Его крики становятся лишь еще громче. Темба выглядит обеспокоенной всем этим шумом, тревожится из-за других пациентов. Машет перед Мэлли еще одним угощением, но его глаза зажмурены так крепко, что он не видит ни ее, ни пакетика со вкусняшками.

— Мы вернемся, — говорит Кейт, приглаживая его волосы. — Нам лишь нужно съездить и увидеться кое с кем, затем мы вернемся назад, и все будет хорошо. Вот увидишь.

Сет стреляет в нее взглядом. Да, это ложь, но что еще она должна сказать?

— Я хочу поехать с вами! — вопит он. — Ненавижу это место!

— Отпусти.

Еще больше плача и скрежета зубов.

— Нам нужно уходить сейчас, — говорит Сет, проверяя свой «СнэпТайл». На нем бамп от Арронакс: копия подписанной накладной, подтверждающей доставку из «Наутилус» в его квартиру.

— Превосходно, — говорит он, но никто не слышит его из-за шума.

Медсестра выскакивает из палаты и возвращается минутой спустя с небольшим небулайзером. Она нажимает на него, и оттуда с шипением выходит облако цвета розовой сахарной ваты. В воздухе плывет аромат искусственной ванили. Она помещает небулайзер у рта и носа Мэлли. Поначалу он борется, но, когда он вдыхает сладкий газ, перестает бороться. Через десять секунд он теряет сознание.

— Что, черт возьми, это такое? — спрашивает Сет, поднимая вялое тельце мальчика.

— Седативное. С запахом крем-соды. Он замечательно выспится.

«ТранИкс» младший, думает Сет. Химинженер в нем хочет изучить продукт, посмотреть, какой там активный ингредиент. А дядя в нем желает уже оказаться в машине на пути к Сильвер.

— Идите. Мы за ним присмотрим, — говорит Кеке.

Кейт испытывает противоречивые чувства. Она не хочет упускать Мэлли из виду.

— Мы возьмем его с собой, — говорит Сет.

Кейт останавливается и таращится на Сета. В ее уме возникает картинка: изображение Мэлли, в зараженном магазине в Красной Зоне, стоящего в самом низу давно заброшенного

эскалатора. Потерянного.

— Объясню тебе, когда мы сядем в машину.

Он смотрит на умиротворенное, спящее лицо Мэлли, а затем на медсестру.

— Нам понадобятся кое-какие вещи.

Часть 3

Глава 53

Акульи плавники и молнии

Сет с Кейт стоят снаружи своего дома, откуда им нужно забрать вещи. Они суют свои рюкзаки в такси и, запыхавшись, садятся. Сет отправляет бампом GPS координаты Солар-сити, и такси выдает сообщение об ошибке.

— Запретная зона, — говорит автомобиль. — Не могу отвезти вас в данное местоположение.

— Просто отвези нас на максимальное близкое расстояние, какое можешь.

— Мне нужно будет отправить отчет о вашем незаконном запросе.

— Прекрасно, — отвечает Сет.

Приборная панель издает звуковой сигнал.

— Отчет отправлен. Относительно вашего запроса к вам может нанести визит полиция.

— Да, верно, — говорит Кейт. Словно у них есть на это время.

— Я просто шучу, — говорит такси.

Кейт и Сет хмуро переглядываются. Когда это ИИ обладал чувством юмора?

Они въезжают в шумный городской трафик и сразу же застревают позади старого школьного автобуса — не транзитного повышенного автобуса-портала, под которым они могли бы проехать. Такси терпеливо ждет, затем они медленно ползут на метр вперед. Кейт гадает, «Тьюринг» ли это такси: бета-версия слушающего такси. Она постукивает ногой, запускает пальцы в волосы. Мимо них проезжает древний «тук-тук», выглядящий так, словно не разваливается только благодаря клейкой ленте и веревкам. Он почти сносит их боковое зеркало.

— Давай же, — говорит она. — Нам нужно ехать быстрее. Мы можем ехать быстрее?

— Мы заблокированы, — отвечает такси. — Час пик.

— Послушай меня, — говорит Кейт. — Моя дочь в опасности, и мне нужно как можно быстрее добраться туда. Ты понимаешь?

Машина колеблется с ответом.

— Ты понимаешь? — повторяет она снова.

— Для вас это должно быть важно? — отваживается спросить машина.

— А теперь ты можешь ехать быстрее?

— Переопределяю маршрут, — отвечает такси.

Умное зеркало оживает зелеными линиями и стрелочками. Внезапно машина разворачивается, почти сбивая мотоциклиста, который кричит и бьет по крыше автомобиля, затем резко сворачивает влево на проселочную дорогу и со свистом проносится по переулку, который размечен знаками «ДВИЖЕНИЕ ЗАПРЕЩЕНО». Такси отправляет в полет мусорный бак и зацепляет низко висящую веревку с бельем. Рубашка слазит с переднего стекла, увлекаемая вниз стеклоочистителями.

— Это не дорога, — говорит Сет, повиснув на дверце.

Пешеходы прыгают у них с дороги, а после кричат, потрясая кулаками в воздухе. «Тьюринг» не отвечает. Такси резко сворачивает вправо на другую дорогу, движется не в том направлении вверх по улице с односторонним движением. Все другие беспилотные такси останавливаются, когда встречаются с такой бешеной ездой своего собрата, и разрешают ему проехать. Они делают еще пару опасных поворотов и, не успев оглянуться, выезжают на трассу, на полосу для спецтранспорта, на скорости в сто шестьдесят километров в час.

— Обожаю тебя, «Тьюринг», — говорит Сет. — Могу я тебя оставить?

Система ответа автомобиля издает шум. Такси не понимает, и у него нет ответа, но оно кажется довольным. Они садятся на свои сидения впервые, как сели в такси.

— Спасибо тебе, — говорит Кейт, глядя на Сета.

— За что?

— Ты всегда рядом. Даже когда тебя нет.

— Это вообще не имеет смысла.

— Я бы не смогла сделать все это сама.

— Нет, смогла бы, — возражает Сет.

— Нет. Ты моя лучшая половина.

Сет выглядывает из окна. Мимо проносятся голографические биллборды и дубовые навесы.

— Нет, — говорит он. — Ты всегда была лучшей половиной.

Они обнимаются — неловкий жест, учитывая тело маленького мальчика между ними — и Кейт думает, не в первый раз, что от Сета пахнет ярким бунтарством. Зигзагами. Акульими плавниками и молниями.

— Не могу поверить, что мы делаем это, — говорит Кейт, поправляя на Мэлли одежду.

Сет пожимает ей руку.

— У нас нет выбора.

Глава 54

Отличное место для пряток
Красная зона, 2024

Когда они приезжают на красную границу, то ожидают, что такси остановится, но вместо этого оно уходит на правую развилку и пару километров едет по грязной дороге вдоль баррикад. Часовые, вооруженные автоматами и каменными лицами, следят за ними. Массивные биллборды предупреждают их не входить: «Не пересекать границу», «Входа нет», «Опасные вещества». 4-D иконки противогазов и радиации висят над злобно выглядящим забором.

— Кэбби? — спрашивает она, но оно не отвечает.

Они замедляются, чтобы избежать столкновения с мертвыми деревьями, упавшими на дорогу — длинными, хрупкими, облезлыми скелетами. Марсианские дюны. Ни одного живого листочка, куда не посмотри. Как только они проехали мертвый лес, машина снова помчалась вдоль периметра, пока не прибыла на место, отмеченное старой бутылкой воды: тайный знак, который почти невозможно увидеть с дороги, только если точно не знаешь, что ищешь.

Машина резко дает по тормозам, колеса блокируются, отчего они скользят на несколько метров вперед и разворачиваются на девяносто градусов, пока не останавливаются на земляной насыпи. В неподвижной машине они слышат учащенное дыхание друг друга. Как только их ремни безопасности решают, что сейчас безопасно расстегнуться через обязательные тридцать секунд после остановки, они со щелчком открываются. Они выходят и изучают взглядом заграждение красной зоны на предмет точки входа. При ближайшем рассмотрении, они видят, что участок заграждения — размером с машину — был вырезан и вставлен обратно на едва видимых петлях, превращающих его в калитку. Они встречаются взглядами, осознавая свою удачу, но также есть намек на яблочное семечко (Кислый Цианид), потому что ключ, который приведет тебя к смерти, горько-сладкий на вкус, даже, если это ключ, который ты сам приехал искать.

Автомобиль, проезжая, разбрасывает мягкую почву по сторонам, и стальные мечи забора царапают внешнюю сторону машины со скрежетом, от которого в глаза Кейт, словно вонзаются булавки вуду. Клокограмма говорит, что сейчас без десяти пять: если они переживут вечер, что кажется крайне маловероятным, они должны будут поблагодарить эту машину. Они уже одели больничные костюмы химзащиты, которые дала им Темба: им всем нужно одеть маски до того, как они выйдут из машины. Им удалось смастерить костюм химзащиты детского

размера из взрослого «маленького» при помощи биониток и медицинского скотча. Кейт ожидала, что защитное снаряжение будет цвета радиации, который по ее мнению «светящийся-в-темноте-оранжевый», но они цвета свежей жвачки. Ледяного сине-зеленого цвета. Медицинской мяты.

Машина раскидывает еще больше песка, выстреливая к точно заданному местоположению. Они проезжают мимо домов, стоящих на отшибе: хибары и субсидированные дома, особняки и бараки. Окна, входные двери и крыши разрушены или висят под косыми углами. Сады сравнены с землей. Машины так сильно проржавели, что выглядят сплавленными с землей. Магазины здесь, так близко к границе, сильнее всего подверглись нападениям зама-замас: ни одного окна не уцелело. Теперь они едут по просмоленной дороге, широкой и пустой, и проезжают детскую площадку с выцветшими изначальными цветами. Неподвижные качели выглядят зловеще. Были ли здесь дети, когда случилась авария?

Осталось пять минут.

— Мы близко?

Сет снова проверяет их координаты на часах.

— Да.

Недоразвитый пригород плавно уступает место промышленной зоне. Здания здесь также обворованы: когда они проезжают мимо, кругом зияют рты рам с украденными стеклами. Монохромный пейзаж слабо воздействует на синестезию Кейт: грязный коричневый и угольные оттенки успокаивают ее лихорадочные мысли. Она в десятый раз поглаживает кобуру на грудной клетке, чтобы удостовериться, что ее пистолет при ней. Он расположен над кевларовым покрытием, но под материалом химзащиты. Сэндвич из позаимствованных нарядов: тех, которые либо спасут ей жизнь, либо будут облачать ее труп.

Они останавливаются у водоочистительного завода. Прилегающая плотина превратилась в залежи ила. Грязный мусс. Превосходное место, чтобы скрывать тела. Эту зону не планируют открыть ближайшие три года, и, когда все же откроют, то по контракту правительства с китайскими корпорациями, которые уничтожат все подчистую, чтобы освободить место для солнечных стеблей. Так они и поступили на севере красной зоны. Пока что гигантская солнечная ферма стала невероятным успехом, и пиар-компания АНК не позволит гражданам забыть об этом. Они никогда не упоминают саму аварию, только если не считать одного единственного дня, когда они приспускают флаг в память о жертвах. Все остальные дни пиарщики восторгаются строительством Солнечного города и вещают о вызванной

строительством нехватке угля. Кейт представляет голодные машины, подобные гигантским газонокосилкам, которые поглощают все, что видят, сравнивая с землей опустевшие строения и детские площадки.

— Готова? — спрашивает Сет.

Кейт кивает и надевает свой шлем. Он вызывает у нее приступ клаустрофобии, и ей приходится подавить желание тут же сорвать его. Как только она немного привыкает к нему, маска еще сильнее притупляет ее чувства. Ее фигуры кажутся такими далекими.

— Готова.

Они выходят из машины. Сет несет в руках маленькое тельце цвета мяты.

Глава 55

Тележка с реанимационным набором

Йоханнесбург, 2024

Кеке дергается, когда слышит визг. Аппарат у стены, что отслеживает синтетическое сердце Марко, пищит, что есть мочи. Она мчится к мужчине, бледному, как и всегда, и кладет на него руки. Нажимает экстренную кнопку и продолжает на нее давить. Комнату наполняет писк прямой линии. Кеке отказывается верить, что они проиграли эту битву. Она расстегивает его сердечный рюкзак и заглядывает внутрь, но знает — еще до того, как открывает — что ничего не сможет сделать.

Команда реанимации распахивает двойные двери, они вкатывают тележку с реанимационным набором. Кеке отпускает Марко и уходит с дороги. Они кричат друг другу, перекрывая шум, бессмысленные фразы, такие как «запускайте кардио» и «вытряхните его коронаро-тромбоз», будто он в каком-то ультрасовременном фитнес классе, а не такой. Мертвый. Во второй раз за три дня.

Пока команда работает над Марко, паника Кеке утихает. Это не в ее власти. И всегда было так. Ее ужас исчезает, сменившись пылающим гневом. Кто сделал это с ним? Кто, бл*ть, сделал это с ним, с Котенком и Сильвер? Она ничего не может сделать, чтобы спасти Марко, но она, черт побери, может сделать все, что в ее силах, чтобы спасти Сильвер. Осталось сделать лишь одно. Она набирает контакт на своем «СнэпТайл».

— Я же сказал тебе, что не стану этого делать, — говорит мрачный Док, как только отвечает на звонок.

— Планы поменялись, — говорит Кеке.

Глава 56

Элегантная сдача

Красная зона, 2024

Само по себе здание зловеще. Высокая, поглощающая смог, цилиндрическая башня, покрытая паутиной трещин. Слишком много бетона, недостаточно окон и воздуха. Все равно этим воздухом нельзя дышать. Только если не хочешь серьезно заболеть и превратить свои органы в радиоактивные лампочки.

А еще множество труб, подсоединенных к прилегающему запертому прямоугольному зданию, в котором размещены процессоры. Гигантские водяные трубы лишены того, ради чего воздвигнуты. Кейт самим нутром ощущает сухость этого места, будто это выжженное место прожгло ее саму до костей. Она спотыкается о кусок обгоревшей резины — стала неуклюжей из-за защитной обуви — и Сет ловит ее за руку до того, как девушка падает на песок.

— Ты в порядке?

Она кивает и отпускает его руку. Тяжело дышит. Несмотря на фильтр на ее носу и рту, Кейт чувствует запах разлагающегося пепла.

Брат с сестрой поднимаются по ступеням и входят внутрь цилиндрической башни, моргают, привыкая к плохому освещению. Слишком тихо. Она смотрит на время на «Хеликсе»: 17:04.

— Здесь никого нет, — голос Кейт разносился бы эхом, если бы на ней не было маски.

Они отходят подальше от потока полуденного солнечного света, который, как золотой поток, льется сквозь трещину во внешней стене. Безопаснее находиться в тенях.

Сету нужны свободные руки, а маленькое, бессознательное тело не может стоять. Кейт собирает некоторые предметы вокруг себя и складывает их близко к друг другу, чтобы образовать небольшую насыпь у стены: гнездо из обломков. Безногий стул, кадка, несколько кирпичей. Нет ничего мягкого. Сет кладет маленькое тело в костюме химзащиты внутрь пустой картонной коробки сверху. Маленькое тело Мэлли выглядит таким одиноким, таким беззащитным. Кейт переносится мыслями к Сильвер.

Тишина давит на ее слух, словно она находится под водой, и все кругом серых тонов. Все кажется сном, но Кейт по напряжению в животе знает, что это не так. Она смотрит на Сета и спящего мальчика. На прохладную мяту их костюмов на фоне окружения цвета угля. Это их последний час?

Глубокая тишина уступает место отдаленному шуму, похожему на жужжание роя пчел. Спустя пару секунд становится

ясно, что это «Волантер», и что он летит к ним. Они прижимаются к стене башни, чтобы выглянуть наружу, и видят его приближение — элегантный вертолет при приземлении взметает красный песок. Черный корпус «Волантера» ярко блестит на солнце. Двигатель, выключаясь, издает вой, отчего внутренности Кейт сжимаются. Она в максимальной готовности и тянется за своим пистолетом.

Мужчина открывает горизонтальную дверь вертолета и выпрыгивает наружу. Он необычайно высок, одет в скафандр из фольги, снабженный шлемом, похожим на пузырь. Он протягивает руку к люку. Женщина, одетая в такую же униформу, берет его за руку и спрыгивает на разоренную землю. Пилот остается внутри, готовый взлетать в любую секунду. Кейт не видит Сильвер. Она на воздушном судне? Это сцена с Марса со всей этой мерцающей горячей красной почвой — злой и бесплодной. Когда они направляются к башне, Кейт узнает уверенную походку женщины. Несмотря на шлем в виде пузыря, очевидно, что это та же самая женщина, которая увела Мэлли с шоу «РобоПап». Она по-прежнему накрашена ярко-красной губной помадой, но сегодня не улыбается. Кейт усиливает хватку на револьвере и жалеет, что не подумала раньше нанести на ладони немного средства от пота. Ее латексные перчатки уже скользкие внутри.

Одетая в серебряное парочка входит в здание и моргает в темноте, а затем они замечают пистолеты в руках Кейт и Сета, направленные прямо на них. Женщина поднимает ладони, элегантно сдаваясь. Вот оно, думает Кейт, когда губы женщины изгибаются в ее фирменной улыбке. Грешный рубиновый. Словно она постоянно наслаждается хаосом, который сеет. Палец Кейт на курке покалывает из-за ярости. Как бы ей хотелось просто взорвать дыру в этом скафандре, чем ближе к этой улыбке, тем лучше. Между глаз было бы неплохо для начала. Или для конца.

— Вы можете опустить это, — говорит женщина, смотря на оружие. Ее шлем оснащен динамиком, который усиливает ее голос, делая его чистым и ясным, а не как их неуклюжие больничные маски химзащиты, которые заглушают слова.

— И почему мы станем это делать? — спрашивает Сет.

— Как жест доброй воли, — говорит она. — Мы не вооружены.

Они не клюнут на это снова.

— Ни за что, — отвечает Сет.

Если она и расстроена его отказом, то не показывает этого.

— Мистер Деникер. Смотреть в дуло пистолета не самый лучший способ начать наши… переговоры.

Кейт наставляет на нее свой револьвер.

— И что здесь обговаривать?

— У вас есть что-то, чего мы хотим…

— Не что-то! Не что-то, — говорит Кейт. — Он мой сын. Он, бл*ть, человек.

— В ваших глазах, возможно, — говорит она.

— И какого х*я это значит?

— Он ребенок «Генезиса», Кейт.

Женщина наклоняет голову, переставая улыбаться. Кейт ненавидит, как звучит ее имя из уст этой кретинки.

— Сильвер — ваш настоящий ребенок. Сильвер — та, кого вы пришли спасать. Мэлли не более чем… научный эксперимент.

— Да как вы смеете?

— Опрометчивый эксперимент. Этически неправильный и морально предосудительный. Такого не должно было случиться, но Бог все прощает, и Он знает, что мы исправляем ошибку. Когда мы здесь закончим, он простит и вас тоже.

— Мэлли не «ошибка».

— Это естественно, что вы привязаны к нему. Это можно понять. В конце-то концов, вам промыли мозги.

— Это не нам промыли мозги, — парирует Сет.

— Мы можем помочь вам увидеть правду.

Палец Кейт на курке теперь жжет, он излучает жар. Ей нужно успокоиться. Ей нужно успокоиться, если она хочет увидеть Сильвер снова.

— Вы убиваете детей — невинных детей! — чтобы порадовать воображаемого Бога, и думаете, что это Мэлли — мерзость? — голос Кейт дрожит от гнева.

— Где он? — спрашивает женщина в фольге, оглядываю темноту вокруг. — Надеюсь, что вы не тратите наше время впустую. Надеюсь, что вы не так глупы.

Но затем ее взгляд падает на содержимое коробки, и ее улыбка возвращается.

— О, как отлично, — говорит она, делая шаг вперед и выгибая шею. — Вы упаковали его для нас, готов к отправке. Он спит?

— Не приближайтесь, — говорит Сет, пересекая ей путь.

— Где Сильвер?

— Сильвер в безопасности. Пока.

— Вы сказали, что, если мы приведем Мэлли, вы вернете нам нашу дочь.

— И мы вернем.

— Сейчас же, — говорит Сет. — Отдайте ее сейчас же, или никакой сделки не будет.

Рубиновая помада извлекает из скрытых ножен у бедра меч. Сталь была замаскирована цветом костюма. Сверкающий магический трюк. Она перебрасывает его из руки в руку и вращает быстрыми кругами перед грудью. Движения меча становятся все быстрее и быстрее, пока клинок не превращается в размытое пятно. Ее спутник, неподвижный и молчаливый до этого момента, отточенным движением достает свой пистолет. Никакой показухи, никакого шума, лишь стабильная уверенность. Как много людей он убил?

Глава 57

Фольга против мяты

Они стоят там в темной башне лицом к друг другу. Две фольги против двух мят, вооруженные и готовые к схватке.

— Отдайте его мне, — произносит Рубиновая.

— На кого вы работаете? — спрашивает Кейт. — Солан?

Кейт хочет стереть довольный вид с лица этой женщины.

— Солан? — она ухмыляется. — Нет.

— Тогда на кого?

— Я отвечаю перед Богом, — говорит она.

— «Воскресители», — говорит Сет.

Мужчина нацеливается на Сета, который возвращает услугу.

— Конечно, «Воскресители», — говорит женщина. — Всегда. Мы воинствующая рука Бога. Мы Армия Бога.

— Вы лишь кровожадные террористы.

— Иногда Бог нуждается в террористах.

Кейт наставляет свой пистолет на голову женщины, чуть надавливает на курок. Темная часть нее хочет разнести ее мозги в этом шлеме-пузыре.

— Я не уйду без него, — говорит она.

— Тогда ты вообще отсюда не уйдешь, — говорит Кейт.

Она смотрит прямо на Кейт. Рычит на нее.

— Отдай мне мальчика, или я сама заполучу его.

— Тогда иди и попробуй, — замечает Сет, переводя свое оружие с мужчины на женщину и выстреливая ей в грудь.

Звук выстрела звенит в башне и отдается гулким эхо, лишая Кейт зрения. Она ожидает, что женщина упадет, но выстрел лишь отбрасывает ее на пару шагов. Все в башне знают, что пули мало на что способны против паучьего шелка. Она громко дышит: выстрел выбил из нее дух. Она снова вращает мечом и наставляет его на Сета. Он снова в нее стреляет, но в этот раз она отпрыгивает с траектории пули. Как только к Кейт снова возвращается зрение после второго выстрела, она наставляет свой револьвер на женщину, чтобы прикрыть Сета, но мужчина в жестяном костюме держит ее под прицелом. Та секунда, что

уходит на то, чтобы переключить цели, становится секундой, когда он нажимает на свой собственный курок, и ей в плечо попадает жесткая, горячая пуля. Она распласталась на пыльном полу, а все ее чувства взрываются электрическим синим. Ее револьвер укатывается от нее в темноту.

— Кейт! — кричит Сет, глядя на нее.

Женщина пользуется преимуществом отвлечения и одним быстрым движением широко вспарывает его костюм химзащиты. Он хватается за зияющие края костюма и стягивает их вместе. Кейт представляет невидимую радиацию, которая просачивается внутрь, как горчичный газ. Рубиновая нападает на него снова, взмахивает клинком, но он ныряет в сторону.

Плечо Кейт объято пламенем. Она не может сказать, прошила ли пуля кевлар, но неоновый звон в ее голове говорит ей, что ущерб определенно нанесен. Мужчина встает над ней, его лицо лишено всякого выражения, он ждет приказа Рубиновой, чтобы прикончить ее. Кейт отползает назад на руках и заднице, боль пронзает все ее тело. Взгляд на Сета говорит ей, что теперь они в полном боевом режиме: его противник уклоняется от его пуль, отпрыгивая и скользя, а он делает, что может, чтобы увернуться от ее острого клинка.

Когда он начнет ослабевать? А когда она? В ее костюме тоже дыра.

Нападающий на нее спокойно перемещает прицел своего пистолета вместе с ее движениями: он знает, что выиграл эту схватку. Кейт продолжает отползать, а мужчина идет за ней следом. Она в метре от своего пистолета. Чего он ждет? Но она знает ответ.

— Забери мальчика! — кричит Рубиновая.

Мужчина, наконец, отворачивается от нее, и ей удается схватить свой револьвер и выстрелить в него. Бам! Бам! Бам! Она выстреливает три раза, прежде чем он вообще замечает выстрелы. Одна пуля проносится мимо и рикошетом отскакивает от стены. Одна попадает в костюм мужчины, и одна разбивает его шлем-пузырь. Он делает шаг назад в удивлении, и Кейт вскакивает и высоко пинает его в грудь. Она ожидает, что ее плечо обдаст адской болью, но желтый адреналин закрашивает синюю боль, и девушка чувствует, что сможет пройти по углям, если это будет значить победу над этими ужасными людьми и возвращение ее дочери.

Мужчина толком не видит сквозь свою серебристую разбитую маску и заваливается вперед, пытаясь одной рукой прикрыть дыру, а второй наставляет пистолет.

— Забирай мальчика! — снова кричит Рубиновая, когда Сету

удается схватить ее за меч.

Женщина не отступает, и они дерутся за клинок. Мужчина снова, запинаясь, делает шаг вперед, качает пистолетом из стороны в сторону, пытаясь увидеть сквозь свое матовое забрало. В этот момент, мальчик садится в коробке, его самодельный костюм химзащиты становится маяком у затененной стены, и мужчина поднимает свой пистолет и выстреливает, прошивая маленькое тело пулями.

Глава 58

Новый вид улыбки

Мужчина разряжает в маленькое тельце всю обойму. Пули с пустотой в передней части, спроектированы так, чтобы наносить максимум урона, они врезаются в корпус и лицо, укладывая его обратно в коробку и скрывая из вида.

— Ты ублюдок! — кричит Кейт, опустошая свою собственную обойму в «Воскресителя».

В этот раз она целится в его голову, надеясь полностью разбить маску и разорвать костюм, предоставляя доступ радиоактивному газу, который их окружает. Суперстекло держится вокруг изначального отверстия, но его маска теперь помутнела из-за трещин. Как катаракта лица.

Сет с женщиной все еще сражаются за меч. Кейт наставляет на нее свой револьвер, но они движутся слишком быстро, а ее рука внутри перчатки скользкая из-за пота. Единственная уязвимая зона в скафандре, насколько она может судить, это зона у горла, но она не уверена, что сможет выстрелить и не попасть в Сета.

— Мальчик мертв? — запыхавшись, спрашивает женщина. Мужчина не отвечает. — Он мертв?

Кейт гадает, говорит ли он вообще. Может быть его микрофон сломан.

— Достань его, — произносит Рубиновая помада. — В качестве доказательства. Принеси часть него.

Она похожа на злую мачеху Белоснежки, требующую охотника принести ей сердце.

Мужчина, не видя, шатается, и Кейт высовывает ногу, чтобы поставить ему подножку. Он кренится вперед, пытается восстановить равновесие, но ему это не удается. Как только его рука с оружием соприкасается с полом, Кейт совершает на нее прыжок, заставляя его взвизгнуть и отпустить пистолет, который она тут же выхватывает. Девушка направляет оба пистолета на женщину, но смысла нет, потому что это небезопасно для Сета. Мужчина ревет от ярости и недовольства, что не может видеть, срывает свой шлем-пузырь с головы и глубоко вдыхает токсичный

воздух.

Сет выхватывает меч из рук Рубиновой, и она отбегает от него к разорванному телу. Как только он взмахивает лезвием, сгибается пополам, открывает свой дыхательный фильтр и его рвет на землю.

Высокий мужчина пытается встать, но дезориентирован и снова падает. Он ударяется носом, окрашивая пол красными брызгами. Сет снова выпрямляется, но теряет равновесие. Им нужно выбираться отсюда. Добраться до госпиталя. Но, если они позволят «Воскресителям» уйти, как они смогут найти Сильвер?

Кейт выхватывает у Сета меч и идет за женщиной, но слишком поздно. Она настигает ее как раз тогда, когда та поднимает изуродованное тело из коробки с видом ужаса на лице. Нога болтается, полуотделенная от тела. Рубиновая понимает, что маленькое тело принадлежит не Мэлли, а его напечатанному двойнику.

Она бросает разорванный силикон, ее щеки горят от ярости.

Кейт поднимает меч и перерезает женщине горло. Малиновая кровь, сверкающая в свете заката, льется из раны. Новый вид улыбки. Женщина хватается за свое израненное горло обеими руками, а красная жидкость просачивается сквозь ее пальцы. Ее глаза горят огнем.

Кейт, шокированная тем, что она натворила, роняет меч, и женщина хватает его перед тем, как тот падает на пол. Она отступает от Кейт, поворачивается к выходу. Кровь течет потоками из длинного разреза. Ее спутник, с лицом цвета бетонного пола, видит, что та уходит и тянет руку, призывая на помощь. Она не может забрать и его, и меч, и она выбирает меч. Когда она вываливается в сумерки, черный, как жук, «Волантер» снова заводит двигатели, его лезвия разрезают вечерний воздух.

Кейт хочет пойти за ней. Она охвачена диким стремлением причинить боль тем, кто причиняет боль ее семье. Хочет схватить ее, прижать к земле коленями и вжать пистолет ей в щеку. Силой вырвать из нее правду. Заставить ее сказать, где Сильвер.

За ее спиной раздается звук, который возвращает ее мысли к Сету. Он осел на землю, его свет погас. Кейт снова смотрит на «Волантер»: пилот помогает женщине сесть на борт. Это последний шанс Кейт отправиться за ними, найти Сильвер. Тело Сета лежит на земле. Он умрет, если она оставит его здесь.

Глава 59

Опасные скулы

Кейт тащит бессознательное тело Сета из башни под звук растворяющегося в небе «Волантера». Несмотря на то, что они близнецы и имеют похожее телосложение, он, похоже, весит вдвое

больше, а ее раненое плечо не делает задачу проще. Брат стонет, словно пытается пробудиться, прорвать завесу сна, но от этого его лишь еще сильнее рвет, и Кейт беспокоится, что он задохнется. Она не в форме, а в костюме ограниченный запас кислорода, так что ей придется делать вдох каждые пару метров. Медленный прогресс сводит с ума. Каждая лишняя минута — это минута, в течение которой Сету может стать хуже, а Сильвер становится для них все дальше.

Наконец, она добирается до машины, запыхавшаяся и кашляющая, и использует остатки энергии, чтобы со стоном поднять его на заднее сиденье. Она садится следом за ним и закрывает дверь. Такси урчит, включаясь.

— Тьюринг… — вздыхает Кейт, испытывая облегчение от того, что снова вернулась в салон. Это словно объятие друга.

— Я к вашим услугам.

— Вытащи нас отсюда, — говорит она. — Вытащи нас из этого места.

Машина разворачивается.

— Какого ваше заданное назначение?

Но Кейт не знает. Обратно в больницу? Темба дала ясно понять, что всем зараженным радиацией дают отворот-поворот. Но, если не они, тогда кто? Это рискованно и займет час, а судя по жизненным показателям Сета на его «СнэпТайл», у них нет столько времени.

— А куда ты отвозишь Зама-замас?

— Простите, я не понимаю, — отвечает автомобиль. — Куда мне отвезти вас?

Кейт снимает свою защитную маску.

— Люди, которых ты привозишь сюда.

— Я не привожу сюда людей. Красная Зона — запретная.

Беспилотные такси подключены к одной сети, они «общаются» друг с другом.

— Что насчет других Такси?

Машина колеблется. Она тратит время. Зама-замас не ездят на такси, у них свои автомобили, старые общественные микроавтобусы с отпиленными сиденьями и кучей места для вещей.

— Куда они отвозят их после? Какой самый частый маршрут отсюда — этой дыры в заборе — до какого-нибудь места поблизости. Может быть, деревушки.

— Гугулету и Эверест — неформальное поселение, — отвечает машина. — В угнанных такси есть общий записанный маршрут к мистеру Зиби.

— Мистер Зиби?

Что это? Гостиный двор, быть может. Или свалка. Место, куда они отправляются, перед тем как их арестуют. Компании, владеющие беспилотными такси, серьезно относятся к угонщикам. Кейт начинает раздеваться.

— Поехали.

Пока такси едет, Кейт просит свой хеликс рассказать ей, как лечить людей с отравлением радиацией.

— Начните с удаления зараженной одежды, — говорит он.

Кейт стаскивает с Сета костюм химзащиты и пуленепробиваемую одежду и выбрасывает их из окна. Делает то же самое со своей одеждой, вздрагивает, снимая кевларовую кожу со своего раненого плеча. Ублюдки подстрелили ее в ту самую руку, которую она сломала во время аварии на мотоцикле четыре года назад. Та же самая рука, та же боль электрически синего цвета. Кондиционер воздуха холодит ее голую, покрывшуюся мурашками кожу. Она натягивает куртку из своего рюкзака.

— Тщательно вымойте кожу и волосы пациента, — говорит ее пэтч.

Она использует детские салфетки, которые всегда носит с собой, чтобы протереть как можно большую поверхность его кожи. Сомневается в эффективности всего этого, но это лучшее, что она пока что может сделать. Плюшевый медведь в ее рюкзаке насмехается над ней своими глазами пуговицами.

— Отвезите пациента в лечебное учреждение, как можно быстрее. Если можете, дайте пациенту диэтилентриаминпентауксусную кислоту.

Кейт берет бутылку воды из кулера такси. Ее пэтч издает звуковой сигнал о покупке. Она пытается разбудить Сета в достаточной степени, чтобы он мог попить, но брат борется с ней.

Они въезжают в городок, и это совсем не трущобы, а аккуратный пригород. Последние лучи заката окрашивают скромные субсидированные дома романтическим свечением, по улице бегают грязные собаки, ребенок снимает сухое белье с веревки. Еще больше детей радостно кричат, гоняясь друг за другом на своих велосипедах, в то время как другие бегут за ними следом. Из опрятных цветущих садов выглядывают молодые фруктовые деревца.

Нелегальные магазины закрывают на день свои двери, лоточники собирают свои подгнившие фрукты и вредные чипсы. Один из лоточников жонглирует для детей мандаринами и заканчивает представление, бросая три мандарина в небольшую толпу в качестве приза.

Темнеет. Эти дети должны быть дома. У Кейт сжимается сердце при мысли о Сильвер и Мэлли. Она сделает все, чтобы

вернуть их домой. Почему она не воспринимала каждый день с ними, как чудо, которым оно и было? Потому что материнство работает не так. Чудесное, да. Легкое, нет. Тяжелые стороны могут отбрасывать длинные тени.

Пять минус спустя, в чуть более темной части пригорода позади жизнерадостного фасада, бродяги и проститутки распивают алкоголь на углах улиц. Женщина в блестящем черном тренче с поднятым воротником смотрит на такси, проезжающее мимо. Под пальто на ней надето лишь нижнее белье. Подходящие друг к другу розовые чулки в сетку и бесполезные подтяжки, свободно болтающиеся на ее эбонитовых бедрах.

Тьюринг останавливается у заброшенной автомойки. На здании висит нарисованная от руки вывеска, которая гласит: «Мойка Зиби». Стены неравномерно облицованы, местами блестящая белая плитка отвалилась, а механические швабры печально изнашиваются без дела. Когда Кейт выходит из машины, то не может не заметить сходство своего наряда — нижнего белья и длинного пиджака — с нарядами проституток на углу. Она не будет удивлена, если к ней подойдет какая-нибудь женщина и попытается выцарапать ей глаза за то, что та промышляет на ее участке. Конкуренция в секс-торговле высока, производственные центры порно появляются рядом с каждым магазином «Планеты для взрослых». Эротические театры, порно в виртуальной реальности, робо-проститутки и секс-боты. Постепенно человеческие проститутки с настоящей кожей и всем, что к ним прилагается, становятся менее привлекательными. Все же еще есть те — и всегда будут, полагает Кейт — кто считает, что никакой захватывающий опыт, не важно насколько он соответствует вашим вкусам, не заменит настоящую, теплую, пусть и не идеальную, но плоть.

Словно читая ее мысли, изнутри здания раздается ясно различимый волчий вой. Она плотнее запахивает свой пиджак, застегивает до подбородка. Теперь он больше похож на миниплатье. Она вглядывается в темный интерьер разрушенных помещений, и, когда оттуда выходит мужчина, все огни «Аполло» с шумом зажигаются одновременно, заливая их белым светом.

— О-ля-ля, — произносит он, его дреды пружинят. — Кто этот ангел, которого я вижу перед собой?

О чем, черт возьми, она думала, приезжая сюда? Почему решила приехать на мойку машин, а не в больницу?

— Мне нужна помощь, — отвечает она. — Вы можете помочь мне?

Мужчина высок — необычайно высок — и очень худ. Его скулы такие острые, что кажется сейчас прорежут кожу. От

взгляда на них у Кейт побаливают пазухи носа. Несмотря на сумерки, он в солнечных очках и широко улыбается. Он напоминает Кейт сырную чипсину. Ностальгия по «Наксу».

— Ради такой кошечки, — говорит он, приложив два длинных пальца к нижней губе, — я сделаю, что угодно.

Кейт встревожена и благодарна. Она начинает вытаскивать Сета из машины. Она чувствует, что ее пиджак задирается, открывая виду трусики. Ее задница должно быть хорошо освещена уличными фонарями.

— Погодь, погодь, погодь, — говорит мистер Зиби.

Кейт останавливается и поворачивается, тянет пиджак вниз. Конечно. Это было слишком легко.

— Я сказал, что сделаю, что угодно, — говорит он, дреды отскакивают от его плеч, — но конечно же… не за бесплатно.

В ее животе собирается отвращение, жжет ей горло. Ее тело непроизвольно испытывает отвращение при мысли о том, что он может потребовать в качестве платы. Она сглатывает кислоту и смотрит на лицо Сета, так похожее на ее.

— Конечно. Сколько?

— Давай не будем обсуждать цифры, сладкая. Они портят мне аппетит.

Внутри нее поднимается зеленая краска и окрашивает ее щеки (Горькая Желчь). Это может быть последствием радиоактивного заражения, но скорее всего это от мысли, что ей возможно придется прикоснуться к этому мужчине, чтобы отплатить натурой, если она хочет спасти Сету жизнь.

— Пожалуйста, — она жестом показывает на Сета. — Нам нужно поспешить.

Мужчина заглядывает поверх нее, и его губы дергаются, когда он замечает бледное тело без сознания.

— Парень?

— Брат, — отвечает она на грани истерики, которая теперь слышна в ее голосе.

Она уже готовится сказать «близнец», но передумывает, считая, что это неким образом может дать ему больше власти над ней.

Он делает глубокий вдох, поблескивая своими желтыми зубами. «Kaiser Chiefs». Он смотрит так пристально, как ягуар на охоте. Эти опасные скулы. Сет стонет и делает позывы к рвоте.

— Пожалуйста, — просит Кейт, ее лицо выражает отчаянье. — Я сделаю, что угодно.

Глава 60

Автомоечное распятие

Гугулету и Эверест, 2024

Мистер Зиби видит, что Кейт действительно готова на что угодно, и выглядит довольным. Он снова прижимает к губам свои костлявые пальцы и громко свистит. Двое мужчин выходят из темных внутренностей выпотрошенного здания. Черная кожа и черная одежда на фоне черноты закопченных кирпичей. Трое из ларца. Он показывает им подойти.

Он говорит с ними на скамто, из которого Кейт понимает лишь несколько слов. Они собираются вымыть Сета, дать ему лекарства. Они кивают — они уже делали это прежде — затем смотрят на Кейт. На ее бледную кожу, размазанный макияж, странный наряд, спутанные волосы. Что насчет нее, спрашивают они на повседневной для них смеси языков.

— Я о ней позабочусь, — говорит мужчина.

Темнокожие лакеи надевают перчатки, вытаскивая Сета из машины и неся его мертвый вес по направлению к старому промывочному отсеку. Один из них подносит его тело к металлической раме в форме буквы «Т», а другой привязывает его потрепанной красной буксировочной веревкой. Автомоечное распятие. Только вот они не убивают его, а возвращают обратно к жизни. Что является противоположностью нечестивой казни?

Они включают жесткую резиновую трубку — еще один пережиток дней, предшествовавших засухе — и начинают обливать его всего под напором. Следующим этапом они сбивают шампунь в пену в ведре и используют странные инструменты — гигантские губки на ручках из-под метлы — чтобы вымыть каждый дюйм его кожи. Они моют с расстояния и его волосы, пока его безжизненное тело не покрывает пена. Один из мужчин ополаскивает его из шланга, и повторяет процедуру, в то время как другой начинает смешивать какую-то смесь в старой бутылке из-под «СиннаКола». Зиби тянет Кейт внутрь длинными, холодными пальцами.

Он ведет ее по короткому коридору, пока они идут, свет от «Аполло» снаружи то и дело освещает их через разбитые окна. Тело Кейт одеревенело от сопротивления. Она забирает свою руку, когда они входят в офис в конце прохода. Он закрывает за их спиной дверь, а затем подпирает ручку стулом. Комната пахнет маслом и дешевыми спиртными напитками, пылью и гипсокартоном. Он не отрывает от нее глаз, погружаясь в свое потрепанное кожаное кресло. Она чувствует себя, как маленькая девочка, которая предвидит цель своего опекуна — надругаться над ней. До сих пор она была одной из счастливчиков: ее никогда не принуждали к сексу. Необычайная удача в этой стране. Она тоже смотрит на него в упор: ей нужно восстановить хоть часть

контроля над ситуацией.

— Сколько вы хотите? — спрашивает она его. — На моем пэтче стоит ограничение по транзакциям до ста тысяч в виртуальной валюте. Они ваши. Дайте мне ваш код, и я отправлю их прямо сейчас.

Ответ играет на его губах, но он наслаждается наблюдением за ней. Получает удовольствие от того некомфорта, который она испытывает.

— Этого недостаточно, — говорит он.

— Пришлю вам больше завтра. Столько же. И столько же на следующий день.

— Мы не принимает транзакции, — говорит он. — Отслеживаемые. Кроме того, мне не нужны деньги. У меня их предостаточно.

Стены чумазые, заляпанные грязью, с порванными плакатами и старой клейкой лентой. Криво висит календарь на девятнадцатый год, создавая впечатление, что объект на августовской фотографии — Порше Вентрилло — взмывает в небеса.

— Таким как вы никогда недостаточно денег, — говорит Кейт.

Он смеется.

— Таким, как я? И что значит «таким, как я»?

— Таким, у которых есть приспешники, — отвечает она. — Таким, которые вооружены.

Она не произносит, что от него воняет дурными вещами, с таким-то кислым дыханием и старыми тюремными наколками.

— Таким, которым нравится пугать женщин.

Ей бы хотелось, чтобы он перестал на нее пялиться. Его взгляд ощущается лазером на ее обнаженной коже. Его никотиновые глаза постоянно сканируют ее, отчего она чувствует себя грязной.

— Ты боишься? — спрашивает он.

Она не видит смысла отвечать.

— Иди сюда.

Он поправляет свой пах.

Каждая клеточка ее тела кричит «НЕТ». Желчь поднимается снова, и она сглатывает, чтобы подавить ее. Головорезы снаружи должно быть уже закончили с Сетом. Она сможет сбежать? Но как она затащит его в машину, если автомобиль вообще все еще там?

— Иди сюда, — повторяет он снова. — Ты сказала, что сделаешь, что угодно. Я хочу, чтобы ты подошла сюда.

Она снова сглатывает. Делает шаг вперед, но не может сделать следующий. Он смотрит на нее, выжидая.

— Не заставляй меня просить снова, — говорит он теперь уже с искрой гнева.

Она делает еще один шаг к нему, а он поудобнее устраивается в кресле. Его язык выглядывает изо рта. Кейт готовится сделать следующий шаг, но знает, что не сможет сделать его. Не чтобы спасти жизнь Сета, даже не для того, чтобы спасти свою собственную жизнь.

Мужчина ударяет рукой по столу, заставляя Кейт подпрыгнуть. В нем вспыхивает гнев, и он резко выскакивает на ноги, а она пятится назад, не сводя с него глаз. Он нападает на нее, сцепив зубы и сжав пальцы в кулаки с острыми костяшками. Ее взгляд мечется к стене, в угол, она смотрит на окна, которые наглухо закрыты. Его высокая фигура блокирует путь к двери. Предчувствие того, что должно произойти, подобно раскаленной кочерге в ее внутренностях. Окно. Дверь. Спасения нет.

— Ты могла сделать все легким, — говорит он. — Теперь легко не будет. Не для тебя.

Он тянется вниз к своему ремню и начинает его расстегивать.

— Пожалуйста, — просит Кейт. — Не делайте этого.

Это происходит. Это произойдет. Может ли она каким-то образом покинуть свое тело и отправиться в своей голове в другое место, чтобы уменьшить травму от того, что он собирается сделать с ней? Она закрывает глаза и пытается исчезнуть, покинуть этот грязный офис и ужасный предмет позади нее или ниже нее, но он приближается, и жар его тела резко возвращает ее в тело.

Сейчас он прямо перед ее лицом. Его пояс снят, джинсы расстегнуты. Она чувствует запах его дредов, засаленный одежды, его зловоние. Под вонью опасности, исходящей от него, она чувствует запах собственного страха.

Зиби проводит по ее щеке своим янтарным плохо пахнущим пальцем. Она не может сдержать отвращение. Он медленно расстегивает ее пиджак, открывая голую кожу под ним и ее скудное нижнее белье. Кейт делает движение, чтобы запахнуть пиджак, прикрыться, но он останавливает ее. Не думая, она набрасывается на него — инстинкт — но он перехватывает ее руку и сжимает ее так сильно, что ей кажется, что она сейчас упадет в обморок.

— Чем больше борешься, — говорит он, его лицо так близко к ее, что она видит поры на его коже, — тем будет больнее.

Глава 61

Грубая медсестра в горячем розовом

Кейт ищет вокруг оружие, любой предмет, который она сможет использовать, чтобы защитить себя: булавку для чеков,

настольную лампу, степлер, но ничего такого нет. У нее есть ногти, кулаки и колени, но Зиби вооружен полуавтоматом, которым, она уверена, мужчина воспользуется без сомнений. Тянутся секунды. Последние мгновения незапятнанности.

Он не спешит, медленно раздевает ее и рассматривает с вожделением. Кейт уверена, что пытка будет долгой. Зиби поднимает руку и обхватывает девушку за шею, сдавливает, словно проверяет, каким сильным должно быть нажатие, чтобы полностью перекрыть ей кислород. Другая его рука проходится по ее голому животу до трусиков, верхний край которых он подцепляет кончиком пальца. У нее кружится голова, ей кажется, что она может упасть в обморок или ее вырвет, или то и другое.

От внезапного громкого стука в дверь они оба подпрыгивают. Такое ощущение, будто весь остальной мир исчез, когда они заперлись в этом ужасном месте, но сейчас окружение вновь заявило о себе, и Зиби с Кейт стали просто двумя людьми в комнате, а не тем, чем были раньше. Чем готовились стать.

Еще больше стука. Женщина начинает кричать сквозь дешевый мазонит. Она дергает за ручку, но стул удерживает дверь закрытой.

— Зиби! — кричит она. — Зиби!

Затем следует целая серия злобных пинков по двери и дерганья ручкой, которые обрушиваются на дверь, как россыпь боевых патронов с поражающими элементами.

— Открывай дверь, сейчас же.

— Я занят, — отвечает Зиби, снова проходя взглядом по телу Кейт. — Оставь меня в покое.

От этих слов женщина приходит в еще большую ярость. Она перестает стучать и начинает таранить дверь всем телом. Пытается ее выбить. После третьего удара, стул смещается, и со следующим толчком она влетает в комнату с растрепанными косами и с блестящим блеском на губах. Кейт никогда в своей жизни не была так рада видеть проститутку. Зиби резко разворачивается, но это не спасает его от града ругани. Когда женщина решает, что словесных оскорблений недостаточно, то бьет его рукой в придачу. По шее и рядом с ушами. Он так высок, что ей приходится подпрыгивать, чтобы его ударить — немалый подвиг на ее электрически розовых шпильках — ее грудь трясется, а подтяжки пружинят. Он бранит ее, пытаясь защититься, и пытается отбросить ее, но она злится еще сильнее, нанося удары еще пару раз и все это время крича.

Кейт пользуется моментом и пытается покинуть комнату, но женщина хватает ее за руку. Они смотрят друг другу в глаза. Глаза проститутки излучают ярость, и Кейт задумывается,

получит ли и она тоже, но затем женщина пожимает ее руку.

— Mara wena *(прим.: с зулу «Эй, ты в порядке?»)*?

Женщина напоследок еще раз сильно толкает Зиби, так что он падает назад на стол, и тащит Кейт прочь из ужасной комнаты, разрушенного здания, на слепящий искусственный свет.

Как только они выходят на свет, она быстро осматривает Кейт. Хватает ее за подбородок и поворачивает набок, чтобы осмотреть ее шею в синяках, убедиться, что ее нижнее белье не порвано. Грубая медсестра в горячем розовом белье. Когда она удовлетворяется тем, что нападение на Кейт не удалось, кивает, а Кейт снова застегивает свой пиджак. Такая простая вещь, как крошечные металлические зубцы молнии смыкающие ряды, почти заставляет ее расплакаться от облегчения.

— N-n-ngiyabonga *(прим.: с зулу «Спасибо»)*, — произносит она с запинкой. — Спасибо вам, — но женщина не отвечает.

Она поднимает руку и кричит двум мужчинам что-то о том, чтобы они быстрее заканчивали, у нее есть для них другая работа. Кейт понимает, что по сути они ее подручные, а не мистера Зиби. Сет сейчас сидит, привалившись у стены, но похоже, что он то приходит в сознание, то снова уходит в забытье. Он не осознает ее присутствия. Рядом с ним лежит сверток с одеждой. Полинявшая рубашка «Iron Maiden» с дыркой на шее, и блестящие черные брюки-слаксы. Она хочет сразу же уехать, но они все еще заняты его лечением. Скармливают ему ложкой какую-то голубую кашу, как ребенку. Когда она присматривается повнимательнее, то замечает, что он кашляет и заляпывает пол бирюзовым. Для Кейт это цвет шипения, и он холодный.

— Что вы с ним делаете?

— Muti *(прим.: с зулу «Дерево»)*, — произносит один из них. — Оно заберет яд от лучей.

Не поверив, она смотрит на женщину, которая ей кивает. Они скармливают ему последнюю ложку микстуры, вытирают ему рот. Им приказывают перенести его в машину. Они бросают одежду за ним следом.

— Не знаю, как поблагодарить вас, — говорит Кейт.

Женщина отправляет мужчин в направлении Зиби, а затем протягивает ладонь Кейт.

— Двадцать тысяч, — говорит она.

— О, — произносит Кейт. — Конечно.

«Она проститутка, — думает Кейт, — *или просто сутенерша?»*

Девушка роется в машине и достает всю наличку, которая у нее есть, и отдает. Женщина пересчитывает, ее блестящие накладные ногти сверкают в ярком свете.

Определенно, сутенерша.

Женщина убирает двадцать тысяч в карман своего пальто и отдает Кейт пять тысяч назад. Кейт жестом показывает ей оставить их, но та отказывается и сует ей их обратно в руки. Сет, кажется, начинает приходить в сознание.

— Котенок, — невнятно произносит он. — Сильвер.

— Пожалуйста, выберите местоположение, — просит веселое такси, будто сейчас самая обычная ночь, и они едут поужинать.

Женщина стоит, уперев руки в бока, и ждет, когда они уедут. Но куда они поедут? Где ее дочь?

Позади, Кейт впервые замечает выцветшую фреску на фасаде автомойки. Страус с мусорным баком. «Смастери это» гласит баннер над птицей, но она не может прочитать остальное. Буквы выгорели на солнце и покрылись толстым слоем грязи.

— Куда вы хотите отправиться? — спрашивает такси.

Кейт не отвечает. Женщина закрывает дверцу машины и машет ей через затонированное стекло. Тьюринг запирает все двери и отъезжает. Только тогда Кейт начинает по-настоящему трястись и не может остановиться.

Глава 62
Одной ногой в могиле

Йоханнесбург, 2024

Темба заканчивает проверять Марко, поправлять трубки и провода, опустошать кишечный пакет и пакет из-под катетера. Она снимает свои фиолетовые латексные перчатки. Кеке поднимает на нее взгляд, чтобы узнать ее мнение по поводу его состояния, но медсестра поджимает губы и покидает комнату. Она больше не разговаривает с Кеке после того, как та привела нечестного на руку технодоктора из черной клиники в Форвейз. После того, как та велела мужчине извлечь глазной имплантат Марко.

Марко лежит спящим, как и раньше, но теперь над его левым глазом белая заплатка и бандаж.

Над его левой глазницей, поправила она себя. Потому что глаза больше нет.

Медсестра не должна быть такой ханжой. Она не знает, что на кону. Это решение было очень трудно принять, но в конце она не могла не учитывать тот факт, что Марко, ее возлюбленный, ее любовник, уже одной ногой в могиле, а у дорогой Сильвер, ее сказочной крестницы, вся жизнь впереди.

Если она все еще жива, думает Кеке, глядя на сладко спящего Мэлли, свернувшегося на ленивом кресле под одеялом. Если она все еще жива.

Пэтч Кеке звенит, и она садится.

DarkDoc: Загрузил найденное нами видео. Пройди по ссылке. Пароль: x0PeNx. Думаю, ты найдешь это крайне занимательным.

Кеке нажимает на ссылку темной сети на своем «СнэпТайл» и вбивает пароль. Пока она ждет завершения аутентификации, замечает бамп от Зака.

ZikZak: Как/пациент?
Кех: Без изменений. Хуже.
ZikZak: Мне жаль.
Кех: Он умрет, если/не получит/новое сердце.
ZikZak: Сейчас с ними туго.
Кех: Да. Я искала в/Сети. Необычный предмет поиска.
ZikZak:…
Кех: Нашла на «Марксет» несколько очень странных вещей. СТРАННЫХ.
ZikZak: Могу представить.
Кех: В наличии только беконные сердца.
ZikZak:??
Кех: Кардиолог говорит, что Марко слаб. Если мы подавим его иммунную систему, он умрет. Если мы не подавим ее, его тело отторгнет сердце.
ZikZak: Я могу помочь?
Кех:…

Кеке испытывает искушение рассказать ему о мужчине в сером костюме, который приходил навестить ее ранее. Тот, который принес неотложные медицинские счета за амбудрон и госпитализацию. За которые она не сможет заплатить. Частная медицинская помощь Марко заплатит половину, но останутся еще двадцать один миллион ранд, которых у нее нет. Мужчина сказал, что, если она не сможет найти деньги, им придется перевезти Марко в другой госпиталь — государственный центр — а это равносильно смертному приговору. Недостаточно докторов, недостаточно медсестер. Въевшиеся пятна крови в коридорах, потому что нет ни уборщика, ни швабры, ни чертова отбеливателя. Женщины рожают в залах ожидания и общественных туалетах и встают, потому что нет доступных кроватей, а полы слишком грязные. Люди жалуются, что им не нравится запах больниц: привилегированные люди, которые вдыхают запах антисептиков и морщат свои носы, но они и

понятия не имеют. Она была там и испытала противоположное. Кеке всегда предпочтет запах дезинфицирующих средств, чем болезни.

С банковским балансом Марко тоже что-то произошло. Какой-то сбой в системе биткоинов. Все шесть его счетов с криптовалютой теперь показывают отрицательный баланс. Только если кому-то не удалось взломать его личные…

ZikZak: Только скажи.

Она не может попросить у него денег. Или может? Марко лежит без движения. Она найдет способ вернуть ему деньги.

Кех: Дело ТРУБА.
ZikZak: Я приеду.

Ей стоило сказать нет. Стоило сказать, что она в порядке, или солгать, что справится сама. Но правда в том, что Марко в таком ужасном состоянии, а ее лучшие друзья в опасности, и она никогда не чувствовала себя такой одинокой. Она прикасается к коже на своей руке, своем животе, — это некое тактильное напоминание, что она живая и теплая в этом жестоком, опасном месте, которым стал мир.

Видео стало доступно просмотру. Там были сотни отдельных файлов, и она прокручивает их все до самого низа. Ее внутренности скручивает узлом, когда она нажимает на кнопку «воспроизвести». Перед ней разворачивается голограмма.

Там темно и сложно разглядеть, что происходит. Светится красный огонек записи. Кеке понимает, что Марко под столом. Прячется? Приближаются чьи-то ноги. Она ахает, хоть даже знает, что на Марко напали, и ей не стоит удивляться при виде нарушителя в его доме. Она ахает снова и понимает, что это не от удивления, она плачет. Ее грудь превратилось в один большой эпицентр боли: она чувствует боль Марко, что ему пришлось пройти через весь этот ужас. Она смахивает слезы, пытается очистить глаза, чтобы досмотреть клип. Всплывает вибрирующая иконка «911». Одним нажатием он активировал кнопку паники, вызвал экстренные службы, передал им свои координаты. Но уже поздно.

Дай мне что-нибудь. Дай мне что-нибудь, чтобы оправдать риск.

Нарушитель останавливается рядом с Марко. Он смотрит на неподвижные ботинки. Миг абсолютной темноты — должно быть от ужаса он закрыл глаза — и, затем они открываются снова,

когда нападающий пинком опрокидывает стол, лишая его укрытия. Глазной имплантат автофокусируется на обладателе меча, и автоматически корректирует плохое освещение, так что Кеке видит ее бледные щеки и вульгарную улыбку.

Это лицо потрясает ее, она почти роняет «Тайл». Вот оно. Вот оно. Она перематывает видео назад, что еще раз увидеть лицо нападающей, и делает скриншот.

Попалась.

Кеке отправляет картинку в приложение «ФузиформДжи», запускается система распознавания. Пока она ожидает результатов, ей приходится сопротивляться желанию досмотреть клип с глазного импланта до конца. Она не может вынести мысли о том, насколько Марко было страшно, особенно, когда он лежит здесь на больничной кровати, рядом с ней, неспособный даже самостоятельно дышать. До конца видео осталось пять секунд, и она уже собирается закрыть его, когда на экране появляется желтая надпись. Она заставляет себя продолжить смотреть. Четыре секунды, три секунды. Это записка для нее? Но та остается пустой. Две секунды. За секунду до конца — когда Марко теряет сознание — в записке появляется единственная буква, а затем ничего.

Глава 63

Госпожа Кэтфиш

В дверь частной палаты раздается стук. Должно быть, это снова мужчина в сером костюме, пришел, чтобы выкинуть их из больницы, но в дверь заглядывает лицо друга. Глаза Кейт жгут слезы усталости и благодарности.

— Только посмотри на себя.

В руках у Зака белая картонная коробка, украшенная лентами, которую он ставит на боковой столик, чтобы нежно ее обнять.

— Не лучший видок? — шутит она, отстраняясь, хоть ей и не хочется этого делать.

— Совсем наоборот, — отвечает он. — Ты определенно выглядишь, как ангел, сидящий здесь в окружении больничного белого. Как ангел. Или святая.

— Поверь, мне далеко и до тех, и до других.

— Как говорят, святой — просто грешник, который не оставляет попыток.

— Ну, да… я даже не пытаюсь.

— Знаю, — говорит он. — Вот поэтому я и люблю тебя.

Они стоят поодаль, глядя друг на друга. Кеке шмыгает носом.

— Кроме того, — говорит она. — Святых с моим цветом кожи не бывает.

— Да и они победнее будут.

Девушка представила себя святой с шоколадного цвета кожей, затем вспомнила о том, что сделала с Марко, и ее нимб горит уже не так ярко. Видение напоминает ей, что она не спала много дней, не ела толком. Она так голодна, что ее желудок уже начал есть сам себя. Неудивительно, что у нее стали появляться галлюцинации.

— Для тебя, — говорит Зак, передавая ей белую коробку.

Она откладывает «Тайл», который не выпускала из рук весь прошедший час, развязывает ленту и открывает крышку. Ее уставший мозг рисует ей различные сценарии того, что может оказаться в коробке, еще до того, как она в нее заглядывает. Сначала ей мерещится стая зябликов, которая вырывается из коробки и разлетается по комнате, оставляя после себя летящие в воздухе разноцветные перья. После, шар из фольги с глупым сообщением вроде: «Это МАЛЬЧИК!», а уже после бомба, которая взрывается как только крышка наполовину сдвинута. Взрыв проносится огнем по комнате, по коридору, всему крылу, и все здание больницы превращается в атомное облако из огня и пепла.

— Давай, — говорит Зак. — Она не кусается.

Она открывает крышку. Шоколадные брауни, щедро сдобренные орехами.

— И кто теперь святой? — спрашивает она.

Если бы ее желудок мог выпрыгнуть из тела в коробку, он бы так и сделал.

Он поднимает вторую руку, в которой держит коричневый пакет.

— Настоящую еду я принес тоже.

Они сидят на противоположной от свернувшегося Мэлли стороне комнаты, чтобы не разбудить его своими голосами. За фальшбеконом, песто из рукколы и роллами с кремом с орехами кешью, приглушенным голосом Кеке посвящает Зака в детали. Если он и не одобряет ее решение извлечь записи, то этого не показывает. Когда она заканчивает, он вздыхает и сочувственно потирает лицо.

— Ты действительно прошла огонь и воду, — говорит он, поедая свою тарелку из рисовой бумаги. — Я хочу помочь. Что могу сделать?

Кеке смотрит на него своими яркими биолинзами в упор.

— Кто ты?

Он смеется.

— Ты знаешь, кто я.

— Ты слишком хорош, чтобы быть настоящим, — говорит она. — По моему опыту, это плохие новости.

— Я не собираюсь пытаться убеждать тебя, что мы на одной стороне. Похоже, у нас мало времени. Либо я остаюсь и пытаюсь помочь тебе, чем могу, или ухожу. Решай.

— Почему ты помогаешь мне?

— Разве это не очевидно?

— Нет.

— Потому что я могу. И потому что так правильно.

— Я думала, ты скажешь другое.

Он подмигивает.

— Есть и другие причины.

— Расскажи мне, как нам узнать друг друга. Я хочу сказать, с этого момента.

— Скажу. Когда придет время.

— Расскажи сейчас.

— У нас есть более важные дела. Эта маленькая девочка…

— Сильвер.

— Сильвер. Нам нужно разобраться с этим. Найти ее, пока она еще…

Они смотрят друг на друга через пластиковый столик.

— Пока она еще жива.

— Если она все еще жива. Нам нужно сделать все возможное, чтобы найти ее.

Кеке отправляет бампом видео с глазного имплантата Заку, вместе с фотографией напавшей и результатами распознавания лица.

— Л? — спрашивает Зак. — Какой-то код между вами двумя?

Кеке качает головой.

— Л? — спрашивает он снова.

В глаза Кеке словно насыпали песка. Она ищет в сумке капли для глаз.

— Что насчет этой убийцы? Что ты о ней знаешь? — спрашивает Зак.

Кеке передает ему дымящуюся чашку ужасного кофе быстрого приготовления из медицинского пункта. Нечто подобное ее родители пили в семидесятых, изготовленное в виде растворимых гранул смеси цикория. Там едва ли содержится кофеин, странно, что медсестры его пьют.

— Абсолютно ничего. В этом-то и проблема. Она будто появилась из ниоткуда.

Каждый из них делает по глотку, и их лица одновременно выражают отвращение. Кеке забирает у него кружку и выливает содержимое обеих кружек в маленький умывальник рядом с больничной койкой, а затем предлагает ему кофеиновую жвачку. Он качает головой.

— Расскажи мне о результатах поиска в «ФузиформДжи».

Кеке выдавливает последние две жвачки из обертки из фольги и закидывает их себе в рот. Без кофеина к этому времени она бы уже свалилась с ног.

— Было пятьдесят три разных совпадения.

На каждой странице изображена одна и та же женщина под различными именами, в разнообразных париках, шарфах, но с везде одинаково накрашенными пухлыми губами. Госпожа Кэтфиш.

— Совпадение по лицам — это одно, но нам нужен ее профильный код-ДНК, — говорит Кеке. — Готова поспорить, что у нее сотни фальшивых личностей. Нам нужен ее ДНК-код, чтобы вычленить ее настоящее досье.

— Задача не из легких.

Кеке соглашается.

— Только если она не оставила каких-либо биологических улик в твоем доме. Детективы это проверяли?

— Я буду удивлена, если проверяли. Сам знаешь, какие они. Кроме того, не думаю, что эта женщина имеет привычку оставлять вокруг улики.

— Ну, достаточно будет всего одного волоска. Вполне возможно.

Кеке думает о мужском логове Марко и гримасничает. С одной стороны, она может сосчитать, сколько раз он там прибирался. Там вероятно столько образцов ДНК, что можно идентифицировать целые орды его друзей по RPG, ни один из которых не обрадуется тому, что их засекут.

— Это займет слишком много времени, — говорит Кеке. — Нам нужен результат сейчас. Осталось всего несколько часов до…

Она смотрит на Мэлли и надеется, что благодаря газу он проспит до самого утра. Будет легче разбираться с последствиями — какими бы они ни были — когда опасность миновала, и встало солнце.

Зак встает.

— Посмотрим, что я смогу сделать с этой фотографией. Я сделаю все возможное, чтобы достать ее файл. Дам тебе знать, если что-нибудь найду.

Глава 64

Силиконовый лед

— Котенок, — говорит Кеке. — Слава сети. Ты жива.

— Да? — произносит издающая короткий писк голограмма хеликса. — Боже, это был сон. Чертов кошмар.

— Что случилось?

— Расскажу позже. Достаточно сказать, что мне хватит

материала для кошмаров до конца моей жизни.

— Боже. Прости. Но ты в порядке.

— Хорошо, что жива.

— А Сильвер?

У Кейт перехватывает голос.

— Она не с нами.

— Что?

Все тело Кеке холодеет. *Что она имеет в виду, говоря, что она не с ними? Где она?*

— Они не привезли ее.

— Ублюдки.

Кеке представляет себе маленькую одинокую девочку. Напуганную.

— О, Кейт…

— Скажи мне, что Мэлли в безопасности.

— Конечно. Он здесь. Все еще спит. На самом-то деле храпит с открытым ртом, — когда Кейт не отвечает, добавляет: — Мне бы тоже не помешало немного этого газа. Ха.

Кейт принимается плакать.

— Прости. Это не смешно. Ничто из этого. На мне сказывается тотальный недосып.

— Я просто чувствую такое облегчение, вот и все. По крайней мере, один из них…

Кеке знает, что Кейт хочет сказать. По крайней мере, один из них в безопасности. Этого мало, но уже что-то.

— А Сет?

— Он восстанавливается.

— От чего?

Кейт колеблется. Не может справиться с эмоциями.

— Расскажу тебе все при встрече.

Она отворачивается от Мэлли и понижает голос.

— Где ты сейчас?

— Нам нужно найти Сильвер, но я в полном раздрае. Не знаю, куда ехать.

Они обе несколько секунд молчат. С языка срываются важные новости.

— Думаю, — начинает Кеке, но ее перебивает Кейт.

— Я кое-кого убила.

— Я бы сделала то же самое.

— Правда?

— Черт побери, да. Я бы убила их ради тебя прямо сейчас, если бы могла. Убила бы их всех.

Она смотрит на Марко, и Кейт словно читает ее мысли.

— Как Марко?

— Аппараты выполняют всю работу. Не похоже, что он…

Слова повисают в воздухе.

— О, Кекс, я не знаю, что сказать. Мне жаль. Мне так…

— Я так подумала, если он уже умер — потому что он почти уже умер — тогда мы можем извлечь записи.

— Извлечь…

— Кейт, я их просмотрела. Я видела нападение. И я думаю, что у меня для тебя кое-что есть.

Следует пауза, пока Кейт осознает услышанное.

— Мне жаль. Это должно быть было очень тяжело.

— Я обработала ее лицо, — сообщает Кеке. — Женщины, напавшей на Марко.

— Что? Ты уверена?

— На сто процентов. Думаю, что она — наша главная зацепка. И я думаю, что знаю, где ты найдешь Сильвер.

***

— Проинструктируй свою машину направляться на северо-восток.

Кейт отводит взгляд от проекции и сообщает инструкции такси.

— Конечно, — отвечает Тьюринг. — Перенастройка маршрута.

— Вот координаты. Готова?

— Готова.

— Розовый, хаки, точка, фиолетовый, коричневый, фиолетовый, темно-зеленый, «S».

Кейт уже готовится спросить, почему Кеке называет цвета, затем понимает, что телефон скорее всего прослушивается. Ей нужно видеть то, что она называет. Она вводит цифры вручную в панель такси. 25.8084° S.

— Розовый, фиолетовый, точка, серый, коричневый, фиолетовый, голубой, «E».

28.7081° E.

Кейт не терпится спросить, куда Кеке отправляет их, но, конечно же, она не может этого сделать. Не тогда, когда ее слышит враг.

— Ты получила их из глаза Марко?

— Мы получили изображение человека, напавшего на Марко, да. Затем друг помог мне найти ее ID. И, вероятнее всего, она окажется там.

— И там мы найдем Сильвер?

— Пока что это наша лучшая догадка. Ты хочешь услышать

длинную версию или короткую?

Тьюринг вмешивается в разговор.

— Мы достигнем пункта назначения через тридцать четыре минуты.

— Тогда послушаю длинную версию. Информация — это оружие, верно? Кроме того, Сету все еще нездоровится, и мне нужна компания, пока мы едем, или я сойду с ума.

Кейт откидывается на спину. На нее находит долгожданное чувство облегчения, так как они могут дружески поболтать, хоть и не долго.

— Я узнала, что у тебя и у напавшей на Марко есть нечто общее.

— Очень сильно в этом сомневаюсь.

— Вас обоих забрали у родителей, когда вы были детьми.

— Она была… была одной из похищенных «Генезисом»? Не может быть.

— Не совсем. Ее сцапала опека.

— Опека?

— Отправляю тебе отчет, — говорит Кеке.

Звенит хеликс Кейт.

— Тут говорится, что файл засекречен.

— Не беспокойся, я рассекретила его.

— Как?

— Присяжный — тот, о котором я тебе рассказывала — он пришел с визитом и помог мне. Оказалось, что в силу работы у него есть особые привилегии, когда дело касается определенной личной информации.

Кейт не удивлена, что у Кеке есть такие контакты. Ее карьера построена на оказании и получении услуг. Она раньше многих поняла, что тот, кто владеет информацией, — владеет миром, и годами нарабатывала свои контакты.

— Я передала ему видео, и он…

Сердце Кейт пропускает удар, когда она открывает файл и видит сгенерированный компьютером фоторобот в 4D.

— Это та самая женщина!

— Что?

— Это «Воскресительница». Женщина, с которой мы недавно подрались. Та, которая пыталась забрать Мэлли на шоу. Ты нашла ее!

— Ну, ее нашел Марко.

Они не говорят: «А потом, к несчастью, она нашла Марко».

Кейт принимается читать файл и видит, что женщину зовут Розалинд Джексон. Удивительно красивое имя для такого злого создания.

— Ее родители были натуральными психами. «Зелеными».

Кейт прокручивает страницу вниз и видит еще один портрет, в этот раз фотографию тощей девочки с косичками. Ее мертвые глаза и злобно искривленные губы придают ей хищное выражение. На ее щеках и шее видны тонкие рубцы.

— Что теперь?

— Ну, знаешь этот типаж. Анти-ГМО, традиционная вегетарианка, противница углеводов, домашнее обучение, безумцы, живущие в коммуне. Они забрали ее, когда ей было шесть лет.

В голове Кейт представляет маленькую девочку с перерезанным горлом, видит запятнанный меч в своей собственной руке, ей становится дурно. Она отказывается испытывать чувство вины, но все же на ее языке есть привкус кровавой меди. Что случилось с этим ребенком, что она превратилась в убийцу? Тот же самый вопрос можно спросить и в отношении нее, хоть она хорошо знает ответ.

— Нельзя забирать чьего-то ребенка просто потому, что они живут на окраине.

— Дело не в домашних мюсли. Девочка почти умерла.

— Над ней совершили насилие?

— Можно и так сказать. Их вызвал один из «зеленых» хиппи. Сосед. Он видел, что девочка выглядит больной и обессиленной, а затем вообще ее больше не видел. Спросил родителей, но они сказали, что они верят в силу медитации, а не в медицину. Ха!

От эмоций голос Кеке стал громче. Она снова понизила голос.

— Можешь в это поверить?

— Они были против вакцинации, — говорит Кейт. Не вопрос, утверждение.

— Конечно, были. Розалинд умерла бы, если бы не любопытство соседа. Она была практически при смерти, когда скорая забрала ее от этих полоумных.

— Ей поставили диагноз ветрянка. Что это?

— Ветряная оспа.

— От ветряной оспы можно умереть?

— Можно умереть от осложнений после ветряной оспы. Воспаления мозговых оболочек. Менингита.

— Безумные родители вообще ее не лечили? Даже когда она стала выглядеть совсем плохо?

— Они лечили ее самодельным ху-у-уду-ву-у-уду дерьмом. Силиконовым льдом. Органическими компрессами с коноплей.

Кейт почти ощущает на своей коже прохладный след силикона. Чувствует на вкус пыльный розовый.

— Звучит неплохо на самом деле. То есть, в качестве названия цвета.

— Тоже об этом подумала. Я подумала: «Мне бы сейчас пригодилось немного конопли».

— Ты и твой сорняковый алкоголь, — Кейт почти улыбается. — Ладно. Розалинд Джексон. Так значит, ее взяли под опеку. А что потом?

— Из-за кризиса бесплодия некоторые приюты тогда уже были закрыты. Плюс, она болела долго. Так вышло, что никто не хотел взять на воспитание шестилетку с мертвыми глазами.

— Что насчет родителей? Они подавали апелляцию?

— Нет записей об апелляции. Скорее всего, они считали, что того, что суждено, не изменить.

— На все есть своя причина.

— Идиоты.

— Заблуждающиеся люди.

— Им удалось и дочь поехавшую заделать.

— Она сбежала из учреждения, в которое ее поместили. На самом деле, нельзя ее винить. Сама знаешь, что это за места.

Кейт содрогается. Упоминание любых учреждений заставляет волоски на ее шее превратиться в восклицательные знаки. Будто силиконовый кубик льда пропутешествовал по ее позвоночнику и растворился в нем.

— Она сбежала. Жила на улицах.

— Ловец крыс, — говорит Кейт.

— Кто?

— Ловец крыс. Так их называет Сет. Уличных детей. Говорит, что ему ненавистно видеть их, потому что план доктора Ван Дер Хивера «uGeniX» становится в чем-то верным.

— Что мне сказать? Он дело говорит.

— Да.

— Знаю. Я презираю этого человека настолько, насколько можно презирать труп…

Кейт пролистывает страницы досье, прислушиваясь к словам Кеке. Она видит таблицу со списком обвинений и перебивает ее.

— Арестована за мелкие преступления: кражи в магазинах, карманные кражи, вандализм в отношении торгового автомата «Бильхен Бургер». Ничего жестокого. Похоже, она просто делала все возможное, чтобы выжить.

— Я бы тоже взломала торговый автомат с бургерами, если бы выросла с… как ты их называешь? Традиционными родителями веганами. Я даже не знаю, что это значит.

— Я знаю. Содрогнуться можно.

— Получается, она была маленькой девочкой на улицах.

Наверное, почти самое уязвимое существо, какое только может быть. Догадываюсь, что кто-то увидел ее и решил эксплуатировать.

— А ты прозорлива. Готова к разгадке?

— Еще как.

— Ее забрал хороший самаритянин. Ты его помнишь?

— Нет.

— Парень с бородой. Парень в набедренной повязке. Когда мы были детьми, он часто мелькал в новостях.

— Смутно припоминаю. Ты же знаешь, что я мало что помню из детства.

— Хороший Самаритянин оставил свою жизнь в качестве занимающего высокое место в корпорации кого-то там, чтобы стать лучшим человеком. Он пожертвовал все свои деньги и имущество, включая Мазератти, нуждающимся, и бродил по улицам, выживая с помощью «млечного сока человеческой доброты».

— Я удивлена, что он не умер с голода, — пробормотала Кейт.

— Он даже отказался от своего имени. Всегда говорил людям, которые брали у него интервью, что никогда не был таким счастливым. Я всегда с трудом в это верила.

— Ее забрал Хороший Самаритянин? Куда? В свою коробку в грязной аллее?

— Да. И вскоре он собрал целую свору ловцов крыс, — поведала Кеке. — Очень по-дикенсоновски.

— Очень что?

— Знаешь Оливера Твиста? — спрашивает Кеке. — Фагана? Не бери в голову. Постоянно забываю, что ты не читаешь, а потом все время гадаю, как мы можем быть друзьями.

— Ты же знаешь, почему я не читаю.

Машина сворачивает с хайвея.

— Итак. По иронии судьбы, люди были настолько очарованы отказом Хорошего Самаритянина от всего материального, что начали бросать ему деньги. Кто-то открыл на его имя банковский счет, и вскоре он снова стал мультимиллионером. Он понял, что ему никогда не избавиться от своего богатства…

— А, ну да, нам всем приходится нести свой крест.

— И решил сохранить деньги. Сделать с помощью них что-нибудь полезное. Он построил…

Машина исчезает в туннеле, отрезая сигнал.

Глава 65

Холодная колыбельная

Кеке пытается еще раз позвонить Кейт, но не может

дозвониться. Приходит Темба, и Кеке морально готовится получить еще один хмурый взгляд от медсестры, но этого не происходит. Вместо взгляда, та вручает Кеке чашку чая. Еще она принесла с собой пакетик «Холли Моллиз» для Мэлли, который все еще спит в ленивом кресле.

— Ты больше на меня не сердишься? — спрашивает Кеке.

— Я на тебя не сердилась, — отвечает интерн, избегая с ней зрительного контакта.

— Ты не умеешь врать.

— Ладно. Сердилась, но мне было жаль его. Жаль Марко. Ты же понимаешь, что он для меня в приоритете.

— Он и в моем приоритете тоже, — замечает Кеке. — Просто ты не понимаешь, что стоит на кону.

Она хочет возразить, но затем прикладывает палец к губам.

— Ты права. Я не знаю всей истории.

— Что заставило тебя изменить мнение?

— Насчет чего?

— Ты перестала на меня злиться.

— Ну. Ты была очень щедрой. Слишком щедрой. А затем мне стало не по себе.

— Ты о чем?

— Я никогда раньше не получала таких больших чаевых. То есть, иногда родители оставляют нам корзинки с несвежими кексами или увядающие цветы, но… ну, спасибо тебе. Это было очень щедро с твоей стороны.

Она застенчиво улыбается Кеке, а затем исчезает из комнаты.

Зак. Кеке проверяет общую сумму задолженности на счете за медицинские услуги из «Гордан». Поначалу она в замешательстве. Сумма долга увеличилась вдвое? Затем она замечает знак минуса перед суммой. Все уплачено и более того. На ее глаза наворачиваются слезы при виде суммы в минус сорок миллионов. Мужчина в сером костюме должно быть улыбается от уха до уха. Она даже не знает, что думать о Заке. Почему он помогает ей? Она усвоила несколько тяжелых уроков в ходе своей журналистской деятельности: не бывает бесплатного сыра, но чего от нее хочет Зак? Она сомневается, что чего-то банального, вроде секса. Черт, она бы трахнулась с ним прямо здесь на

этой жесткой больничной кушетке, если бы это значило, что Марко останется в отделении интенсивной терапии, и ей все равно, что это о ней говорит.

Они нас не вышвырнут. Журналистка отпивает чай и прислоняется головой к спинке, разминает мышцы шеи. Она начинает зевать, потягивается, а затем обнимает себя руками. Ее

тело совсем обессилело: напряженное, болезненное, на грани заболевания. Кеке не помнит, когда в последний раз спала, и чувствует, что вот-вот рухнет. Она карабкается на больничную кровать рядом с Марко и прижимается к его боку. Кладет ладонь на его израненную грудь, накрывает его холодную руку своей теплой. Она всего на секундочку закроет глаза. Не будет спать. Просто не может. Сколько времени прошло? Сорок восемь часов? Семьдесят два? Кеке пытается отсчитать цифры до того времени, когда все было нормально, но цифры ее не слушаются. Сон вихрится вокруг нее и чернилами проникает в виски. Медицинское оборудование напевает ей холодную колыбельную.

Глава 66

Ужин на одну персону

Кеке выплывает из сна без сновидений. Она все еще в том же положении, в каком задремала, удобно устроившись рядом со спящим телом Марко. Девушка не хочет просыпаться, открывать глаза и видеть мир, перевернутый с ног на голову. Даже в полубессознательном состоянии она мечтает о кнопке перемотки назад — всего на неделю — если бы они могли вернуться всего на неделю, тогда бы вернула Марко, а близнецы были бы в безопасности. Теперь ее ждет горькая новая реальность. Она хочет снова унестись назад в умиротворенное забвение, но кто-то зовет ее по имени. Что-то случилось? Она открывает раздраженные глаза — ее «БиоЛинзы» нужно поправить — но из-за сильного недосыпа они закрываются снова. Она пьяна блаженным сном и хочет продолжать пить. Она вообще когда-либо чувствовала себя такой уставшей? Человек зовет ее снова.

— Кекелетсо, — говорит женщина. — Пришли какие-то люди.

Кеке ворчит.

— Им нужно поговорить с тобой.

Она снова открывает глаза, моргая в жестком флуоресцентном свете. Почему в больницах так чертовски ярко?

— Кто? — ее губы слиплись, так что ей приходится повторить снова. — Кто?

Перед глазами появляется лицо Тембы.

— Здесь какие-то мужчины, они тебя ищут.

Она садится и пытается восстановить четкость зрения. Ее мозг все еще спит.

— Что?

— Они сказали, что им срочно нужно с тобой поговорить.

— Это насчет больничных счетов? Они оплачены.

— Дело не в больничных счетах.

Кеке вздыхает, прикасается к своим закрытым глазам подушечками пальцев и пытается уменьшить их припухлость,

затем встает с постели Марко.

Почему медсестра выглядит пристыженной? Или извиняющейся? Что она натворила? Она открывает дверь, и в комнату входят три офицера полиции в униформе. Мозг Кеке не может осмыслить их присутствия. Они выследили ту женщину — Джексон? — которая сделала это с Марко? Но должно быть что-то большее. Зачем бы им утруждаться ее поисками в частной больничной палате?

— Добрый вечер, — говорит тот, что в центре. Двое других встают у двери.

Кеке смотрит в окно: сумерки. Сколько времени?

— Я детектив Рамфеле, с представителями южноафриканской полиции.

В голове Кеке звенят тревожные колокольчики. Это не имеет смысла.

— Откуда мне знать? — спрашивает она.

Он покачивается на ногах, словно разогревается перед погоней.

— Откуда вам знать что?

— Что вы из полиции?

— Это неважно. Мы здесь, чтобы задать вам несколько вопросов.

— Что-то случилось?

— Простите?

Они выглядят абсолютно неуместно в своей новой полицейской униформе. Все в черной кевларовой форме, будто готовятся к битве, а не к допросу уставшей женщины с опухшими глазами, у которой едва хватает сил стоять перед ними.

— Вы… присядете?

Неловко.

— Мы ненадолго.

Кеке хочет налить себе стакан воды, но чувствует пристальное внимание офицеров, и ей кажется, что любое резкое движение будет опасным.

— Вы что-то обнаружили?

Офицеры полиции хмурятся.

— Вы не могли бы выразиться точнее?

Кеке подавляет желание закатить глаза. Может ли полицейская служба Южной Африки быть более некомпетентной? Она освещала так много случаев, в которых важные улики терялись из-за коррупции и плохо обученных копов. Теперь похоже, что настала ее очередь испытать это на собственной шкуре.

— Почему вы здесь? — спрашивает она, ей не удается скрыть

раздражение в голосе. — Вы что-то обнаружили, какие-то улики? Вы поймали человека, который сделал это с Марко?

Лица мужчин отражают ее растерянность.

— Проникновение в мой дом, — говорит Кеке. — Нападение.

— Мы здесь не поэтому, — отвечает Рамфеле. — Мы вообще об этом ничего не знаем.

«Конечно же, не знаете, — хочется сказать ей. — *Потому что вы ох*еть какие бестолочи».*

Мужчины здесь уже две минуты, но пока она встретилась лишь с растерянностью и тупиковыми вопросами: час, застрявший в паутине Кафки. Кеке не хватает моральных сил разбираться с этим. Она закрывает глаза, дышит, а затем открывает их снова.

— Пожалуйста, не могли бы вы рассказать мне, что происходит?

Рамфеле прочищает горло. Сейчас он перестал разогреваться перед воображаемой погоней.

— У нас есть запись о том, что вы посещали пару дней назад Хелену Нэш в Исправительной колонии «Угольный завод».

Кеке хмурится.

— Да?

— Зачем?

У Кеке в голове путаница.

— В чем дело?

— Просто отвечайте на вопрос, — говорит тонким голосом один из мужчин у двери.

— Мы виделись с Нэш, потому что у нас была версия в деле, над которым мы работали.

— Вы работали по делу?

— Неофициально.

Рамфеле постукивает ногой.

— Я исполняла обязанности присяжной, а затем у меня возникла одна мысль. Так что мы нашли Нэш.

— У вас возникла мысль?

— Вы удивлены, что у меня возникают мысли? — огрызается она. — Почему? Потому что я не коп, или потому что я женщина?

— Просто вы так выразились.

— Я не знала, что нужно было сказать как-то иначе.

— Не хотел вас оскорбить. Вы выразились… легкомысленно.

— Пошли вы.

— А теперь послушайте, мисс…

— Не говорите мне «а теперь послушайте». Посмотрите вокруг. Посмотрите на этого мужчину, который находится на грани смерти. Что-либо из этого кажется вам «легкомысленным»?

Рамфеле выдыхает носом воздух и поднимает руку в извиняющемся жесте.

Напряженное молчание. Слышен лишь шум аппаратов.

— Просто отвечайте на вопросы, — говорит он, — тогда мы уйдем.

— Отлично.

— Вы пошли увидеться с Нэш. Из-за… догадки?

— Да.

— Что вы выяснили?

— Все сложно.

— Поверьте мне, — говорит детектив. — Все намного сложнее, чем вы думаете.

— И что это значит?

— С кем вы были, когда посещали осужденную?

— С коллегой присяжным.

— Почему?

— Почему? Я не знаю. Потому что у нас обоих возникла эта догадка? Потому что мне хотелось, чтобы он составил мне компанию?

— Этого человека зовут Закери Гердлер?

— Да?

— Вы не уверены?

— Мне он известен под именем Зак.

— Вы были вместе.

— Да, — отвечает Кеке, — но вы это уже знаете. Не то чтобы можно было просто войти в колонию. У них есть биометрические записи нашего визита.

— Это-то и самое забавное, — говорит Рамфеле.

— Что забавное?

— Если можно так выразиться.

— Расскажите мне.

— Похоже, что после вашего визита на «Завод», произошел какой-то сбой в системе наблюдения. Ни одна из двадцати трех камер, которые должны были записывать ваш визит, не запечатлела мистера Гердлера.

— Что? Это нелепо. Вы уверены?

— Нас бы здесь не было, если бы мы не были уверены.

— Ну, я точно могу вам сказать, что мы там были.

Рамфеле достает из нагрудного кармана стеклянный «Тайл». Он нажимает на него, и над ним появляется вращающаяся голограмма. Это видео с камер безопасности на «Угольном заводе». Кеке видит, как она входит в здание, сканирует отпечаток пальца и проходит обыск на предмет оружия.

— Зак вошел в здание вместе со мной. Мы вместе вошли в

комнату допроса.

— Судя по этому, нет, — говорит Рамфеле, включая еще один ролик.

В нем Кеке проходит на конвейерную ленту одна, очевидно, разговаривая сама с собой.

— Не знаю, что сказать.

У Кеке в голове каша.

— Вы работаете с мистером Гердлером?

— Я же уже вам сказала. Мы с Заком вместе были присяжными. Вместе раскрыли дело. Если это считается совместной работой, то, да, мы раотали вместе.

— Он заплатил вам за эту работу?

Кеке смеется.

— Конечно же, нет.

А затем вспоминает о больничном счете, и ее внутренности скручиваются в тугой узел.

— В системе наблюдения нет никаких записей о присутствии Герлдера на «Угольном заводе».

— Говорю же вам, это невозможно.

— Вы говорите, что вместе исполняли обязанности присяжных?

— Да. Дело Ланди. Судьи Мбете, Ренс и Влок.

— Смотрите-ка, — Рамфеле улыбается. — Тут снова все становится забавным. Там тоже нет о нем никаких записей. Его нет в списке присяжных. Он не упоминается ни в каких документах.

— Он там был. Я сидела рядом с ним. Так мы и встретились.

— Его нет даже на записях камер видеонаблюдения. Снова.

Рамфеле показывает Кеке еще один клип с крыши здания суда. Она сидит и ест ланч одна.

Она видит себя поедающей ланч и у нее появляется идея. Она идет к урне рядом с больничной койкой и ищет там коричневый бумажный пакет с остатками ужина, который они вместе съели.

— Что вы делаете? — спрашивает коп.

— Он принес мне ужин, — говорит она. — Мы вместе поели. Если он принес мне ужин, то в этом пакете должны быть следы его присутствия.

Еще одна тарелка, столовые приборы, салфетки.

Она находит пакет и разрывает его. Внутри лежит одинокая смятая салфетка и испачканная соусом бумажная тарелка. На пакете стоит логотип гастронома «Гордан», и там четко обозначено, что это «ужин на одну персону».

Она помнит, как Зак стирал свои отпечатки пальцев со стола. Сложил и съел свою тарелку из рисовой бумаги.

— Темба! — кричит она. — Темба!

Медсестра должно быть подслушивала у двери, потому что она почти ввалилась в комнату.

— Темба. Ранее здесь был мужчина?

Она качает головой.

— Симпатичный. Дорогой костюм, — подталкивает Кеке.

— Нет, — говорит она. — Я здесь никого не видела, и всю ночь я была на дежурстве.

— Я… придумывала его? — спрашивает Кеке детектива. — Все это время?

Воспоминания о ее беседах с Заком теперь принимают сюрреалистический оборот. Теперь она представляет себя одну, ведущую байк на «Угольный завод», пьющую кофе в «ПронтоПринт». Представляет себя сидящей в углу, смеющуюся над шутками невидимого собеседника. Все это было сном?

— У меня… галлюцинации, — говорит она, не веря в это. Хоть она вполне уверена, что это говорит не в ее пользу.

Детектив качает головой.

— Нет.

— Да. Я схожу с ума, так? Вы здесь, чтобы… забрать меня. Запереть в обитой мягким камере.

— Нет, — отвечает он снова в этот раз с сочувствием в голосе.

— Тогда что? Какого хрена происходит?

Коп манипулирует ее восприятием?

— Закери Гердлер — самый скользкий тип из всех, которых я встречал.

— Не встречал, — бурчит один из копов у двери.

— Ладно, — говорит он. — Которых я никогда не встречал.

Кеке вспоминает свое первое впечатление, когда она услышала его имя. Ономатопия. Зак… Зак… Зак… Она нашупывает стул.

— Вы в порядке? — спрашивает Рамфеле.

Кеке кивает, но на самом деле чувствует, будто сейчас упадет.

— Вы не первая, с кем он это провернул.

Провернул что? Не то чтобы он как-то ей воспользовался. Он был другом. Корешом. Они с Марко оказались бы на улице, если бы он не оплатил медицинские счета. У Кейт не было бы GPS-координат, чтобы найти Сильвер. Но почему? В чем его конечная цель?

— Вы в курсе, — спрашивает Рамфеле, его значок мерцает в слишком ярком искусственном свете, который теперь не только причиняет боль пересохшим глазам Кеке, но еще и ее мозгу, —

что Хелена Нэш мертва?

У Кеке уходит несколько секунд на то, чтобы понять, что он только что сказал.

— Что?

Копы выглядят испытывающими сомнения.

— Нет, — говорит Кеке. — Что с ней случилось?

Люди едва ли теперь умирают в колониях, не то что в переполненных тюрьмах, которые раньше существовали в Южной Африке, где тебя зарежут за твою грязную подушку. Работающие в исправительных учреждениях имеют хорошую охрану и отличное медицинское обслуживание. Плюс, им приходится носить эти ужасные умные медные наручники с новыми технологиями, когда они не работают. Ужасно, но безопасно. АНК постоянно хвастаются тем, что они в состоянии сохранять своих заключенных живыми и здоровыми, но, конечно же, они сделают все, что угодно, чтобы те продолжали дышать. Так как те составляют значительную часть рабочей силы в стране.

— Суицид.

— Нет, — произносит Кеке. — Не может быть. Мы готовились опровергнуть ее обвинительный приговор.

— Она об этом знала?

— Она знала, что мы над этим работаем. По этой причине мы и пошли увидеться с ней.

— Она оставила записку. Сказала, что без ее ребенка и свободы ей не за чем жить.

— Но я думала, что в исправительных колониях невозможно совершить самоубийство.

— Так и есть. Если только не поможет человек извне.

— Кто?

Все офицеры полиции уставились на нее. Она смеется. Ничего не может с этим поделать.

— Я? В самом деле? Поэтому вы здесь?

Рамфеле очень внимательно за ней наблюдает.

— Она не могла получить таблетку яда ни от кого другого. Кроме вас у нее не было других посетителей.

Кеке бледнеет при упоминании смертельной таблетки.

— А теперь ее тело в холодильнике.

— Мне понадобится адвокат?

— Не знаю. А вы как считаете?

— Я не сделала ничего дурного.

— Вы помогали и содействовали известному серийному убийце.

У нее шумит голова, а ноги слабеют. Она не может произнести и слова: ее мозг словно задыхается.

— Зак, — наконец произносит она. — Не серийный убийца.

— Серьезно? — спрашивает Рамфеле. — Вы сами сказали, что едва знали его. Вы встретили его всего пару дней назад.

— Но я бы знала, — говорит она. — Вам не кажется, что я бы знала, что общаюсь с психопатом?

Рамфеле снова нажимает на свой «Тайл» и в воздухе между ними повисают снимки мертвецов. Старик в инвалидной коляске, молодая женщина, парочка, держащаяся за руки. Подросток в постели в марсианском стиле.

— Тед Симмонс мертв. Нео Кодва, мать двух детей, мертва. Трейси и Чарли Фентон, близнецы, мертвы. Синди Пейдж, почти закончившая школу, мертва.

Кеке закрывает глаза, отмахивается от голограммы, будто желая, чтобы та исчезла. Словно она не видела достаточно мертвецов за прошедшие две недели.

— Они все предположительно покончили жизнь самоубийством, но в каждом случае был общий знаменатель: визит Закери Гердлера.

Наступает тишина.

Медленно, она открывает глаза.

— Он сказал мне, что эксперт по суицидам.

Детектив выключает голограмму.

— Ну, это похоже на правду.

Кеке нужно присесть. Она ищет взглядом сидение, и ее глаза автоматически падают на ленивое кресло, которое пусто. У нее внутри все обрывается.

— Мэлли?

Она проверяет под кроватью. Он испугался копов и спрятался в шкафу?

— Мэлли?

Рамфеле смотрит на нее, будто она совсем спятила.

— Вы видели здесь маленького мальчика? — спрашивает Кеке. — Маленького мальчика? Он спал в кресле!

Все офицеры качают головами.

— Когда мы приехали, кресло было пустым, — отвечает Рамфеле.

— Нет, — произносит Кеке. — Нет, нет, нет

Проверяет шкаф и ванную комнату. Она не видела его с тех пор, как проснулась. Должно быть его похитили, пока она спала. Кеке запрыгивает в свои ботинки, готовясь бежать на улицу и искать его, но крепкая рука на ее груди останавливает ее от ухода из комнаты.

— Дайте мне уйти! — говорит она, пытаясь протолкнуться мимо него. — Мне нужно найти Мэлли!

— Мы не можем позволить вам уйти, — говорит коп.

Они борются снова.

— Я должна найти его. Ему три года! Он в опасности!

Рамфеле подходит к ней, и она перестает извиваться.

— Вы никуда не пойдете, — говорит он.

Она не успевает понять, как опустив взгляд, замечает, что на ней защелкиваются медные наручники.

Глава 67

Повторный перелом костей

— Проснись, — говорит Кейт, тряся Сета.

Она как можно дольше его не будила, чтобы он восстановился, но сейчас брат ей нужен. Его губы все еще голубого цвета после лекарства, которое влили ему в глотку парни Зиби.

— Да, — произносит он, вытирая губы и садясь. — Да, я проснулся.

Он смотрит в затемненные окна, в темноту.

— Я был в отключке несколько часов, — говорит он, расчесывая волосы пальцами, будто она этого не знает. Будто она не считала минуты до момента, когда сможет разбудить его.

— Ты в порядке? — спрашивает она. — Как ты себя чувствуешь?

— Жить буду.

— Хорошо. Отличные новости. Не была в этом уверена час назад.

— Знаю. Сейчас мне лучше.

— Что это была за голубая дрянь?

— Голубая дрянь?

— Что последнее ты помнишь?

Он с подозрением на нее смотрит. Смотрит на свое почти полностью обнаженное тело.

— Почему ты спрашиваешь? Что произошло?

— Мне пришлось отвезти тебя к этим людям, чтобы они помогли тебе… ох, не бери в голову. Это было ужасно. Но теперь мы в порядке. Верно?

— Голубая дрянь?

— Как… краска. Они назвали ее мути. Влили ее тебе в рот.

— Берлинская лазурь, — отвечает Сет, снова вытирая губы.

— Да. Точно. То есть, не знаю, что это было, но название кажется подходящим.

— Это краска. Она связывается с молекулами радиации, выводя их из организма. Подожди. Ты не знала, что это, но позволила им напоить меня этим?

— Я бы позволила им скормить тебе влажный цемент, если

бы они это предложили. Я находилась в отчаянии, а они были единственными, кто в этом разбирался. Они годами помогали Зама-замас.

Она передает ему старую одежду. Он поднимает полинявшую футболу «Iron Maiden» и с одобрением кивает, а затем влезает в мягкую пахнущую дымом одежду.

— Что с тобой случилось? — спрашивает он.

— О чем ты?

— Ты выглядишь иначе. Что-то произошло?

Она сглатывает и отводит взгляд.

— Нет, — отвечает она, ощущая горячее дыхание Зиби на своей щеке. — Ничего не произошло.

Кейт чувствует, что он хочет спросить еще раз, но молчит. Нет времени для разговоров.

— Где мы?

— Кеке передала мне координаты, но до того, как она сказала мне, куда мы едем, связь пропала. Я пыталась перезвонить ей, но она не отвечает.

— Ты не знаешь, куда мы едем?

— Долгая история.

— Расскажи мне короткую версию.

— Кеке. Она для нас это сделала.

— Сделала что?

— Заставила того доктора… взломать глазной имплант Марко.

— Иисусе.

Он прикладывает кончики пальцев ко лбу.

— Она выяснила, где Сильвер.

Звенит хеликс Кейт. Появляется улыбающаяся иконка Кеке, и Кейт отвечает на звонок.

— Кекс, — говорит она. — Ты на громкой связи.

— Это Кейт? — спрашивает густой мужской голос.

У нее сжимаются внутренности.

— Где Кеке? Что вы сделали с Кеке?

— Это детектив Рамфеле из «Убийства и ограбления Роузбэнк».

— Нет, — говорит Кейт, думая о худшем. — Нет. Она не мертва.

— Она не мертва, — говорит он.

О, слава Сети. Облегчение так осязаемо, что подобно жидкости.

— Почему вы мне звоните?

— Нам пришлось конфисковать ее девайс, но по просьбе девушки я согласился позвонить вам, чтобы сообщить важную

информацию.

Теперь Кейт слышит, как на заднем фоне кричит Кеке. Она пытается понять, что та говорит. Что-то о…

— Мисс Мсиби хочет, чтобы я сказал вам, что ваш сын пропал.

— Пропал? — спрашивает Кейт. — Что вы имеете в виду под «пропал»?

Кеке все еще кричит.

— Она проснулась, а он пропал. Я уведомил власти. Они его найдут.

Ее подруга кричит что-то еще.

— Она говорит, что должно быть он услышал ваш последний разговор.

— Что?

— Когда она назвала вам координаты…

— Бл*ть! — кричит Кеке.

Кейт слышит звуки борьбы.

— Она думает, что он направляется туда.

Сет снова бледнеет.

Кейт представляет себе людей, которые откроют дверцу машины для маленького потерявшегося мальчика поздней ночью. Она буквально видит, как его светлые волосы блестят под лунным светом, когда кто-то грубо хватает его за руку, и он исчезает навеки.

— Этого не может быть. Это уже слишком. Сильвер в руках врагов, а теперь Мэлли тоже на пути туда.

— Послушайте, леди, — говорит Рамфеле. — Я отправлю команду, чтобы помочь вам найти его.

Слышен разговор на приглушенных тонах.

— Я уже отправил людей искать вашего мальчика на улицах. Пришлите мне его недавнее фото и ДНК-код.

— Нет, — говорит Кейт.

— Нет?

— Не приближайтесь к моим детям. Они сказали, что если мы подключим к делу полицию, они ее убьют.

— Ее убьют? Я думал…

— Дайте мне поговорить с Кеке, — просит Кейт.

Вздох мужчины подобен серому дыму на горизонте.

— Пожалуйста.

— Ладно, — говорит он. — У вас одна минута.

Появляется Кеке. У нее краснющие глаза. Она открывает рот, чтобы заговорить, но Кейт ничего не слышит кроме сильнейшего удара, какой она когда-либо испытывала, когда в такси врезается невидимое транспортное средство, вокруг них суперстекло

разлетается градом осколков. На долю секунды они отправляются в невесомость, а затем их разворачивает на триста шестьдесят градусов, и им в лица выстреливают воздушные баллоны из силикона, вжимая их в сидения, когда машина переворачивается снова. Затем резко останавливается, когда они врезаются во что-то неподвижное. Кейт чувствует вонь жженной резины и металлических искр, перебивающие запах нового пластика, а затем из ее носа вытекает жидкость и окрашивает подушку малиновым. Ей хочется закричать, но в легких закончился воздух. Она подносит ладонь к носу, не совсем веря, что вся эта красная краска проистекает из нее. Кроме оглушающего звона в ушах и синих спиралей перед ее глазами, Кейт слышит, как ее зовут по имени, словно она спит, и кто-то пытается разбудить ее.

— Кейт! Кейт! — доносится приглушенный голос, а затем она понимает, что это Сет зовет ее. Она поворачивает голову, чтобы посмотреть на него, ее ладонь все еще зажимает ее разбитый нос. — Ты в порядке?

— Кажется, да, — говорит она.

Девушка не слышит собственный голос из-за писка в голове. Ей больно кивать, но она все равно это делает. Она чувствует, как по ее горлу течет кровь, поэтому она пытается выплюнуть ее, зная, что от глотания крови ей станет плохо. Кейт не может позволить себе заболеть, когда ее жизнь разлетается прямо перед ее глазами на куски, как и салон этой машины.

— Похоже, мы попали в аварию, — щебечет Тьюринг. — Я отправил наше местоположение в экстренные службы. Пожалуйста, не двигайтесь и сохраняйте спокойствие, пока мы ждем их прибытия.

Кейт хочет повиноваться, хочет откинуться на сидении под успокаивающим весом баллона с воздухом на груди, но она смотрит сквозь разбитое окно и видит черные ботинки, приближающиеся к машине. На долю секунды она думает, слава Богам, они уже здесь, чтобы помочь нам, но вскоре замечает блеск оружия на фоне ночного неба. Понимает, что эти люди и спровоцировали аварию. Силуэты с АК-47. Кто-то разбивает потрескавшееся окно рядом с ней, и суперстекло исчезает, как сорванная шкура. Два автомата нацелены ей в голову, пока мужчина в черном вытаскивает ее из обломков, царапая ее тело о разбитое стекло.

— Бл*ть! — восклицает Кейт, когда бритвенно острые лезвия вонзаются ей в кожу.

Одна из других теней вытаскивает из обломков Сета. Хватка мужчины так крепка, что ее рука начитает гудеть голубым, предупреждая ее, что еще больше давления может привести к

повторному перелому кости.

Глава 68

Запах пороха

Мужчины в капюшонах и масках тащат Кейт с Сетом прочь от дымящейся машины по направлению к их фургону, матово-черному на фоне смоляной черноты улицы, на фоне непроглядной темноты ночи. Черное в черном на черном, будто их поглотил космос, где ничто не будто иметь значения.

Сет без сознания, но Кейт сопротивляется тому, что ее тащат.

Только не снова. Не снова, не снова, не снова.

Мужчина возвышается над ней, высокий и мускулистый. Он сильнее ее, но каждая молекула в ее теле говорит ей, что нужно держаться подальше от фургона. Разбитый нос гудит небесно-голубым. Не то чтобы у нее возникли флешбеки ее похищения в детстве — ничего такого четкого — скорее тело вспоминает травму и отказывается повторять ту же ошибку снова. Ее пистолет потерялся в разбитой машине. Она пытается бороться с ним, на миг чувствуя, что лучше умрет, сражаясь, здесь и сейчас, чем позволит снова себя похитить. Кто эти люди, которые думают, что просто могут похищать других людей и забирать их детей? Будто их тела не более чем пакетированное мясо, нечто бескровное, чем можно владеть и продавать по своему желанию. Ее гнев растет, а вместе с ним и сила. Она кричит, набрасываясь на него. Бьет его в челюсть, которая остается неподвижной, и ее суставы хрустят. Пытается ударить его коленом между ног, но там какая-то броня. Она будто ударяет коленом о бетонную стену. Она больше вредит себе, чем ему. Другой мужчина — всего в нескольких метрах от нее — тащит тело Сета к фургону.

У нее в голове проскакивают обрывочные мысли. Она использует свою силу, рожденную адреналином, чтобы попытаться вырваться: может она и не сможет его побороть, но сумеет освободиться. Как раз в этот момент раздается вспышка света. С громким звуком ночной воздух окрашивается запахами пороха и крови. Сет только что застрелил одного из мужчин, голова которого запрокидывается назад от силы выстрела. Другой мужчина поднимает свой АК-47, чтобы лучше его перехватить и начинает стрелять в Сета, который бросается в укрытие позади все еще дымящейся машины.

Пока Кейт наблюдает за происходящим в ужасе, мужчина осыпает машину сотней быстрых стальных пуль. Слышится грохочущий звук пуль, врезающихся в машину, и эхо рикошетов. Когда он поднимает Кейт, готовясь перекинуть ее через плечо, одна из пуль проносится мимо них, прошивая маску мужчины и попадая ему в скулу. Он вскрикивает, срывает свою маску и

прижимает ладонь к свежей ране. Кейт использует это кратковременное отвлечение, чтобы вырваться от него и убежать. Она бежит и скользит за развороченную машину, царапая свои ноги и колени об асфальт.

Сет все еще жив, и с ее губ срывается тихий всхлип боли и облегчения. Дрожащими руками она берет револьвер, который он ей протягивает, и, когда ее пальцы смыкаются на рукояти, она чувствует мрачное чувство удовлетворения. Когда долей секунды спустя с ней рядом появляется мужчина, она быстро нацеливает револьвер и стреляет в его крепкую татуированную шею. Снаряд, должно быть, попал в артерию, потому что кровь, черная из-за темной ночи, выплескивается масляным фонтаном. Он пытается зажать рану, пытается остановить кровотечение, но его не остановить. Ревет от ярости и придавливает Кейт к земле. Ее голова ударяется об бетон, а перед глазами возникают звезды. От силы удара револьвер выпадает из ее рук, а воздух вылетает из легких.

Сет направляет свой пистолет на мужчину, но сомневается стрелять или нет. Кейт знает, что в непроглядной темноте он не может разглядеть, где заканчивается тело нападающего, а где начитается ее. Она задыхается под его весом. Она издает булькающие звуки: она не может дышать, не может перевести дыхание. Ее легкие молча визжат.

— Сними его с меня, — пытается она сказать, но ей не удается ничего произнести. — Сними его.

У нее закончился кислород. Из шеи мужчины вытекает кровь и пропитывает ее корпус. Горячий металлический сок — красная жидкая ртуть. От этого ощущения ей хочется кричать. Сет борется с умирающим мужчиной, стаскивая его с ее тела, и внезапно мертвый вес исчезает, и Кейт удается издать влажный хрип. Сет выискивает третьего мужчину, но тот исчез. Медленно в голове Кейт исчезают звезды. Остался лишь светло-голубой шепот в ее раненом плече и носу. Сапфировая боль.

Сет забирает оружие мужчины из кобуры на его бедре, проверяет магазин, и засовывает его за пояс своих блестящих брюк-слаксов. Он помогает ей подняться с асфальта. Его лицо очень бледное.

— Готова?

Он спрашивает так, словно спрашивая, готова ли она бежать.

Кейт не доверяет своему голосу, так что вместо ответа кивает. Он берет ее за руку, но, когда они готовятся уходить, дверь фургона скользит в сторону — звук — само воспоминание оказывается достаточным, чтобы парализовать их обоих — и Сет кричит: «На землю!», и тянет ее на землю следом за собой. Они

ожидают град пуль, но там нечто другое. Шепот. Небольшое движение, которое инстинктивно заставляет их поднять взгляд на авто.

— Мамочка! — кричит маленькая девочка из фургона.

Она встает, освещенная светом в салоне над ее головой — сияющая аура — с выражением надежды на лице, которое разрывает Кейт сердце. Сильвер.

Глава 69

Мрачная хватка

— Сильвер! — кричит Кейт до того, как Сет зажимает ей рот своей ладонью, пахнущей порохом и перцем. Девочка слышит ее голос и начинает звать: «Мамочка? Мамочка!», снова и снова заливаясь слезами.

На виду появляется Бонги, кладет руку на плечи Сильвер, гладит ее по волосам.

— Кейт, — провозглашает она, — тебе лучше выйти.

Вид Бонги, прикасающейся к ее дочери, так злит Кейт, что она готова убивать.

— Мы не причиним тебе вреда.

Разряженные патроны, окружающие изрешеченное такси, говорят об обратном. Кейт начинает вставать с земли, но Сет снова тянет ее вниз.

— Они убьют нас, — говорит он.

— Знаю, — отвечает Кейт и встает.

Она не позволит своей маленькой девочке умереть в одиночестве. Она поднимает руки и идет к фургону. Сет остается внизу, наблюдает за Бонги из-под прицела своего пистолета, готовясь прикрыть своего близнеца.

— И ты тоже, Сет, — говорит Бонги.

При упоминании имени Сета Сильвер начинает хныкать, затем замечает появляющуюся из темноты Кейт и падает на пол из-за сильных эмоций. Бонги дергает ее вверх, но та продолжает выть.

Сет выходит неохотно, вытирает руки о штаны. Он равняется с Кейт, которая почти достигла фургона, когда третий мужчина появляется из тьмы позади и наставляет на них свой АК-47, жестом показывая им бросить свое оружие. Сильвер пытается сбросить с себя руки няни, побежать к Кейт, но мрачная хватка Бонги на ее плечах удерживает ту внутри фургона. Наконец, Кейт добирается до нее, и девочка высвобождается, побегая в объятия матери. Ее икающее тельце прижимается к телу Кейт, легкие наполняются сладким острым запахом драгоценной дочери. На краткий миг, мир Кейт вновь становится нормальным. Ребенок одновременно и материален, и абсолютно лишен веса. Она одета

в грязное конфетного цвета платье, которое Кейт упаковала для нее на время визита к бабушке и дедушке, местоположения, которого она так и не достигла. Ткань пахнет мочой.

— Моя детка, — плачет она, уткнувшись в шею Сильвер. — Моя девочка.

Бонги шагает в сторону, жестом показывая им садиться в фургон. Внутри роскошный салон, декорированный дымчатым стеклом. Наличие детского автомобильного кресла сбивает Кейт с толку.

— Садитесь, — говорит Бонги.

Сильвер старается сделаться как можно меньше на коленях матери — фиолетово-голубой — и Кейт быстро ее обнимает. Большая дверь автоматически закрывается, замки со щелчком запираются. Вызывающее клаустрофобию место вызывает в Кейт страх. Она пытается выровнять свое дыхание, сейчас не время для панической атаки.

Глава 70

Мертвый мрамор

— Куда вы нас везете? — спрашивает Сет.

Перегородка из дымчатого стекла, отделяющая салон от передних сидений, скользит, полностью открываясь. К ним поворачивается похожее на трон кресло.

Кейт так шокирована тем, что она видит, что ахает вслух, заставляя Сильвер подпрыгнуть.

— Я думал, что вы нам скажете, — говорит он своим звучным и знакомым голосом. — Здравствуйте, Кейт, Сет. Мне жаль, что мы встретились при таких… сложных обстоятельствах.

Шок Кейт ярко оранжевый: ее версия дежавю. Последнее время она испытывает его все чаще и чаще. Будто ее жизнь — это какая-то петля невезения. Разговор в ресторане, похищение и теперь это. Разве они это уже не проходили? То же самое, но другое. Перед ней сидит не Ван дер Хивер, хоть и мог бы. Какой-то дубликат, какой-то клон, какой-то сбой в матрице.

Люмин?

Сет срывается со своего места с вытянутыми перед собой руками, готовый задушить мужчину. Охранник «Воскреситель» опускает свою винтовку, чтобы схватить его до того, как тот достигнет Мейстра, а затем с силой возвращает его на место. Сет затевает драку, но Бонги достает свой пистолет отточенным, плавным движением, и направляет его на его череп. Сет сжимает зубы и показывает им свои пораненные ладони, сдаваясь.

Кровь на груди Кейт все еще высыхает. Ее нос определенно сломан.

— Им нельзя доверять, — говорит Бонги, наклоняя пистолет.

— Нам нельзя доверять? — спрашивает Кейт.

— Свяжи их, — говорит женщина.

Охранник стягивает вокруг их запястий кабельные стяжки. Когда он подходит к Кейт, Сильвер отшатывается от его запыхавшейся фигуры. Девочка отшатывается от него, словно он причинил ей боль, и теперь она его боится. Кейт смотрит на мужчину, а затем на Бонги: няню, которой она доверила жизни своих детей. Какой невероятно глупой она была. Под ее кожей течет кипящая энергия, когда она сжимает свои кулаки в синяках.

— Мы не знаем, где Мэлли, — говорит Сет. — Так что вы просто тратите время.

— Не делайте так, — говорит Люмин. — Не лгите. Вы сэкономите нам всем много времени, если просто скажете правду.

— Пошел ты, — говорит Кейт.

Она не может сдержаться. В ней так много внезапной, слепой ненависти к этому мужчине: ей кажется, что она может убить его голыми руками.

— Вероятно, если вы позволите мне объяснить, — говорит Мейстр, переплетая пальцы. — То вам станет ясно, почему нам очень нужно узнать, где он.

— Давайте, — отвечает Сет. — Объясняйте, сколько вам влезет.

— Ничего, — рычит Кейт, — ничего вы не можете сделать с нами, чтобы заставить нас рассказать вам, где он.

На лице Люмина появляется полуулыбка.

— Как видите, я не хочу вытаскивать это из вас силой. Я бы предпочел, чтобы мы пришли к пониманию.

Кейт пытается выдернуть руки из пластиковых браслетов, но ей удается лишь содрать кожу со своих рук и перекрыть кровоток.

— Вы должны позволить нам забрать мальчика.

— У него есть имя, — говорит Кейт. — У него, бл*ть, есть имя.

— Его имя проблематично, — замечает Люмин. — Это делает его более…

— А?

— Более человечным.

Кейт ощущает, как напрягается тело Сильвер.

— Он человек, ублюдок, — говорит Сет. — Он на сто процентов человек.

Люмин словно испытывает боль.

— Ну, — говорит он, протягивая ладонь, — Священные писания так не считают.

— Священные писания?

— Книга Света, — говорит Бонги. — Пророчество.

Кейт видит по блеску в ее глазах, что той абсолютно промыли мозги.

— Книга Света гласит, что последний живущий ребенок «Генезиса» приведет нас к краю.

— Краю?

— Концу мира. Он уничтожит планету и все, что вы знаете. Массовое уничтожение.

— Маленький мальчик, Люмин, серьезно? — спрашивает Кейт. — Вы боитесь маленького мальчика?

— Если этот мальчик переживет свое четвертое лето, — сообщает Люмин, — тогда он доживет до шестнадцати. И тогда наступит конец дней.

Кейт смотрит на свой хеликс. 31.10.2024, 21:58. Весна заканчивается через несколько часов. Завтра официально наступит лето.

— Да как вы можете? — спрашивает Кейт. — Как вы можете претендовать на звание невероятного человека достоинства и нравственности, когда вы не более чем убийца детей?

— Вы просто не на той стороне, дорогая, — говорит он. — Вам я могу казаться убийцей, но для остального мира стану спасителем. Вы пытаетесь спасти одного изготовленного ребенка. Я же — всю планету.

— Так вот оно что, — провозглашает Сет. — Вы хотите стать героем.

Люмин качает головой.

— Нет, — говорит он. — Меня не волнует, буду я жить или умру, лишь бы выполнить свой долг. По сути… — он смеется. — Никто об этом не узнает, верно?

— Я узнал о пророчестве еще до того, как ребенок был напечатан, — говорит Люмин. — Мы тщательно изучили пророчество, не зная о том, что ребенок еще не был произведен. Но когда в новостях прогремел скандал, связанный с проектом «Генезис»: фотографии всех этих детей в инкубаторах, любезность вас и ваших друзей, и мы узнали. Все встало на свои места.

«Шелк, щелк, шелк, — говорила Бетти-Барбара, щелкая своими пальцами слишком близко от лица Кейт. — *Они падут, как кости домино».*

— Я понял тогда, что это будет один из этих детей, кто станет угрозой, ведущей нас к уничтожению. Но теперь…

— Ушло почти четыре года, — говорит Бонги, — и остался только Мэлли.

— Почему ты ждала? — спрашивает Кейт Бонги. — Ты могла сделать это много месяцев назад.

— Священное писание гласит, что последний живущий

ребенок «Генезиса» приведет нас к краю. Мы выбрали Мэлли, следуя руководству Селестии, и избавились от других детей. Кроме того, честь забрать жизнь мальчика принадлежит не мне. Мейстр Люмин — тот, кто избран это сделать.

— Все идет своим чередом, — говорит Люмин. — Все так, как должно быть. Сейчас нам нужно лишь узнать от вас, где мальчик.

— И что? Вы думаете, что просто воззовете к моей совести, и я отдам его вам?

— Я хотел попытаться заставить вас понять, — говорит он. — Думал, что есть вероятность, что, если вы узнаете, что на кону, то поможете нам с решением.

— Решением? — переспрашивает Сет.

— Единственное, что я знаю наверняка, — говорит Кейт, — так это то, что вы заблуждаетесь. Что еще более опасно: вы заблуждаетесь и обладаете харизмой, что является крайне опасным сочетанием.

— Вы тратите слова попусту, Люмин, — говорит Сет. — Ничто из того, что вы скажете, не заставит нас выдать нашего сына.

Обжигающий душу Кейт укол пронзает ее, когда она слышит, как Сет впервые называет Мэлли их сыном. Она бы невероятно обрадовалась этому, если бы это было при других обстоятельствах. Не сейчас, когда она не представляет, как им пережить ночь.

— Я не хочу прибегать к силе, — говорит Люмин. — Вы уверены, что мы не можем прийти к некому соглашению? Вероятно, вы измените свое видение ситуации, если посмотрите на это, как на спасение вашей дочери и всех, кого вы знаете, а не как на пожертвование своим сыном? Потому что, если мы не уничтожим дитя «Генезиса» сегодня ночью, тогда мы все умрем. Разве вы не понимаете? Все умрут.

— Согласно вашим словам, — говорит Кейт.

— Согласно Пророчеству Селестии.

— Вы тратите время.

Сет ерзает на своем месте.

— Заметь, — говорит он Бонги, вздыхая, — что, несмотря на все, я пытался прийти к взаимовыгодному соглашению.

Бонги кивает ему. Она чуть шире расставляет ноги, будто чтобы получить больше опоры. Будто готовясь к сражению.

— Я скорее умру, чем отдам вам своего сына, — говорит Кейт.

— О, я это знаю, — отвечает Люмин. — Поэтому и подготовился.

Сердце Кейт, уже отбивающее ритм как молот, начинает

стучать еще быстрее, вынуждая ее легкие дышать в рваном ритме. Она пытается успокоить свои нервы и руки, но адреналин шипит внутри нее, путая ее мысли и заставляя ее трястись.

— Посадите ее в кресло, — говорит Люмин.

Поначалу Кейт не понимает, что он имеет в виду. Она уже сидит. Но затем Бонги бросается к Сильвер и забирает ее с коленей Кейт. Девочка верещит и пинается, пытается вырваться от няни, но Бонги сильна, и ей удается заставить ребенка сесть в детское кресло.

— Верните ее! — кричит Кейт.

Она пытается встать, но охранник пинает ее в живот, и девушка падает назад, жадно глотая воздух. Взрыв боли стирает все ее мысли. Он тащит обратно на место и качает перед ее лицом пальцем, предупреждая: в следующий раз он не будет таким нежным.

Бонги сражается с ремнями безопасности, потому что Сильвер выгибает спину, выворачиваясь из кресла, и вертится, как сумасшедшая. Ее визг подобен иглам льда. Каждый раз как Бонги почти удается защелкнуть механизм, Сильвер выворачивается ровно настолько, чтобы его не удалось запереть. Няня поджимает губы в твердую линию. На ее лбу начинает выступать пот.

— Оставьте ее в покое! — кричит Сет.

Делает движение, чтобы прийти на помощь Сильвер, но его останавливает нацеленный на него АК-47.

— Прекрати, — шипит на ребенка Бонги, с силой прижимает тело ребенка к креслу, отчего та кричит еще громче. Женщина бросает взгляд на охранника, безмолвно прося помощи, но тот жестом показывает ей, что не может спускать глаз с Кейт и Сета. У нее ходят желваки, пока она сжимает зубы и пытается снова пристегнуть Сильвер.

— Сильвер! — кричит она. — Сильвер, прекрати сейчас же. Не шевелись! Пора тебе сесть в специальное кресло.

Девочка игнорирует просьбу и начинает вырываться в полную силу.

Моя девочка.

Раздается громкий треск. Звук разносится по всему салону машины. А затем наступает тишина. Бонги так сильно ударила Сильвер по лицу, что та от потрясения замолчала. У нее блестят глаза, а на нежной коже щеки появляется ярко-красный след.

Смак, стая. Ярость Кейт ядом растекается по ее венам.

— Сука, — говорит она Бонги сквозь сжатые зубы. — Ты долбаная сука. Она доверяла тебе!

По ее лицу катятся слезы ярости. Она борется, чтобы

вырваться, снова пытается освободиться из кабельных стяжек, но лишь еще сильнее повреждает запястья.

Бонги наконец защелкивает замок и отходит, вытирая пот с лица предплечьями. Лицо Сильвер начинает опухать в месте удара. Она просто смотрит прямо перед собой, словно ее сознание сейчас в другом месте.

— Сильвер, — говорит Кейт, у нее сдавило горло, — мамочка здесь. Мамочка рядом.

Она связана и не знает, что еще сказать. Сильвер не реагирует. Ее глаза превратились в мертвый мрамор.

Глава 71

Новых сердец нет

Темба приносит Кеке чашку горячего чая. Та ее не принимает. Она не хочет отрывать руки от кожи Марко. Двое из трех копов ушли, забрав с собой ее «СнэпТайл», один остался у двери. Необычный домашний арест, только в палате интенсивной терапии. Коп пожалел ее, снял с нее наручники, когда с ней пришел увидеться консультант больницы, и не надел их снова. Возможно, посчитал, что она не сможет сбежать: что не покинет Марко.

— Знаю, что ты собираешься сказать, — говорит Кеке Тембе.

Они смотрят друг на друга с мрачными лицами.

— Да?

— Что пора отпустить его.

— Я так понимаю, к тебе приходил консультант.

— Да.

— Все объяснил.

— Да.

— Ты думаешь, время пришло? — спрашивает медсестра.

Кеке смотрит на попискивающие и гудящие аппараты, которые поддерживают в Марко жизнь.

— Мы пришли к соглашению, — говорит она, ее нос болит от непролитых слез. — К пониманию.

— Какому?

— После происшествия с «Генезисом».

— Чего?

— Не бери в голову. Тебе не нужно знать детали. Меня похитили… использовали как приманку. Они лишили меня инсулина — в качестве меры давления — и я впала в шок. Почти умерла.

— Ужасно.

— После этого мы с Марко согласились, что, если бы все было хуже… если бы я впала в гипогликемическую кому и не восстановилась после нее, если бы выглядела безнадежной, то он

должен был бы отключить жизнеобеспечение.

— Завещание о жизни, — говорит Темба.

— Да. Соглашение о жизни, неважно. И Марко сказал, что хочет того же.

— Мне жаль. Это очень тяжело.

— Откуда мне знать, когда это сделать? — спрашивает Кеке. — Если есть хоть один процент на то, что он выздоровеет, я хочу, чтобы аппараты работали.

— Врач уверен, — говорит медсестра. — Он сказал, что шансов нет — они равны нулю — он не выздоровеет.

— Только если не получит новое сердце, — замечает Кеке.

— Да.

— Но новых сердец нет.

— Нет.

Она испускает длинный, дрожащий вздох.

— Так значит, время настало?

Темба пожимает плечами.

— Если тебе нужно больше времени…

— Он бы не хотел, чтобы я ждала еще. Уже вижу признаки атрофии. Он серого цвета, разве ты не видишь? Он был серым с самого нападения, — она держится за Марко. — Он выглядит не так. Не так он выглядел.

— Мне очень-очень жаль.

Кеке не хочет ее сочувствия. Иначе она не сможет продолжать казаться сильной и разревется.

— Твоя семья должна быть здесь с тобой. Твои друзья.

Ее горе пронзает острая мысль: страх за Кейт и Сета, за детей. Она увидит их снова?

Она останавливает взгляд на Марко. На заплатке на его глазу, на его больничном халате. Она никогда не видела его таким худым. Не таким она хочет его помнить.

Из глаз Кеке слезы льются потоком.

— Все это время. Все казалось ненастоящим. Я не ожидала, что он вообще не проснется.

— Конечно же, — говорит Темба. — Это нормально. Нормально ожидать, что все наладится.

Кеке подавляет рыдания, которые рвутся из ее горла, и подходит к оборудованию жизнеобеспечения. Она приказывает себе быть храброй. Не быть эгоисткой.

— Я должна, — говорит она, по ее лицу бегут слезы, — я должна просто нажать на этот переключатель?

Консультант показал ей, как это сделать, но, конечно же, все не может быть таким простым?

Правда ли, что чью-то жизнь можно оборвать так легко?

Оборвать жизнь Марко?

Она не верит, что это происходит. Просто это кажется слишком прозаичным. Когда ты думаешь о смерти, она кажется такой неизбежной, такой конечной, такой уму непостижимой концепцией, но вот она стоит здесь неподалеку от ее купленного в аптеке дезодоранта и остывающей чашки с чаем. Чаем. Как она вообще может думать о том, чтобы пить чай, сейчас или даже потом?

— Я могу сделать это за тебя, — Темба делает шаг вперед.

— Нет. Марко хотел бы, чтобы это сделала я.

В конце концов, это слишком интимный процесс.

— Этот переключатель?

Ее голос подобен шороху гравия.

Темба убирает у своего пациента трубку с кислородом и кивает ей. В ее глазах тоже стоят слезы. Кеке делает глубокий, судорожный вдох и выключает жизнеобеспечение Марко.

Глава 72

Парафин и мусор

Арронакс спускается с частного самолета и принюхивается к запаху ночного неба: морщит нос. Она ненавидит запах Йобурга. Загрязнение и задымленность. Парафин и мусор. Она предпочитает свою лабораторию. Что там не любить? Свежие белые стены, очищенный морской воздух, идеальный климат-контроль. Ее семья считает ее помешанной на контроле, но она так не думает. Ей просто нравится следить за тем, что можно проконтролировать, потому что Бог знает, что большинство вещей во Вселенной абсолютно и, невозможно отрицать, полностью не поддаются контролю. Кроме того, она ученый. Она не была бы хороша в своей работе, если бы ей не нравилось играть с переменными.

Мужчина в униформе аэропорта присутствует ее, стоя на полосе. Он моргает слишком часто. Может быть, из-за ее волос русалочьего цвета. Она знает, что когда не в лабораторном халате, то выглядит мало похожей на технолога.

Он хочет понести ее вещи.

— Вы не привезли с собой багаж?

— Лишь это, — говорит она, похлопывая по маленькому чемоданчику под рукой.

И, конечно же, с собой у нее ультразвуковая зубная щетка и чистая пара трусиков, лежащие в ее сумке на случай крайней необходимости. Она полетит домой, как только доставит товар, только если Сет не попросит ее остаться на ночь. Мужчина в униформе ведет ее с полосы и вокруг западного угла частного аэропорта, где ждет такси, двигатель уже урчит в мягкой манере,

присущей гидрокарам. Арронакс обожает эффективность «Наутилус», то, что каждая мелочь тщательно продумана и организована. В Лондоне она бы воспринимала это как должное, но в Южной Африке — совсем другое дело. Она скользит на заднее сиденье и машет на прощание своему сопровождающему перед тем, как закрываются тонированные стекла. Такси уезжает прочь.

Машина не спрашивает ее, куда она желает поехать. Даже такая деталь была учтена. Она расслабляется на сидении, затем в ее голове появляется изображение того, как это делали сотни других людей до нее, и снова садится прямо. Все эти тела. Все эти головы, все волосы. Она видит их призраки рядом с собой в машине. По этой причине она не может спать в отелях. Постельное белье может только прийти со стирки, пахнуть смягчителем ткани, солнечным светом и горячим утюгом, но на нем все равно будет след тех людей, что лежали на нем до нее. Потных, спящих, занимающихся любовью. Это ее раздражает. Микроскан в 4DHD пылевого клеща невозможно развидеть.

— Чайнасити-Сэндтон, — говорит такси. — «Гордан». Ориентировочное время прибытия двадцать три двенадцать.

Арронакс смотрит на свой «СнэпТайл» и набирает хирурга, который ждет ее прибытия с продуктом.

— Доктор Газонго. Мы приедем через семнадцать минут.

— Хорошо, — отвечает хирург усталым голосом. — Мы будем готовы. Операционная готова. Медсестры подготовят его и привезут.

— Превосходно. Извините, если я вас разбудила.

На самом деле ей не жаль, но вежливость того требует.

— Жду с нетерпением. Не каждый день проводишь уникальную операцию.

Четкость ее британского акцента смягчается его мягкостью.

— У вас усталый голос.

— Пока мы говорим, я пью двойной кофе.

— Надеюсь, что с половиной кофеина. Не хочу, чтобы у вас дрожали руки.

— Мои пальцы не дрожат.

Машина продвигается сквозь тьму. Деревья, поросшие светящимися водорослями, вспыхивают и гаснут, когда они под ними проезжают. Она в шестой раз пытается дозвониться ближайшему родственнику пациента — Кекелетсо — но та не отвечает. Может быть, Сет дал ей неверный номер. Кажется, он отвлекался, пока писал ей сообщение, но, может быть, она просто прочитала неверно. Иногда сложно верно расшифровать тон бампа. Она предполагает, что это та Кеке, о которой он часто

думает.

Конечно же, им понадобится подпись женщины, чтобы провести операцию. Ей нужно будет найти ее в больнице и заставить дважды подписать отказ. Несмотря на ее первоначальные сомнения в отношении выполнения условия Сета, чтобы он мог удаленно выполнить работу, она вскоре поняла, что он оказал ей большую услугу, найдя им первого испытуемого-человека. Обычно уходят несколько месяцев на то, чтобы преодолеть все бюрократические препоны, связанные с проведением испытаний на людях, но ему удалось найти идеального пациента. Появление в проекте Сета Деникера — лучшее, что с этим проектом случалось. Ей стоит подумать о достойной награде.

Глава 73

Шепот надежды

В комнате звучит писк ровной линии Марко. Кекелетсо отворачивается от экрана: она не хочет видеть эту фатальную зеленую линию. Темба выключает звук кардиомонитора. Кеке чувствует себя так, будто тонет, в то же самое время ей хочется стать призраком, чтобы она могла улететь вместе с духом Марко.

Снаружи какое-то оживление. Распахиваются двойные двери, и внезапно в комнате появляются десять медсестер с тележкой реанимации.

— Подождите, подождите! — говорит Темба, подняв руки. — Все в порядке. Оставьте его. Его не надо реанимировать.

— Нет, — отвечает мужчина в голубом хирургическом халате, вручая ей «Тайл». — Больше нет.

Шепот надежды. Они снова подключают к нему кислород и снимают кровать с тормозов.

Темба хмуро смотрит в девайс и пролистывает несколько страниц, пока персонал увозит Марко прочь.

— Что происходит? — шепотом спрашивает Кеке, внезапно возвращаясь мыслями на землю. — Что происходит? Куда вы его увозите?

Темба смотрит на нее, совершенно сбитая с толку.

— Когда-нибудь слышала о «Наутилусе»?

Глава 74

Дурной сон

— Я знал, что вы будете готовы отдать за мальчика жизнь, — говорит Мейстр Люмин, — так что нам пришлось придумать другие способы склонить вас к сотрудничеству.

Кейт пытается выдернуть руки из пластиковых оков за ее спиной. Она не ощущает прогресса, ее запястья пульсируют собравшейся в лужицы пурпурной кровью (Жестокий Фиолет).

Лицо Сета белое, как полотно.

— Когда вы отказались привезти его нам в обмен на вашу дочь, мы поняли, что должны… скажем… копнуть глубже.

Бонги снова принимает уверенную стойку. Это и правда происходит? Все кажется до нелепого сюрреалистичным, так что на долю секунды Кейт задумывается, не находится ли она в одном из своих ночных кошмаров, но боль в ее запястьях подтверждает смертельную реальность. Это не дурной сон.

— Мы выполнили домашнюю работу. Мы знаем, что произошло с вами, что с вами сделал проект «Генезис». Мы знаем о вас все, что есть в официальных записях, и более того. По сути, я уверен, что мы знаем… Ну, вероятно, мы знаем даже больше, чем знаете о себе вы сами.

Кеке была права, ее хеликс прослушивали. Кейт бросает испепеляющий взгляд на Бонги, которая и не думает выглядеть пристыженной.

— Больше всего нам поведали сеансы в виртуальной реальности с доктором Вогз.

— Пошли вы.

Кейт произносит эти слова с такой свирепостью, что часть слюны попадает ей на подбородок. Она вытирает ее своим здоровым плечом. Сильвер все еще в трансе.

Мейстр Люмин постукивает ногой. Проверяет клокограмму машины. Дедлайн несется к ним во весь опор.

— Сейчас ничто из этого не имеет значения. У нас заканчивается время. Мне нужно знать, где Мэлли.

— Мы не знаем, где он, — говорит Кейт. — Он сбежал.

Люмин долго разглядывает ее. Вперивается в нее взглядом, пока ей не приходится отвернуться.

— Я принес кое-что, знаете ли. Инструмент, чтобы помочь извлечь из вас правду.

Внутренности Кейт обдает огнем.

— Себенгайл, — говорит он, протянув ладонь.

Бонги на миг отрывает от них взгляд, чтобы передать что-то Люмину. Это раскладушка темно-серого цвета, за которую он ее благодарит и с осторожностью открывает на коленях. С секунду он сидит так, выглядя довольным ее содержимым. Кейт хочет знать, что внутри, но в то же время она не хочет этого знать. Малиновое Сжатие: странное ощущение, когда вытягиваешь шею, когда тебя пытают на столе.

Люмин наконец достает предмет из коробки. Это его золотые секаторы. Отполированные до ослепительного блеска, лезвия ловят свет в салоне, когда он их демонстрирует. Несмотря на то,

что режущий инструмент находится в метре от нее, Кейт ощущает холодную, острую сталь на своей коже, чувствует, как та пронзает ее плоть.

— Вы больные ублюдки, — говорит Сет. — Не смейте приближаться к Кейт с этими предметами.

— О, — произносит Люмин с насмешливым удивлением. — Они не для Кейт.

Он убирает предохранитель и щелкает ножницами в воздухе, издающими дребезжащий звук.

— Они для Сильвер.

Глава 75

Золотые секаторы

Ужас поет в теле Кейт: ее нервы охвачены испугом.

— Нет! — кричит она сквозь яростное волнение.

Она принимается с большим усердием тянуть руки из кабельных браслетов, но они онемели, так что, когда девушка прикладывает усилие. Кабель врезается ей в ладони, и появляется лиловая кровь. Боль доминирует над онемением.

— Нет, — орет она Люмину.

Ее страх и гнев — зверь внутри нее, готовый схватить Люмина за глотку, но она не может добраться до него. Он делает шаг вперед с секаторами в руке, а Кейт кричит и пытается дотянуться до него ногой, пытается пнуть его, защитить свою дочь. Он приближается к девочке, Кейт не может этого вынести, а затем внезапно она свободна — кровь из ее раны смазала оковы и помогла ей высвободиться — и она бросается на Люмина. Налетает на него с такой силой и так быстро, что тот падает под ее весом. У Кейт нет оружия. Она недостаточно сильна, чтобы удушить его, но думает, вдруг ей удастся расцарапать его сонную артерию…

Но прежде чем она успевает что-либо сделать, тень накрывает ее, как облако саранчи, и, пока она пытается вонзить ноготь в пульсирующую шею Люмина, пол исчезает из-под нее, когда ее поднимают за шкирку куртки и выбрасывают из машины. Она падает и катится прочь, видит проблески звезд на ночном небе. Помятая трава пахнет зеленым. Девушка игнорирует боль — вспышка синего от плеча до ладони — и карабкается обратно в машину, но, когда она поднимает взгляд, то прямо ей в лицо смотрит дуло автомата «Воскресителя».

Бонги помогает Люмину подняться, отряхивает пыль и поправляет его плащ. На его шее потеки крови Кейт.

— Тащите ее обратно! И в этот раз свяжите как следует.

Его щеки покраснели. Гнев, смущение, или то и другое. Он вытирает кровь платком.

Охранник, несмотря на то, что в два раза крупнее и сильнее Люмина, вздрагивает из-за взбучки. Он затаскивает Кейт вверх в фургон и в этот раз связывает ее кровоточащие руки перед ней, связывает ее ноги и соединяет два конца вместе узлом, чтобы она не могла пошевелиться. Она оказывается связанной на полу как индейка: ягненок на убой. Сет смотрит на нее, но не видит. По выражению его лица она понимает, что он в своей голове, пытается найти решение. В то время как ее первая реакция — действовать, его — все обдумать. Его взгляд останавливается на секаторах, выбитых из рук Люмина, и он наблюдает за тем, как Бонги поднимает их и отдает Люмину обратно в руки.

— Вы потратили достаточно моего времени, — говорит Люмин, приглаживая свои седые волосы.

Она унизила его перед его людьми. Его глаза горят: «Ты за это заплатишь. Говорю тебе, ты за это заплатишь».

Кейт рычит на него. Опасность сделала ее дикой.

— Скажи мне прямо сейчас, где Мэлли, или твоя дочь познает вкус последствий.

— Вы не станете этого делать, — говорит Кейт.

— Ты ошибаешься, — отвечает он.

Он так пристально смотрит ей в глаза, что у нее возникает чувство, будто он буравит ее взглядом.

— Вот видишь, я знаю, как выглядят твои кошмары, — медленно произносит он.

Он поднимает секаторы в воздух, чтобы подкрепить свои слова.

— Нет, — говорит Кейт. — Пожалуйста.

— Ты не оставила мне выбора!

— Бонги! — говорит Кейт. — Пожалуйста, это же Сильвер. Сильвер! Ты не можешь позволить ему причинить ей вред.

Бонги по-прежнему смотрит на Люмина горящим взглядом.

— Это ты причиняешь ей вред. Делай, как он говорит, и она будет в безопасности.

Люмин садится рядом с детским креслицем и бросает на Сильвер бесстрастный взгляд. Использует руку, которой держит секаторы, чтобы убрать прядь волос с ее глаз. Ее опухшее личико не вздрагивает. Она так глубоко ушла в себя, будто неожиданный удар Бонги переключил что-то в ее мозгу.

Кейт знает, каково это.

Люмин берет девочку за руку. Любящий дядюшка. Внутренности Кейт растекаются неоновым соком.

— Я знаю, что тебя мучает. Как ты думаешь, что бы сказал твой любовник, если бы он был здесь?

Он шевелит пальцами на второй руке, а затем прячет

большой палец, так что рука выглядит так, словно его не хватает.

— Люмин, пожалуйста. Пожалуйста. Умоляю тебя.

— Скажи мне, где мальчик.

— Я не знаю, где он! Он сбежал из больницы! Он на улицах, где-то там.

Его ноздри раздуваются.

— Ты догадываешься. Цвета.

Он поднимает секаторы к руке Сильвер, зажимает ее маленький пальчик между лезвиями. Девочка смотрит прямо перед собой, находясь в забытьи. Кейт вскрикивает и борется с путами.

— Вы говорили кодом, по телефону. Скажи мне, что это значит.

— Скажи ему, — говорит Сет.

— Они убьют Мэлли!

— Мэлли не здесь.

Он имеет в виду, что Мэлли не здесь с парой сверкающих ножниц, поднесенных к его руке. Он может быть где угодно. Может быть время, чтобы спасти его.

Люмин изменяет угол лезвий, так что палец Сильвер оказывается в идеальной позиции, чтобы быть отрубленным по суставу.

— Скажи ему, — говорит Сет снова.

Она борется с оковами.

— Как я могу?

Бонги смотрит на время: одиннадцать часов вечера.

— Шестьдесят минут до полуночи.

В салоне так много напряжения, что они словно находятся в электрическом желе.

— Это ваш последний шанс, — говорит Люмин, его глаза удерживают взгляд Кейт. — Я досчитаю до трех.

Для Кейт это слишком невыносимо. Она не может вынести беззащитности. Не может вынести. Будто ее сердце находится за пределами тела, кровоточащее и бьющееся.

— Один, — говорит Люмин, как родитель, теряющий терпение. — Два.

Он опускает взгляд и уже собирается применить давление.

— Ладно! — кричит Кейт. — Ладно. Я скажу вам.

Мужчина поднимает на нее взгляд и убирает секаторы от руки Сильвер. Ждет, когда Кейт заговорит.

— Розовый, хаки, точка, фиолетовый, коричневый, темно-зеленый, «С».

Сет переводит.

— 25.8084 градусов южной широты.

— Координаты GPS, — говорит Бонги.

Она вбивает цифры в свой «Тайл».

— Розовый, фиолетовый, точка, серый, коричневый, фиолетовый, голубой, «Е».

— 28.7081 градусов восточной долготы, — отвечает Сет.

Бонги вводит последние цифры, а затем хмурится. Люмин смотрит на нее с крайне озадаченным лицом.

— Они с нами играют, — говорит она, показывая ему экран.

Щеки Люмина снова начинают краснеть.

— Нет, — возражает Кейт. — Это были верные цвета.

— Вы ожидаете, что мы поверим, — говорит он, забирая «Тайл» у Бонги и наклоняя его в их направлении, — что Мэлли направляется в Люминарию?

Это осознание поражает Кейт и Сета одновременно.

Выражение лица Люмина плавно превращается в довольное.

— О, вы и правда не знали, но как же великолепно, — говорит он, улыбаясь Бонги, которая вводит координаты в голопанель фургона. — Мы думали, нам придется преследовать его, но вот он сам бежит к нам в руки.

Кейт кряхтит и борется со своими оковами.

Люмин лучезарно всем улыбается.

— Я же говорил вам, верно? Я говорил вам верить в Селестию.

— Хвала Свету, — говорит Бонги.

Двигатель автомобиля заводится, и они едут вперед.

— Хвала Свету, — говорит Мейстр.

Глава 76

Музыка смерти

Кеке наблюдает, как кардиохирург разрезает грудь Марко во второй раз за неделю. Едва заживший предыдущий рубец просто срезается и выбрасывается. Кеке вздрагивает, когда его бросают на поднос, словно часть Марко ничего не стоит. Темба изучает ее лицо, которое, чувствует Кеке, бледное и сырое.

— Ты в порядке? — шепотом спрашивает она.

Кеке кивает и сглатывает дискомфорт. Чтобы отвлечься от эмоций, поднимающихся в ее груди, она наблюдает за директором. Он ходит по операционной, поправляет камеры, меняет ракурсы съемки, вводит настройки линз. Он и все записывающее оборудование одеты в одинаковые белые халаты. Медицинская команда — доктор Газонго и три ассистента — в Медицинской Мяте. По крайней мере, Кейт так называет этот цвет. Ее желудок атакуют спазмы из-за чувства вины, когда она думает о Мэлли, сбежавшим из-под ее присмотра. Если бы она только могла не засыпать…

В операции что-то пошло не так. Газонго хмурится и выкрикивает какие-то команды команде. Над всем телом Марко разворачивается бурная деятельность, в галерее стоит болтовня. Аппараты пищат свою уже знакомую песню смерти. Кеке обнаруживает, что несмотря ни на что, спокойна. Она уже это проходила.

Синеволосая женщина, внезапно появившаяся в ее жизни и принесшая синтетическое сердце, стоит на другом конце комнаты. Она выглядит взволнованной, постоянно заламывает руки и проверяет свой «Тайл». В каком-то смысле они полярные противоположности друг друга: одна светлая, другая темная, одна вода, другая земля. Кеке напоминает себе дышать. Аппараты перестают визжать и возвращаются к своим холодным, уверенным ритмам, а над всеми ними тикает клокограмма. До полуночи осталось двадцать восемь минут.

Глава 77

Охотники на крыс

Они прибывают к огромным воротам Люминарии, которые сверкают золотой краской даже в непроглядной темноте полуночи. Стражникам отправили бамп, что они едут, и стражи уже открывают украшенные металлические ворота, когда фургон едет по длинному, прямому, асфальтированному пути. Транспорт едва замедляется, проносясь через вход и по обширной территории, и через несколько заносов и поворотов по змеящейся подъездной дороге их уже ждет открытый проем широкого гаража, готовый принять их. Фургон паркуется внутри, и у Кейт возникает ощущение, что их проглотило чудовище. Раньше она представляла себе, как выглядит Люминария, изображение в ее голове этого гигантского бело-золотого монастыря потускнело, превратилось в темную инверсию себя: тьму, где был свет. Зло там, где она ожидала видеть добро.

Ряд за рядом людей, облаченных в черное. Армия в арахношелке и сверкающих масках на лице. От этого она чувствует холод внутри. Люмин был Добрым Самаритянином. Он был тем, кто забрал всех детей с улиц. Кормил их и учил драться: боевым искусствам, сборке бомб, битве на мечах. Люмин набрал охотников на крыс и сделал из них «Воскресителей».

Двигатель выключается и дверь фургона отъезжает в сторону. Голая лампочка светит мягким светом, а гараж пахнет скипидаром и маслом. Удобрениями. Пестицидами. Компостом из дождевых червей. Люмину помогает выйти из машины его телохранитель, Бонги идет следом, но Кейт и Сета сдерживают оковы. Сильвер все еще в кататоническом ступоре. Ее глаза теперь закрыты, но она не спит.

Охранник начинает отпирать ведущую внутрь монастыря дверь, но Люмин останавливает его.

— Мальчика внутри не будет, — говорит он. — Он бы не смог миновать систему безопасности. Он будет где-то на территории. В саду.

Через открытую гаражную дверь Кейт видит ночное небо, искрящееся опасностью. Сет ерзает на своем сидении, пытается ослабить путы. Люмин идет в сад.

— Принесите приманку, — говорит он.

Бонги отстегивает Сильвер и несет ее, как спящего ребенка. Мучительный образ: зловещая Пьета. Два мясистых «Воскресителя» хватают Кейт, разрывают путы на ее ногах, и тащат ее с Сетом из машины в холодный, залитый лунным светом, пышный сад.

Глава 78

Лабиринт черных роз

Люмин и «Воскресители» потоком вплывают в сад. Они в повышенной боевой готовности, так как осталось двенадцать минут на поиски их жертвенного ягненка. Они совершают повороты, толкая Кейт с Сетом перед собой, минуют изгороди, пахнущие цветами. Люмин говорит в запястье, и его голос разносится по всей территории.

— Мэлли.

Его голос теплый, радушный. Кейт он кажется Венериной мухоловкой.

— Ты можешь выходить. Бояться нечего. Твои родители здесь, и им нужна твоя помощь. Они очень беспокоятся и хотят тебя видеть.

Его голос эхом разносится в воздухе.

— Твоя мама здесь и дядя. И Сильвер тоже здесь! Мы все тебя ждем. Ты можешь выходить. Тут безопасно.

— Не выходи! — кричит Сет.

Мужчина в маске бьет его кулаком в скулу, сбивая его с ног. Другой «Воскреситель» пинает его в горло.

Люмин снова повторяет свое сообщение, но в этот раз с большей тревогой.

— Я знаю, что ты здесь! — говорит он, — очень важно, чтобы ты вышел прямо сейчас!

Если бы Мэлли мог оставаться скрытым чуть дольше, наступила бы полночь, и пророчество бы не сбылось.

— Не слушай этих людей! — кричит Кейт. — Не выходи, неважно, что…

Грудь Кейт взрывается искрами. Она на земле и не может говорить, боль поглощает ее. Она не знает, был ли это кулак или

ботинок. Армия в арахношелке тащит ее по сырой траве. Она отчаянно пытается вдохнуть холодный, черный воздух в свои кричащие легкие.

— Мы даже не знаем, здесь ли он, — слышит она, как произносит Бонги.

— Он здесь, — отвечает Люмин. — Я чувствую его присутствие. В воздухе запах расплаты.

— Нам стоит помолиться? — спрашивает она искоса. Космический крем.

— Сейчас не время молиться, — отвечает Люмин.

— Я просто подумала…

— Мэлли! — кричит Люмин, паника начинает окрашивать его голос. — Нам нужно, чтобы ты вышел прямо сейчас.

Марширующие тела прокладывают свой путь сквозь лабиринт черных роз.

Глава 79

Алхимист, Фолксингер, Нью Доун

Алхимист, Фолксингер, Нью Доун. Розовый лабиринт — шедевр ландшафтного дизайна. Более тысячи различных сортов роз растет вместе, образуя круглый лабиринт — форму солнца. Каролины, Брактеаты, Синстилы. В дневном свете они выглядят, как картина маслом, а ночью, как колючая клетка из черных роз и шипов. Маленькие, злобные острия постоянно хватают Кейт за пальто и царапают ей руки. Растения хотят зацепить ее, удержать, но «Воскресители» продолжают толкать вперед.

Стены не сплошные, как в традиционных викторианских лабиринтах. Она видит сквозь ветви и листья какие-то движения, тени теней. Они пробираются глубже в сердце лабиринта. Громкий голос Люмина — ритм их ужаса.

Наконец, из изгородей они выходят на широкую поляну с возвышающимися солнечными часами в середине. Пока Люмин и Бонги слишком заняты поисками Мэлли, Кейт гадает, сможет ли дотуда добежать. Лицо Сета кровоточит, а ее собственное тело ощущается сломанным. Они вообще смогут бежать? И даже, если им удастся вырваться от головорезов по обе стороны от них, смогут ли они найти выход из этого запутанного лабиринта? Она оглядывается вокруг, пытается найти лучший выход и делает осторожный шаг от своего пленителя. Он, кажется, не замечает. Ей придется поравняться с Бонги, чтобы схватить Сильвер и тогда…

Появляется миниатюрная фигура, блокирует ей путь и вытаскивает огромный серебряный меч, который сверкает под светом звезд.

Зубы Джексон, обнаженные ее широкой улыбкой, сияют в

темноте. Ее шарф развевается на ветру.

— Не так быстро, — говорит она, ее голос звучит раненым шепотом.

Она медленно опускает клинок и приставляет его к шее Кейт. Жаждущая мести, без сомнения, думает Кейт, вспоминая подробности, как изображение на осколках стекла, как она, всего пару часов назад, перерезала этой женщине горло. Она гадает, как оно выглядит теперь, как выглядит рана. Нежная кожа, склеенная вместе стволовыми клетками. Никто не догадается, что она была ранена, так как шарф скрывает рану. Единственная подсказка в том, как Джексон двигается с неподвижной шеей, будто прошлой ночью плохо спала.

Она смотрит на Кейт своими глазами-изюминками и щелкает по стражнику мечом, предупреждая его посредством блестящего металла. Ее сообщение предельно ясно: Кейт принадлежит ей. Никто, кроме нее, не будет иметь удовольствия зарезать ее. Клинок снова прижат к горлу Кейт, в этот раз сильнее, Кейт ощущает длину лезвия, неглубокий порез. Теплый ток крови вниз по ее шее.

Люмин видит новую кровь.

— Не убивай их пока.

Джексон смотрит на него с разочарованием.

— Они нужны нам. Чтобы приманить мальчика.

Она поджимает свои рубиновые губы, но не убирает меч.

Пятьдесят «Воскресителей», сотня.

— Осталось шесть минут, — произносит вспотевшая Себенгайл.

Люмин отправляет пару мужчин убрать верхнюю часть солнечных часов и помочь ему подняться на постамент. Хоть он и нуждается в помощи, он проворен, несмотря на свое тяжелое облачение и его возраст. Он стоит там, обводит взглядом своих теней.

— Это твой последний шанс, Мэлли.

На его лице отражается некое лихорадочное возбуждение. Ненависть Кейт к нему глубока и обжигает, но в этот момент она видит, что он действительно верит в то, что делает.

Словно услышав ее мысли, он переводит взгляд прямо на нее, его глаза блестят решимостью.

— Приведите ее ко мне.

В его руках золотые секаторы.

Кейт вздрагивает, пытается отпрянуть.

— Нет.

— Не смей прикасаться к ней, Люмин, — рычит Сет, — или, клянусь Богом, я убью тебя.

— Это может быть проблематично, — говорит Люмин, жестом показывая на связанные руки Сета.

Джексон хватает ее за руку и тащит вперед к Люмину. Он спрыгивает с постамента, лишает Кейт внимания и жестом показывает Бонги, чтобы та поместила Сильвер на алтарь и удерживала ее там. Девочка не плачет и не сопротивляется: от нее осталась лишь пустая оболочка.

— Мэлли! — выкрикивает Люмин. — Мэлли, если ты не выйдешь сейчас же, твоя сестра пострадает!

— Нет! — кричит Кейт.

Сет борется со своими оковами.

— Люмин! Люмин, не смей!

— Это твой последний шанс! — выкрикивает Люмин.

Он поднимает секаторы и разрезая холодный ночной воздух. Делает шаг к Сильвер.

Бонги хмурится, хочет сказать что-то, но останавливает себя.

Люмин приближается к Сильвер.

— Это единственный способ.

— Не выходи! — кричит Сет. — Оставайся на месте, Мэлли! Ни за что не выходи!

— Последний шанс, Мэлли! — кричит Люмин. — Последний шанс спасти твою семью. Защитить твою маленькую сестренку!

Никто не дышит.

Мейстр Люмин щелкает ножницами. Злые дребезжащие звуки ощущаются ледяным крюком в груди Кейт.

— Готова? — спрашивает Люмин, поднимаю руку Сильвер с ее колен.

— Нет! — кричит Кейт.

Она пытается сбросить с себя Джексон, но хватка женщины лишь становятся тверже, а меч режет глубже.

Люмин держит руку Сильвер и сильным нажатием отрезает ее маленький пальчик.

На миг воцаряется абсолютное шокированное молчание. У Кейт застывает кровь в жилах. Сет начинает выкрикивать слова, которые она не понимает. Боль вырывает Сильвер из ее ступора. Когда кровь начинает хлестать, она открывает глаза, открывает рот и начинает кричать. Ее широко открытый рот подобен урагану. Такой звук Кейт никогда не слышала. Ее собственный ужас, ее беспомощность и пронзительный визг вонзаются в ее виски, в ее мозгу происходит короткое замыкание. И хоть она пытается держаться за реальность, появляется ядовитый серый туман и похищает ее сознание.

Глава 80

Маленькая белая морская звезда

Звук детского крика вырывает Кейт из темных глубин. Ее мысли спутаны. По мере возвращения сознания, она узнает крик. Сильвер. На нее находить воспоминание о том, что только что произошло, подобное удару в живот, и ее рвет прямо там, где она лежит. Она делает движение, чтобы вытереть от, но ее руки все еще связаны. Рвота и слюна окрашивают ее волосы кислым.

Крики продолжаются. Это самый ужасный звук, который Кейт слышала в своей жизни. Он врезается в ее зрение, как ржавая ручная пила, она на грани новой отключки, но она принуждает себя оставаться в сознании с ее ребенком, который в ней нуждается. Она усиленно моргает, пытаясь устранить ослепляющий ее зазубренный клинок. Сейчас она слышит Сета, он тоже кричит. Борется. Говорит Сильвер, что она в порядке, что она будет в порядке. Но как она может быть, после такого? По крику Сильвер им всем становится ясно, что это ложь. Маленькая девочка все еще удерживается Бонги, она держит свою раненую руку в другой. Маленькая белая морская звезда, перевернутая к верху низом.

— Сильвер! — наконец удается произнести ей, а затем ее снова рвет. — Я здесь. Мамочка рядом.

Но ее слова так же бесполезны, как и ее связанные руки. Холодная земля поглощает то, что осталось от тепла ее тела.

В конце концов, визг начинает утихать и превращается в рыдание. Бонги все еще с ними, но сейчас она как-то изменилась. Этот зачарованный взгляд ушел из ее глаз, она смотрит на кровоточащую руку Сильвер с ужасом. Плач Сильвер затихает: Кейт догадывается, что сейчас она полностью перешла в режим выживания.

— Ты слышишь это, мальчик? — голос Люмина эхом разносится вокруг них. — Ты нужен своей сестричке!

Они молчат и прислушиваются к звукам. Двадцать охранников окружают их, их темные униформы растворяются на фоне ночи. Люмин жестом показывает некоторым из них спрятаться, и они повинуются.

— Ты всегда был ее защитником. Ее супергероем. Она мне так сказала. Сейчас твоя помощь нужна ей как никогда прежде. Ты выйдешь и спасешь ее?

Все это время. Все это время Бонги воспитывала его до этого момента.

Секаторы сверкают. Они издают такой звук, как когда идешь по мертвым листьям. Он снова приближается к Сильвер, и она начинает извиваться и кричать.

— Я могу продолжить, — громко произносит Люмин над ее телом.

Кейт борется с серым туманом. В изысканном саду слышится какое-то небольшое движение. Автоматы поворачиваются в сторону роз с кремовыми лепестками.

— Выходи и присоединись к нам.

Сет готовится закричать снова, но его вырубают прикладом. Еще больше «Воскресителей» вливаются потоком на поляну. Их перевешивают числом в соотношении двадцать на одного — и это лишь ловцы крыс, которых ей удалось увидеть. Ее шея под мечом пылает.

— Последний шанс, Мэлли, — говорит Люмин, нацелив глаза на одно место в лабиринте. Его солнечный и обаятельный облик сменяется на кипящий сухой лед. — Или мы убьем твою семью.

Все задерживают дыхание. Через несколько ударов сердца в темных кустах слышится шорох. Такой мягкий, осторожный звук. Люмин посылает своих людей в том направлении, сложив пальцы пистолетом. Идите, идите, идите, говорит его импровизированный пистолет с толстыми костяшками.

— Беги! — кричит Кейт. — Беги!

Ее вопль то набирает силу, то утихает в воздухе вокруг них. Меч еще сильнее прижат к ее горлу.

Мужчина, который добирается туда первым, стремглав бросается к маленькой фигуре — они все подпрыгивают при звуке выстрела в неподвижной ночи — и тяжелые бутоны взрываются свежим конфетти. Мужчина ругается себе под нос, и, утратив дар речи, хватает дрожащее тельце за уши, чтобы показать Мейстру. Люмин испускает недовольный звук при виде умирающего кролика. Создание проливает свою кровь на окружающие его лепестки, окрашивая розы красным (Бешеный Кролик).

Люмин бормочет что-то и устремляется вперед, но Бонги удерживает его, жестом показывает ему сохранять тишину. Она смотрит на другое место, как раз позади них. Она опускает Сильвер на землю, которая ползет к матери на колени. Себенгайл молча и осторожно приближается к ряду кустов. Ночь тиха. Кейт задерживает свое рваное дыхание.

Бонги прижимает пальцы к губам и свистит, громко и ясно, и прямо позади кустов раздается высокий писк. Она прорывается сквозь колючие стебли и хватает Мэлли за руку так твердо, что того и гляди сломает кости.

Глава 81

Холодный меч в ночи

Себенгайл тащит брыкающегося мальчика к залитому кровью алтарю. Пришло время принести жертву. Нельзя тратить ни минуты. Она тащит его вверх на сверкающий постамент, пытается увернуться от его ударов и не дать ему в процессе борьбы

соскользить вниз. Джексон снимает свой шарф и передает его ближайшему «Воскресителю», который использует его, чтобы привязать мальчика к ножкам стойке солнечных часов. Он засовывает конец шарфа Мэлли в рот, чтобы тот не кричал. Мэлли задыхается, его тело дергается из стороны в сторону, а глаза вытаращены от страха.

— Три минуты.

Атмосфера изменилась. Люмин подходит к Мэлли и ставит ладони по обе стороны его светлой головы, словно благословляет его. Его лицо искажается гримасой, и он бормочет что-то себе под нос, совершая помазание своими ладонями с истончившейся кожей и скользкими словами. Мэлли плачет и задыхается, он не отводит глаз от Кейт, которая одной рукой прижимает Сильвер, а другую тянет к нему, удерживаемая холодным мечом, прижатым к ее горлу.

Бормотания Люмина становятся громче, его лицо начинает разглаживаться, а кожа ловить больше лунного света. Мэлли брыкается и брыкается, а Кейт кричит, не затихая.

— Две минуты, — говорит Бонги.

Люмин усиливает хватку на голове мальчика, держа его за нежные щеки старыми ладонями, и заглядывает ему в глаза, а затем быстрым движением, которое никто не предвидит, ломает Мэлли шею.

Кейт сжимает Сильвер в объятиях и кричит. Резкое горе настолько острое, что грозится разорвать ее пополам. Она пытается протолкнуться вперед, но Джексон удерживает ее клинком. Она уничтожена ужасом — этот яростный монстр внутри нее разрушит ее, пробираясь наружу. Глаза Мэлли закрываются, и он беззвучно заваливается на бок, но шарф удерживает его маленькое тело в вертикальном положении. Сет ревет, Сильвер хнычет, а Люмин, с поднятыми к черному небу руками, охвачен молчаливым экстазом.

Крики Кейт превращаются в позывы к рвоте, и ее рвет на сырую траву, давая выход тому яду, что нашел путь в ее тело, но это не помогает. Яд все еще там, перед ней. Люмин поворачивает свое лучащееся лицо к ней.

Джексон ощущает его взгляд и поворачивается к нему.

— Мейстр?

Ее шея покрыта тромбоцитарным пластырем цвета кожи, на котором видны проступившие капельки крови. Ожерелье из красных жемчужин.

— Да, — отвечает Люмин.

— Да?

— Убей их всех.

Он начинает уходить.

Клыки Джексон обнажаются из-за широкой улыбки. Она перехватывает рукоять своего меча и взмахивает сталью, разрезая полуночный воздух элегантным движением в форме восьмерки. Знака бесконечности.

Другие «Воскресители» подходят к ним, они оказываются окружены мышцами, клинками и ароматными шипами. Кейт снова хватает Сильвер и прижимает к себе. Такое ощущение, словно их собирается съесть мельтешащая стая пауков. Масляные автоматы блестят под лунным светом. Джексон вращает своим мечом. «Воскресители» в масках пожирают землю стопами, пока расстояния между ними не остается, и Кейт понимает, что этот момент, этот ужасный, грязный, горько-зеленый момент, будет последним в ее жизни. Ее оцарапанная кожа перестает болеть, и она ощущает запах роз, который затуманивает ее зрение. Она обнимает Сильвер так сильно, словно хочет, чтобы их тела слились в одно. Сет снова на ногах, готов сражаться, защищать их, но его связанные руки опускаются при осознании — осознании, которое зеркально отображает ее — что в этот раз для них спасения нет.

Глава 82

Элегантные стрелы

Загнанные в угол армией «Воскресителей» и мечом Джексон, Кейт чувствует, что упирается спиной в лепестки и шипы внешней изгороди лабиринта. Тело к телу, рука Сильвер обвита вокруг ее шеи. В глазах Джексон пляшут огни, от приближающейся убийцы некуда бежать.

Кейт закрывает глаза в ужасе. Боль в сердце грозится поглотить ее, пока она ждет, что клинок пронзит ее тело. Кто знал, что есть столько видов боли?

Она перестает бороться. Не приветствует смерть — никогда не стала бы ее приветствовать — но, по крайней мере, ей не придется жить без Мэлли. Она не может себе такого представить, а теперь ей и не нужно это представлять, и она заставляет себя сосредоточиться на мерцающем утешении. Она погружается в мысли о любви к Сильвер, опускает губы к шее маленькой девочки и растворяется в крепких объятиях. Если это ее последний момент, пусть это будет момент сильной и исключительной любви.

Вдруг раздается звук свистящего снаряда, и веки Кейт инстинктивно распахиваются. «Воскреситель» в заднем ряду хватается и держится за грудь. Нахмуренные брови и скользкие пальцы: кровь выглядит как чернила. Он испускает последний вздох и заваливается вперед. Все встревожились из-за длинной

белой стрелы, торчащей из его спины. На миг они застыли, а затем слышится еще свист, шепот, звон, когда еще больше элегантных стрел находят свои мясистые цели. Ряд из десяти «Воскресителей» вскрикивает и падает, а затем еще десять. Джексон изрыгает проклятия, роняет что-то и исчезает. Сет падает на Кейт и Сильвер, чтобы защитить их от метательных снарядов. Она пытается увидеть, что происходит, но Сет пригибает ее голову к земле.

Сквозь небольшую щель обзора, через которую можно лицезреть битву, она видит множество женщин, одетых в белые одежды, светящиеся под лунным светом. Она вооружены луками и арбалетами, и когда Кейт замечает Солан в толпе СурроСестер, то видит, как та запрокидывает руку назад, достает из колчана стрелу с ромбовидным наконечником, и отточенным движением помещает ее в лук и отправляет древко прямо в грудь приближающегося «Воскресителя». Белые одежды ослепляют приборы ночного видения «Воскресителей», вынуждая их срывать с себя маски и оставлять свои лица обнаженными. Слышны крики и вскрики, когда мужчины и женщины падают вокруг них как черные домино. Люмин карабкается на свой золотой постамент и начинает кричать, чтобы они перестали сражаться, перестали драться, пока его люди извиваются и истекают кровью на земле.

Когда Сет понимает, что происходит, он отпускает Кейт и присоединяется к битве, подбирая автомат с ближайшего мертвеца. Кейт чувствует себя опьянелой из-за всего происходящего и «СурроТрайб» видятся ей, как светящиеся воины на спинах лошадей или же величественные кремовые кентавры. Она наблюдает, как их перламутровые луки выпускают стрелу за стрелой возмездия. Святые мстители. Но, когда Солан приближается, Кейт видит, что никаких лошадей нет, а сурросестры передвигаются пешком, одеты в леггинсы и сникерсы для сохранения ловкости.

«Воскресителей» скрывает ночь, так что Сет подбирает брошенный Джексон «Тайл» и активирует голографическую вспышку, которая поднимается как кобальтовый дым.

Еще больше «Воскреситетелей» обрушивается вниз. Солан достигает Кейт и Сильвер, разрезает кабельные стяжки на ее запястьях и поднимает их на ноги, а затем идет, чтобы развязать Мэлли. Кейт охвачена волной боли, когда Солан с мраморным лицом развязывает обмякшие конечности мальчика, стабилизирует его болтающуюся голову и привлекает к себе, чтобы прислушаться к дыханию или сердцебиению.

Кейт видит блеск металла в Дельфийском лабиринте. Джексон. Она передает Сильвер ближайшей сурросестре и бежит

за сталью, которая сверкает среди шипов и роз.

— Стой! — кричит сурросестра.

Кейт продолжает бежать, на ходу подбирает оставленный пистолет, передергивает его и уверенно кладет палец на курок. Она уклоняется от летящих стрел и перепрыгивает через тела, усеивающие землю.

— Стой! Нам нужно оставаться вместе!

Кейт слышит слова, но они вылетают из ее головы. С поднятым пистолетом, она бежит глубже в лабиринт.

Глава 83

Саундрек из запаха роз

Кейт следует за блеском меча. Когда она входит в первый коридор, на нее выпрыгивает мужчина, прижимает свои соленые пальцы к ее рту, обдает горячим дыханием ее ухо. Близость его губ — отголоски Зиби — вызывают инстинктивную реакцию ее организма, и она ударяет его локтем в солнечное сплетение, а головой в лицо. От удара ее череп охватывает пылающая боль, но она смаргивает ее как раз вовремя, чтобы увидеть, что он снова устремляется к ней, и стреляет ему в грудь. Он оседает на колени, а его автомат приземляется на землю. Три пули замедляют его, но его арахношелк защищает его от серьезных ранений. Пока он нашаривает оружие, которое она отбрасывает в сторону, она заворачивает за угол, оборачивается и выпускает в его сторону еще несколько пуль, не задерживаясь, чтобы увидеть достигли ли они цели.

Через какое-то время она замедляется и упирается ладонями в колени, чтобы перевести дыхание. Меж ветвей она видит Сета, который теперь стреляет из двух автоматов. Солан уносит прочь тело Мэлли. Поле битвы усеяно трупами, пронзенными иглами цвета слоновой кости. Под саундтрек из запаха роз.

Она продолжает бежать, но спотыкается обо что-то и растягивается на земле, ударившись подбородком о землю. Инстинктивно она пинает предмет, о который споткнулась, не зная, камень это или рука врага, и наставляет на него автомат. Эта рука, при ближайшем рассмотрении, оказывается присоединенной к телу. «Воскреситель» с переломанной стрелой в сердце.

Тонкое пальто Кейт предлагает мало защиты, так что она снимает с мертвеца мягкую броню и надевает ее на себя. Костюм все еще хранит тепло и напитался кровью, он слишком велик для нее, так что она подворачивает его снизу и застегивает огромный воротник, чтобы защитить шею. Она подбирает пистолет мертвеца. Он больше, чем ее: пистолет, который она не знает, как использовать, но все равно берет его с собой. Девушка снова

продвигается вперед, в этот раз чувствуя себя скорее охотницей, чем жертвой. Вооруженная и защищенная — бронированный костюм, кажется, успокаивает. За следующим поворотом появляется фигура, и Кейт стреляет в него без колебаний. «Воскреситель» — в этот раз женщина — застигнута врасплох, и пистолет Кейт разносит ее череп с десяти шагов.

Кейт бежит дальше, поворачивая угол за углом. Часть происходящего кажется сюрреалистичной, как в видеоигре — она даже может видеть изображения виртуальной реальности в своей голове: круглый розовый лабиринт, усеянный скрытыми сокровищами и врагами, но, когда она спотыкается и падает в ежевику, это становится болезненным напоминанием, что все это реальность. Она выпутывается из шипастых веток. Без паучьего шелка она содрала бы кожу на руках.

Появляется другая женщина, и, несмотря на темноту, Кейт узнает ее. Она узнает ее везде, потому что часто видела ту в своем доме, на кухне, обнимающей ее детей, когда они оба были еще живы, здоровы и невредимы.

Бонги.

Окруженные цветами, они оказываются лицом к друг другу с заряженными пистолетами. Выражение лица Бонги выдает ее шок и неверие. Она опускает пистолет и прижимает его, дрожа, к боку.

— Ма, — говорит она. — Ты простишь меня?

Кейт вспоминает мертвого сопровождающего «Сейфгард», задушенного гарротой в общественной комнате отдыха, вспоминает брошенный розовый рюкзак, выброшенного кролика. Она думает о том, как няня ударила Сильвер по лицу, как она дала в руки Люмину секаторы.

— Ма?

Ее умоляющие глаза увлажнились.

Кейт нажимает на курок. На лбу Бонги появляется отверстие, и выстреливает кровавый туман. Кейт толкает ее осевшее тело в сторону и продолжает путь.

Впереди нее какое-то движение, и Кейт ускоряет шаг. Внезапно коридор, усеянный лепестками роз, открывается на еще одну небольшую поляну, где подсвеченный фонтан создает ощущение водопада. Белый шум в виде плеска успокаивает Кейт, в ее голове словно появляется чистый свет, и она снова может ясно мыслить.

Теперь перед ней десять разных троп, так что она встает на носочки, пытаясь заметить поблизости движение, подсказку, куда пойти. Ее пульс бьется неровно.

— Люмин давно ушел, — произносит травмированный голос

Джексон, заставляя Кейт подпрыгнуть.

Она стреляет из пистолета, того не желая, чем посылает единственную пулю в фонтан, и оглядывается вокруг, выискивая Джексон, которая делает шаг вперед из одной из аллей, меч висит у ее бока.

— Ты никогда его не найдешь.

Ненависть Кейт снова начинает кипеть в ней, как и прежде, но в этот раз в ее руках есть горячие пули, и не думая, она нажимает на курок как можно больше раз, пока вокруг них не поднимается облако из пороха, а Джексон не исчезает. Звуки выстрелов звенят в ее ушах, прыгая вокруг, как металлические спирали, а воздух пахнет кремнем.

Кейт слышит взмахи за своей спиной и поворачивается вокруг. Джексон наступает на нее как пантера в ночи, рычит и сбивает ее идеальным ударом в грудь. Голова Кейт ударяется о что-то твердое, а ушибленный подбородок трещит. Она лежит, распластавшись на земле, пытаясь увидеть Джексон сквозь вуаль боли. Кейт пытается встать, но ее ноги не слушаются голоса разума. Пистолет все еще в ее руке, но девушка не пытается хорошо прицелиться, а просто стреляет в темноту над ней. Пять пуль вылетают из пистолета, а затем она понимает, что у нее закончились патроны. Она отбрасывает оружие в сторону и тянется в карман за другим. Она представляет, как застрелит Джексон через карман, удивив ее градом пуль, но не может нащупать курок.

Она не может нащупать курок.

Она не может нащупать курок.

Ее пальцы превратились в слепых червей. Где, бл*ть, курок? Голографический водный фонтан льется и журчит.

Джексон появляется над ней, яркие зубы затмевают звезды.

— Нет смысла бороться, — шепчет она. — Мы победили. Разве ты не понимаешь?

Кейт пытается встать, но ее ноги словно прикованы к земле.

— Не беспокойся, — говорит Джексон. — Все кончено. Я сделаю все быстро.

Хеликс Кейт кричит в ночи.

Джексон, с блестящим от пота и триумфа лицом, заносит над ней меч.

Глава 84

Фатальный малиновый

Еще один свистящий звук, который Кейт никогда не забудет. Короткий пронзительный шепот в свежей ночи.

Свист, а потом… звук разрываемой плоти и ломающихся костей. Джексон таращит глаза, так как стрела попала ей прямо в

спину и торчит из груди. Она моргает, а ее губы шевелятся, но ничего не произносят. Девушка роняет меч и оборачивает руки вокруг окровавленного наконечника стрелы. Кашляет, издавая влажные звуки, кровь начинает вытекать из ее рта и окрашивает зубы фатальным малиновым. Ее глаза начинают закрываться, и она падает в обморок, как актриса в винтажном фильме. Один шаг элегантного танца смерти, а затем все кончено, она на земле. Несмотря на ясную ночь, молния разрезает небо, освещая весь сад на долю секунды.

Кейт теряет связь с реальностью. Это конец света?

Яркая белая вспышка являет человека, ответственного за кончину Джексон.

Трехлетка, меньше ростом, чем арбалет, который она держит. Со светлыми бликами в волосах.

Сильвер.

Эпилог

Йоханнесбург, 2024

— Миледи, — хрипит Марко.

Он открывает свой правый глаз впервые после нападения. Его рука путешествует вверх к дизайнерской повязке на глазу, и он проводит пальцами по ее краю. Хмурится.

Кеке отнимает руку от его лица.

— Проклятье, Марко, — говорит она и крепко его целует. — Сволочь.

— Почему бы вам ребятам не уединиться, — говорит Кейт, а Сет подмигивает.

— Я не против, — отвечает Кеке.

Марко моргает при виде чистых стен, антисептика в воздухе. Аппарат рядом с его головой показывает размеренное зеленое сердцебиение.

Темба врывается внутрь, готовая поворчать.

— Тебе нужно быть с ним помягче.

Ее бейдж интерна сменился брошью врача.

— Волноваться не о чем, но все равно, пожалуйста.

Они сидят рядом с ним, пока он то приходит в сознание, то уплывает из него. Кеке не отпускает его руки.

В следующий раз он открывает глаза, когда на край его кровати забирается маленькое тельце.

— Сильвер.

Сильвер улыбается и машет. Ее новый маленький пальчик изготовлен из легчайшего алюминия и напечатанной кости. Он покрыт мягким тисненным силиконом.

Так же хорош, как и настоящий, как сказал Темный Док,

когда оценивал свою работу. Сильвер сказала «нет», отчего Кейт захотелось зареветь, но затем та посмотрела на Дока и сказала, что он даже лучше.

— Спасибо тебе, Марко, — говорит Сильвер.

Он хмурится. Еще не понял, чем пожертвовал, чтобы ее нашли. Ему удается произнести лишь: «Клевый палец».

— Я тоже хочу киберпалец, — говорит Мэлли приглушенным голосом.

Кейт отодвигает межкомнатную штору, чтобы открыть их часть комнаты.

— Доброе утро!

— Привет, сосед, — говорит Мэлли Марко. — Я ждал, когда ты проснешься.

Марко выглядит испытывающим огромное облегчение, видя Мэлли, но затем замечает, что все тело мальчика находится в экзокасте, и от этого его пульс ускоряется. Он видит квадриплегическую наклейку на изголовье кровати.

Кейт видит, что он пытается заговорить, пытается понять, что произошло. Когда слова не выходят, эмоции берут вверх, и он меняется в лице. Она видит, как по нему прокатывается молчаливое опустошение.

— Полегче, тигр, — говорит Сет, похлопывая Марко по голени через хлопковую простыню. — Сейчас все в порядке.

Марко в тревоге прижимает ладонь к груди, ощущает там участок из стволовых клеток, а затем снова ощупывает заплатку на глазу.

Как сказать кому-то то, что нужно сообщить?

Арронакс прочищает горло.

— Ладно, Мэлли, — произносит она со своим четким акцентом, — Марко проснулся. Ты же знаешь, что это значит, верно?

— Пришло время показать шоу, — отвечает он.

— Верно. Ты готов?

Мальчик пытается кивнуть, но его экзокаст не дает ему пошевелить шеей. Темба суетится вокруг него, поправляет больничный халат, убирает катетер. Арронакс открывает защелки на экзокасте и поднимает Мэлли за руки, как ребенка, в то время как Темба поддерживает его за спину. Они оставляют у него на шее фиксатор. Они опускают кровать и помогают ему слезть с нее, и все задерживают дыхание. Кейт тихонько ахает, когда видит его стоящим, и, когда он начинает идти, по одному неуверенному шагу за раз, в ее груди разливается жжение, и она начинает рыдать.

— Смотри, мамочка, — говорит он. — Я снова могу ходить!

Сильвер хлопает и хлопает. Теперь и Кеке плачет, а затем к ним присоединяется Темба.

Фотография Мидона отклеивается от стены и летит на плитки пола. Арронакс дала его Мэлли перед операцией, сказав, что синтетическая саламандра — отличный талисман для его выздоровления. Мидон, как сказала она ему, причина, по которой он снова сможет ходить. Процедура заняла пять часов, и они имплантировали 32-электродный симулятор около его пятого шейного позвонка посередине шеи, чуть ниже места травмы. Если бы перелом был всего на миллиметр выше…

— Отлично, Мэлли, — хвалит Арронакс, — отличная работа!

Мэлли лучезарно им улыбается.

— Теперь я могу поехать домой?

Кейт вытирает лицо и осторожно его обнимает.

— Скоро. Я обещаю.

Его глаза блестят от слез.

— Кто тогда будет моим соседом, если ты уедешь домой? — шепчет Марко.

Они помогают ему вернуться в постель, разглаживают накрахмаленный белый хлопок над его бледными ногами.

— У меня для тебя подарок, Мэлли, — говорит Арронакс, — за то, что ты такой сильный, храбрый мальчик.

Она достает большую коробку из угла комнаты. Она обернута в анимированную подарочную бумагу: с мультяшным мальчиком, играющим с собакой. Они бегают по коробке.

Сет смотрит на нее с неверием.

Слезы Мэлли испаряются.

— Ну? — спрашивает Кейт. — Открой ее!

Мэлли срывает бумагу и открывает белую коробку. Его лицо светлеет, когда он видит то, что внутри.

— Не могу поверить!

Арронакс помогает ему достать из коробки мягкого коричневого щенка и положить его на колени.

— Это самая последняя версия К9000.

Она включает его, и тот тявкает.

— Это верный лабрадор. С шоколадным мехом. Лимитированное издание.

На лице Мэлли уже сияет любовь. Он подносит маленькую собаку к груди и утыкается носом в ее блестящий мех.

— Она теплая, — говорит он, и собака счастливо пыхтит. — Спасибо тебе, Арро, — говорит он. — Я всегда хотел РобоЩенка.

— Знаю, — говорит она, подмигивая Сету.

Кейт вздрагивает от слова «РобоЩенок» и реалистичности робота. Ей от этого неуютно, но она переживет, если Мэлли будет

меньше тосковать по дому, если станет немного счастливее. Бог знает, что он этого заслуживает, после всего, что они пережили. Девушка смотрит на потолок, под которым летает множество белых гелиевых шариков: подарок от Солан.

Щенок лает и гоняется за своим хвостом, они все смеются. Пэтч Кеке звенит, так что она тихо извиняется и покидает комнату, чтобы ответить на звонок. Когда она не возвращается через десять минут, Кейт идет на ее поиски.

Кеке не оказывается в больничном коридоре, как и у торгового автомата с холодным чаем. Унисекс знак на комнате отдыха привлекает внимание Кейт, так что она подходит и толчком открывает дверь. Заходя, она ловит свое отражение в одном из зеркал, видит, что ее макияж размазался из-за того, что она плакала, так что уделяет время тому, чтобы стереть потеки туши со своих щек.

— Повторяю, — слышит она, как Кеке произносит за одной из дверей. — Повторяю, оставь меня в покое.

Кейт думает, что она, должно быть, разговаривает по телефону, так что она в шоке, когда слышит голос другого человека. По ее венам бежит яркий поток, отчего ее пальцы дрожат.

— Кеке, пожалуйста, просто выслушай меня, — произносит мужской голос.

— Нет! — отвечает Кеке. — Не собираюсь. Ладно? Нет.

— Я не причиню ей вреда, — произносит мужской голос. — Мне нужно лишь…

— Это ты рассказываешь своим друзьям о других твоих жертвах?

— Жертвах? О чем ты говоришь?

— Здесь были копы. Они все мне рассказали.

Мужчина смеется.

— Ты веришь полиции? Серьезно?

— Ты убил Хелену Нэш.

— Хелена Нэш сама себя убила.

— Ты ей помог. И другим. Я ухожу.

Слышатся звуки борьбы.

— Отпусти меня.

— Кеке. Выслушай меня, пожалуйста…

— Я верну тебе деньги, хорошо? Найду способ. Тогда мы будем в расчете.

— Тебе не надо возвращать мне деньги. Дело не в услуге за услугу. Тут все сложнее. Мне нужно лишь…

— Нет, я этого не сделаю. Она и так многое пережила. А теперь буду благодарна, если ты отпустишь мою руку.

Кейт хмурится. Отпустить ее руку? Она на носочках пробирается по комнате и, когда замечает две пары ног под дверью кабинки, открывает дверцу. Кеке и мужчина поворачиваются, чтобы посмотреть на нее, одновременно.

— Отпусти ее руку, — говорит Кейт.

Мужчина повинуется.

— Кейт, — произносит он.

Мужчина хорош собой и одет в хорошо сидящий костюм. Голубой шелковый галстук.

— Мне нужно кое-что рассказать тебе.

— Тогда рассказывай.

Кейт не может вспомнить, что они когда-либо встречались с этим мужчиной, но что-то в нем кажется знакомым. Словно она видела его раньше, на домашнем экране или во сне.

— Не здесь, — говорит Зак. — Не так.

Продолжение следует…